

Е. Н. АБЫЗОВА,
П. П. БЫРНЯ,
А. А. НУДЕЛЬМАН

ДРЕВНОСТИ СТАРОГО ОРХЕЯ

Молдавский
период

•

КИШИНЕВ
«ШТИИНЦА»
1982

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
Отдел этнографии и искусствоведения

Е. Н. Абызова, П. П. Бырня,
А. А. Нудельман

ДРЕВНОСТИ СТАРОГО ОРХЕЯ

Молдавский период

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

КИШИНЕВ
«ШТИИНЦА»
1982

Рецензировали
и рекомендовали
к изданию доктор
исторических наук
П. В. Советов,
кандидаты
исторических наук
В. С. Бейлекчи,
Е. М. Подградская

В монографии анализи-
руются материалы много-
летних раскопок молдавско-
го средневекового города
XV—XVI вв. на территории
Днестровско-Прутского между-
речья — Старого Орхей, которые
отражают различные стороны со-
циально-экономической жизни и
быта городского населения.
Впервые даются типология жи-
лых, хозяйственных и произ-
водственных комплексов,
классификация керами-
ческого материала,
освещается такой
важный вопрос,
как монетное
обращение
в XV—XVII вв.

Книга рассчитана на
историков, археологов,
этнографов, краеве-
дов, студентов-
историков.

ОТ АВТОРОВ

История молдавского средневекового города в Днестровско-Прутском междуречье разработана пока еще слабо. Письменные источники, которые могли бы пролить свет на данную проблему, почти совершенно отсутствуют. Что же касается археологического исследования, то оно было начато лишь в послевоенное время.

Первостепенное значение для изучения истории материальной культуры городского населения Молдавии в средние века имеет материал из раскопок городища Старый Орхей. В настоящее время это единственный средневековый памятник городского типа в Молдавии, не застроенный современными постройками и в силу этого наиболее удобный и ценный для археологического изучения.

В конце 40-х гг. на поверхности городища можно было увидеть остатки стен каменных зданий: крепости второй половины XV в., церкви конца XVI—XVII в., бань золотоордынского времени, камеры которых в молдавское время использовались под жилье, а также оборонительных валов и рвов и т. д. Остатки этих капитальных сооружений, хорошо сохранившихся и не перекрытых более поздними строениями, привлекли внимание ученых.

Большую роль в идентификации этого памятника сыграл ряд молдавских грамот более позднего времени — конца XVI—XVII в., касающихся главным образом расположенных по соседству поселений.

В них Орхей впервые упоминается как «старый» или «ветхий».

Это свидетельствует о том, что

Старый Орхей к этому времени уже не существовал, а зарождался и развивался другой Орхей — «новый», существующий и в настоящее время.

СОДЕРЖАНИЕ

4	ОТ АВТОРОВ	4
5	ВВЕДЕНИЕ	6
7	1. ЖИЛЫЕ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ	31
32	2. КЕРАМИКА	62
63	3. ИЗ ИСТОРИИ МОНЕТНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СТАРОМ ОРХЕЕ (XV—XVII вв.)	92
93	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	94
95	ПРИМЕЧАНИЯ	98
99	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	99

ВВЕДЕНИЕ

Городище Старый Орхей
находится в центральной лесостепной части Молдавии,
между селами Требужены и Бутучены
Оргеевского района.

Исследования, проведенные в Старом Орхее его первооткрывателем Г. Д. Смирновым в 1946—1963 гг., позволили собрать значительный материал, но, к сожалению, автор успел издать лишь отдельные статьи по некоторым элементам материальной культуры городского населения и видам ремесла.

В статье «Археологические исследования Старого Орхей» Г. Д. Смирнов дал краткую характеристику раскопанных им в 1947—1951 гг. сооружений¹. Статья «Из истории Старого Орхей»² содержит первую попытку периодизации истории города.

Материалы, полученные в 1953—1955 гг. при раскопках двух ремесленных мастерских по изготовлению декоративных кирпичей и красноглиняных печных изразцов, нашли отражение в статьях «Декоративные кирпичи молдавского города Старый Орхей» и «Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхей». В первой была подвергнута изучению техника изготовления, размеры рисунка, определено назначение фигурного кирпича, из которого создавались различные орнаментальные мотивы, применявшиеся, по мнению автора, в гражданской архитектуре Молдавии в XV в.³ Во второй статье исследовался богатый, редко встречающийся материал — красноглиняные изразцы. Автор восстановил процесс производства красных неполивных изразцов, выделил основные их типы, реконструировал различные типы изразцовых печей, бытовавших в домах горожан и усадьбах бояр в Молдавском княжестве в XV — начале XVI в.⁴

В 1962 г. М. С. Великановой были открыты остатки каменного фундамента, деревянной церкви XV в. и каменное надгробие со славянской надписью. Анализ этой первой славянской надписи XV в. в Молдавии, установление личности погребенного произведены Г. Д. Смирновым, Л. Л. Полевым и И. А. Рафаловичем⁵. Выделению раннеславянских материалов из культурного слоя памятника, их описанию и датировке посвящена статья Г. Д. Смирнова и И. А. Рафаловича⁶.

Л. Л. Полевой, характеризуя города Молдавии, излагая историю заселения местности, на которой располагался Орхей, указывает, что все сооружения молдавского времени городища относятся ко второй половине XV — первой половине XVI в.⁷

ВВЕДЕНИЕ

Городище Старый Орхей
находится в центральной лесостепной части Молдавии,
между селами Требужены и Бутучены
Оргеевского района.

Исследования, проведенные в Старом Орхее его первооткрывателем Г. Д. Смирновым в 1946—1963 гг., позволили собрать значительный материал, но, к сожалению, автор успел издать лишь отдельные статьи по некоторым элементам материальной культуры городского населения и видам ремесла.

В статье «Археологические исследования Старого Орхей» Г. Д. Смирнов дал краткую характеристику раскопанных им в 1947—1951 гг. сооружений¹. Статья «Из истории Старого Орхей»² содержит первую попытку периодизации истории города.

Материалы, полученные в 1953—1955 гг. при раскопках двух ремесленных мастерских по изготовлению декоративных кирпичей и красноглиняных печных изразцов, нашли отражение в статьях «Декоративные кирпичи молдавского города Старый Орхей» и «Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхей». В первой была подвергнута изучению техника изготовления, размеры рисунка, определено назначение фигурного кирпича, из которого создавались различные орнаментальные мотивы, применявшиеся, по мнению автора, в гражданской архитектуре Молдавии в XV в.³ Во второй статье исследовался богатый, редко встречающийся материал — красноглиняные изразцы. Автор восстановил процесс производства красных неполивных изразцов, выделил основные их типы, реконструировал различные типы изразцовых печей, бытовавших в домах горожан и усадьбах бояр в Молдавском княжестве в XV — начале XVI в.⁴

В 1962 г. М. С. Великановой были открыты остатки каменного фундамента, деревянной церкви XV в. и каменное надгробие со славянской надписью. Анализ этой первой славянской надписи XV в. в Молдавии, установление личности погребенного произведены Г. Д. Смирновым, Л. Л. Полевым и И. А. Рафаловичем⁵. Выделению раннеславянских материалов из культурного слоя памятника, их описанию и датировке посвящена статья Г. Д. Смирнова и И. А. Рафаловича⁶.

Л. Л. Полевой, характеризуя города Молдавии, излагая историю заселения местности, на которой располагался Орхей, указывает, что все сооружения молдавского времени городища относятся ко второй половине XV — первой половине XVI в.⁷

В связи с объявлением в 1968 г. памятника государственным заповедником раскопки в Старом Орхее были возобновлены. Они дали новые материалы, характеризующие культуру городского населения в молдавский период. Результаты предпринятых в 1969—1971 гг. и 1974—1976 гг. работ были опубликованы.

В статье П. П. Бырни «Краткие итоги археологических раскопок в Старом Орхее в 1969 году»⁸ приводятся результаты раскопок, проведенных к югу и востоку от сооружения золотоордынского времени — «караван-сарая» 1. К молдавскому времени относятся очень интересные жилище 5 и яма 5, содержащие наиболее ценный керамический материал, который найдет более подробное отражение в данной работе.

В статье П. П. Бырни и Т. А. Щербаковой «Краткие итоги археологических исследований в Старом Орхее в 1971 г.»⁹ описываются материалы, полученные раскопками кладбища I в центральной части городища, где было вскрыто 122 погребения. Судя по находкам монет, кладбище относится к концу XVI — первой половине XVII в. — времени существования на территории городища села Мовилово-Пештере. Эта дата подтверждается открытием жилища 18, расположенного на окраине кладбища (в нем была найдена белоглиняная керамика, покрытая изнутри светло-коричневой или зеленой поливой, относящаяся к этому времени).

В статье Е. Н. Абызовой и П. П. Бырни «Археологические работы в Старом Орхее в 1974—1976 гг.»¹⁰ дается краткая характеристика двух молдавских жилищ из Орхее: жилища 31 — начала XVII в. — и жилища 32 — второй половины XV в. Опубликованные материалы позволяют судить о конструктивных особенностях молдавского городского жилища XV в. и сельского жилища XVII в.

Настоящая работа призвана заполнить определенный пробел в истории материальной культуры городского населения средневековой Молдавии. В ней характеризуются наиболее важные элементы материальной культуры городского населения Старого Орхее в молдавский период¹¹, полученные в результате раскопок 1968—1980 гг. Дается типология жилых, хозяйственных и производственных сооружений. Впервые приводится классификация молдавской керамики XV — первой половины XVI в., имеющая чрезвычайно важное значение для изучения эволюции молдавской материальной культуры, выработки эталонов датировки других памятников на территории республики. Сделана попытка рассмотрения находок монет молдавского периода истории города со времени падения господства Золотой Орды в «Новом городе» — Шехр ал-Джедиде — до прекращения существования Старого Орхее как населенного пункта.

Введение, второй раздел и заключение написаны П. П. Бырней, первый раздел — Е. Н. Абызовой и П. П. Бырней, третий раздел — А. А. Нудельманом.

1. ЖИЛЫЕ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Молдавское средневековое городское жилище в отличие от сельского¹ не нашло еще своего отражения в исторической литературе. Первые материалы о городском жилище XV—XVII вв. получены в результате раскопок в 1952 г. в Сучаве, где были найдены остатки наземных жилищ². В последующие годы здесь был открыт еще ряд жилых сооружений, что позволило румынскому археологу Г. Дякону дать первую краткую классификацию жилищ XV в. на территории Сучавы. Автор выделил четыре основных типа жилищ XV в.: землянку, полуземлянку, наземное жилище и наземное жилище с подвалом.

Первые два типа жилищ характерны в основном для пригородов Сучавы Замка и Арень. Разницу между землянкой и полуземлянкой Г. Дякону определяет глубиной котлованов сооружений: глубина землянок от 100 до 150 см, полуземлянок от 50 до 60 см. На территории сучавского торгога найдены кроме землянок и полуземлянок и наземные жилые сооружения с подвалами и без них³. На основе изучения археологического материала и привлечения данных грамот XV в. автор убедительно доказал, что наземные сооружения с подвалами представляют собой купеческие дома, где подвалы использовались как складские помещения⁴.

Более значительный материал по городскому жилищу был получен в Сучаве в 50—60-е гг. Были открыты жилища различных типов, как углубленные в землю, так и наземные различных конструкций, с подвалами и без них, одно- и многокамерные⁵.

Первая публикация о молдавском жилище в Старом Орхее принадлежит Г. Ф. Чеботаренко. Он описывает землянку XV в., открытую на территории цитадели⁶.

Первая краткая, предварительная классификация молдавских жилищ Старого Орхее дана П. П. Бырней⁷. Полученный в последние годы материал позволяет уточнить и расширить эту классификацию.

ЖИЛИЩА

Жилища молдавского времени в Старом Орхее так же, как и золотоордынские, различаются по уровню залегания в грунте, форме, размерам и т. д.

Жилище 1 обнаружено в 14 м к югу от северного угла западной стены «караван-сарая» I на глубине 25—30 см под слоем щебня толщиной 10 см. Оно достигало глубины 45 см от современной дневной поверхности.

Жилище имело прямоугольную форму, было ориентировано входом на запад. Его северная и западная границы прослежены по цвету грунта. Восточной стеной служила каменная стена «караван-сарая» I, к которой оно примыкало. Южная сторона очерчена каменной вымосткой. Длина жилища по линии запад—восток равна 200 см, север—юг — 340 см. Длина тамбура, находящегося в юго-западной части жилища, 70 см, ширина около 80 см. Пол представлял собой слой утрамбованной глины, местами выложен кирпичом и камнями.

В юго-восточной части жилища, напротив входа, у каменной стены и в 80 см от южной стены жилища находился очаг в виде выложенной камнем ямы диаметром 60×80 см. Стенки его покаты и слегка суживаются книзу, дно овальное. Нижний диаметр очага 50×60 см. Камень, которым выложена яма, прожжен насквозь. Глубина очага от уровня пола 25 см.

Контуры жилища 3 (рис. 1) были обнаружены на глубине 60—70 см, в 260 см к западу от «караван-сарая» I. Оно углублено на 225—250 см от уровня современной дневной поверхности, прямоугольной формы, ориентировано тамбуром на юг с небольшим отклонением к западу. Размеры его 450 см (север—юг) на 390 см (запад—восток). Общая площадь 17,55 кв. м. Углы жилища слегка закруглены. Стены вертикальные, прямые, углублены в материк на 160 см. Пол горизонтальный, ровный, материковый, частично выложен кирпичом. В полу жилища прослежены шесть столбовых ям, по одной в углах и в средней части стен. В юго-западном углу и в середине южной стенки столбовые ямы отсутствуют, что можно объяснить наличием здесь тамбура входа. Диаметр ям 15—20 см, глубина 25 см.

С южной стороны к жилищу примыкал прямоугольный четырехступенчатый тамбур размерами 180×225 см,

ориентированный, как и камера жилища, по линии север—юг. Первая ступенька снизу была шириной 45 см, остальные шириной 60 см. На второй ступеньке сверху прослежены обожженные кирпичи, лежащие горизонтально; видимо, ступенька, как и пол, была частично выложена кирпичом золотоордынского времени.

В средней части жилища, в 140 см от западной стены и в 160 см от северной стены прослежено пятно обожженной земли овальной формы, вытянутое с запада на восток, размерами

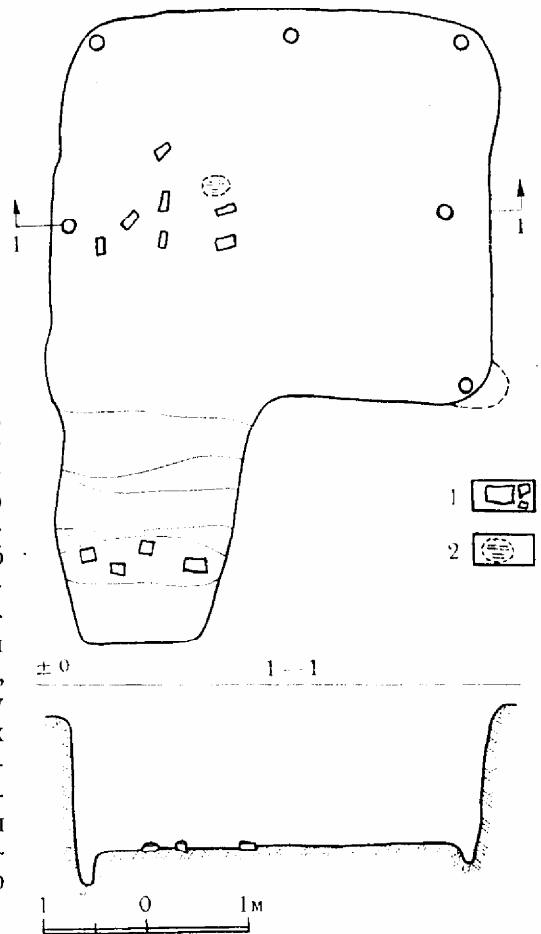

Рис. 1. Жилище 3 (план, разрез):
1 — обожженный кирпич; 2 — очаг

20×30 см. Возможно, это остатки слабого очага.

Жилище 4 (рис. 2) было обнаружено на глубине 135—140 см и примыкало с внутренней стороны к северной стене «караван-сарая» I. Оно имеет прямоугольную форму и вытянуто по линии запад—восток. Длина жилища 300 см, ширина 150—200 см. Котлован углублен в материковый грунт на 70—90 см, а от современной дневной поверхности — на 210—230 см. Стенки прямые, отвесные. Пол ровный, горизонтальный, западная часть жи-

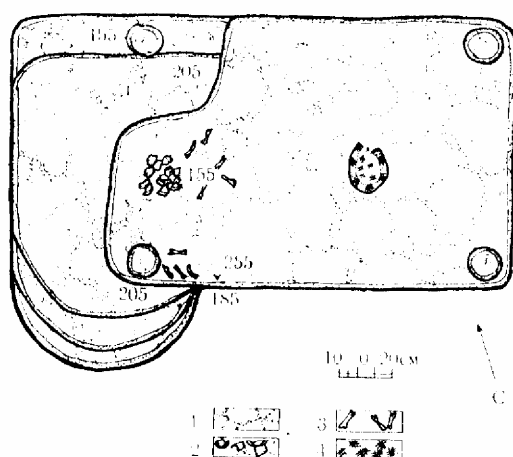

Рис. 2. Жилище 4 (план):

1 — остатки глиняного пола; 2 — обломки печных изразцов; 3 — кости животных; 4 — очаг

лища полосой в 70 см приподнимается над уровнем пола на 20 см. В углах прослежены четыре столбовые ямы диаметром 20 см, углубленные ниже уровня пола на 40—55 см.

В юго-западной части расположен полукруглый тамбур с тремя ступеньками высотой 45, 10 и 20 см, шириной 20—30 см.

В 60 см от северной стенки и в 80 см от восточной на глубине 225 см прослежен небольшой очаг овальной формы размерами 45×30 см.

Жилище 5 расположено между каменными пилонами и порогом въезда

в «караван-сарай» I. Его остатки появились на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности в виде обгорелых кусков глиняной обмазки, прожженного чернозема, обгоревших костей, камней, дерева и золы. Фундаменты каменных пилонов въезда в «караван-сарай» I ограничивали жилище с запада и востока. Южной стеной служил порог въезда, состоявший из двух каменных блоков, прямоугольных в сечении. Северная стена была сооружена из дерева, о чем свидетельствуют остатки двух круглых в плане столбовых ям диаметром 30—35 см. Пол горизонтальный, находится на глубине 70—75 см от уровня современной дневной поверхности, обмазан слоем глины толщиной не более 5 см. Жилище имело форму, близкую к квадрату, ориентировано по линии север—юг, с отклонением на 10° к востоку. Длина его 400 см, ширина (расстояние между пилонами) 300 см.

В юго-восточном углу, в месте стыка восточного пилон и порога «караван-сарая» I было обнаружено основание печи прямоугольной формы, размерами 95×125 см. С севера и запада оно выложено обработанными камнями правильной формы размерами 45×20 см, 30×30 см и более мелкими необработанными камнями. Высота основания печи 35 см. Внутри оно было забито слоем глины толщиной 30—35 см, поверхность которого служила подом. Под плотный, горизонтальный, линзообразной формы, имел толщину 5—20 см. На поде найдены обломки цилиндрических печных изразцов (101 фрагмент).

Остатки жилища 6 располагались в 50 см к северу от восточного и западного пилонов «караван-сарая» I на глубине 10—35 см. Судя по остаткам пола, который представлял собой слой плотно утрамбованной глины толщиной 15—20 см, жилище было подпрямоугольной формы, ориентировано с запада на восток. Сохранившаяся дли-

на его 720—800 см, а ширина 320—420 см.

В северо-западной части жилища, на глубине 30 см была обнаружена печь, представленная остатками пода диаметром 60×65 см и толщиной 4—8 см. К северо-западу от пода прослежен развал кирпича (130×160 см), из которого, по всей вероятности, и была сооружена печь.

Жилище 7 обнаружено в 120 см к востоку от «караван-сарая» I на глубине 80 см. Оно представляло собой углубленную в материк полуземлянку подпрямоугольной формы. Размеры жилища 270×340 см, ориентировано

оно в направлении север—юг с отклонением к востоку на 10°. Стенки слегка покатые, пол материковый, ровный.

Вход в жилище в виде полукруглого трехступенчатого тамбура размерами 70×70 см располагался с северной стороны. Высота ступенек 10, 15 и 20 см, ширина от 15 до 40 см. На нижней ступеньке с обеих сторон прослежены две столбовые ямы овальной формы диаметром 10×20 см и глубиной 20—30 см ниже уровня пола. У южной стены прослежены еще две столбовые ямы диаметром 10 см, расположенные на расстоянии 80 см друг от друга.

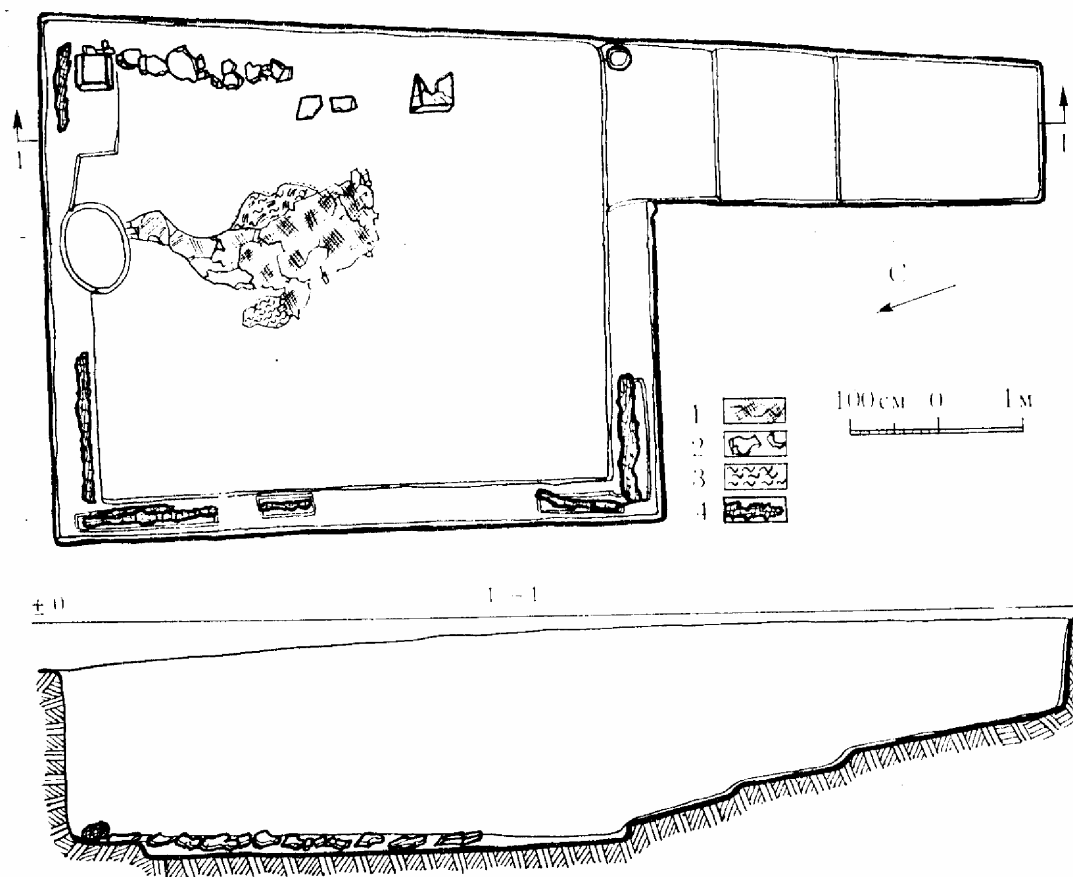

Рис. 3. Жилище 10 (план, разрез):

1 — остатки очага; 2 — известняковые камни; 3 — зола; 4 — древесный тлен

Печь в виде подбоя, выкопанного в материке западной стены, располагалась справа от входа. Она обнаружена на глубине 130 см от современной дневной поверхности, имеет круглую форму, диаметр ее 70 см, под толщиной 4 см слегка закруглен, хорошо обмазан и прожжен. На его поверхности сохранился слой золы толщиной 3—4 см. Свод печи не обмазан, но прожжен докрасна. Высота печи 30 см. Перед устьем, на глубине 150 см располагался небольшой выступ, также с обожженной поверхностью. Он выполнял, по всей видимости, роль шестка. Печь топилась по-черному.

Жилище 10 (рис. 3) было обнаружено в 510—520 см от восточной стены «караван-сарая» I на глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности. Оно представляло собой вырытый в материковом слое котлован прямоугольной формы, углубленный в материковый грунт на 265 см от уровня современной дневной поверхности. Длина жилища 1170 см, ширина 535—600 см, ориентировано оно по линии север—юг. Стены прямые, отвесные, пол материковый, ровный, слегка повышается к южной стене.

Вдоль северной, южной и западной стен котлована на высоте 7—10 см от уровня пола располагались небольшие выступы из материка, которые служили, по-видимому, своеобразным фундаментом для деревянного сруба. Ширина выступов 35—60 см. По восточной стене, где выступ отсутствовал, фундаментом служила цепочка камней, прослеженная на протяжении 260 см.

К конструктивным особенностям жилища можно отнести то, что в его котлован был опущен сруб, от которого сохранилось несколько венцов по периметру котлована. Количество венцов трудно установить, они сильно истлели. Однако следы деревянной обшивки выявлены в некоторых местах на высоте 95 см от уровня пола. Про-

странство между срубом и котлованом было забутовано глиной.

На полу, на расстоянии 90 см от северной стены и 250 см от западной был прослежен очаг неправильной формы длиной 110 см и шириной 25—110 см. Под его обмазан глиной, заглажен, прожжен на глубину 8—10 см. С севера к очагу примыкала овальная в плане яма диаметром 90×105 см. Стенки ее прямые, отвесные; углублена ниже уровня пола на 20 см.

С юга в жилище вел вход — тамбур вытянутой трапециевидной формы, который являлся продолжением восточной стены. Длина его 465 см, ширина 160—190 см. Он снабжен тремя широкими ступенями, имеющими небольшой уклон к северу. Длина их 240, 140 и 130 см, высота 30—40 см.

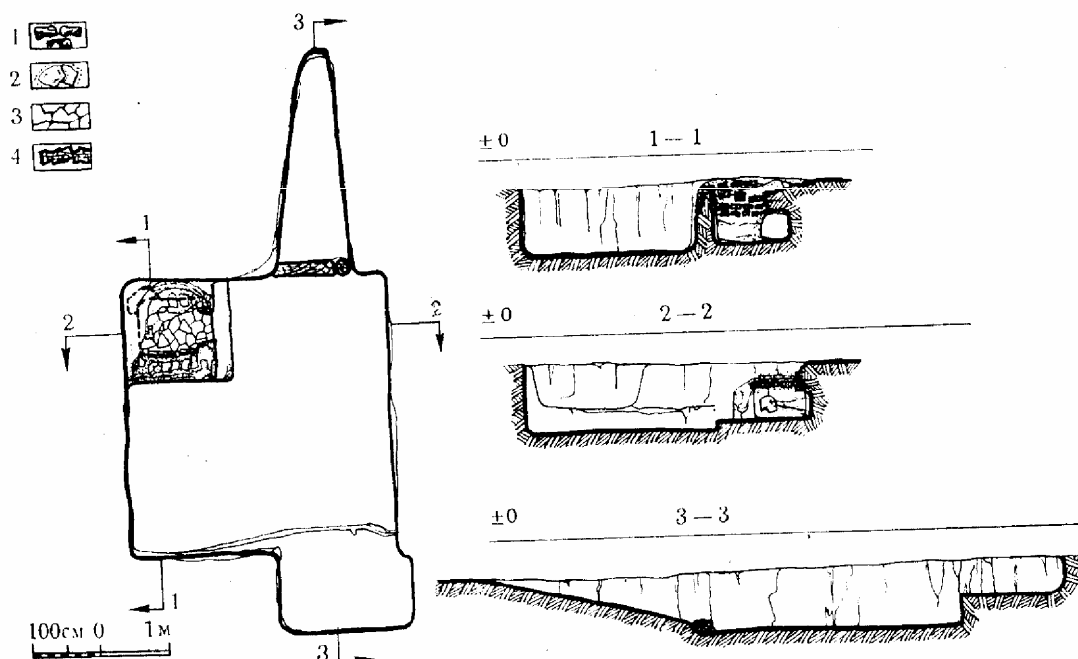
Жилище 14 (рис. 4) было расположено в северо-восточной части городища. Контуры его обнаружены на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. Оно представляло собой землянку, ориентированную по линии север—юг, углубленную на 90 см в материковый грунт и на 150 см от уровня современной дневной поверхности. Форма котлована близка к квадрату — 380×400 см, стены ровные, отвесные. Полом служил утрамбованный материковый грунт — ровный, горизонтальный.

С севера к жилищу примыкал тамбур входа, по форме близкий к усеченному конусу. Длина тамбура 300 см, ширина 50—120 см. Стенки ровные, отвесные, дно образовывало пологий пандус, который вел к котловану. У основания тамбура на глубине 145 см от уровня современной дневной поверхности были выявлены следы истлевшего бревна длиной 60 см и диаметром 20 см.

Справа от входа, в северо-западном углу жилища была расположена печь в плане квадратной формы, размерами 68×70 см, устьем обращен-

Рис. 4. Жилище 14 (план, разрезы):

1 — обожженные кирпичи; 2 — обмазка печи; 3 — под печи; 4 — обугленное дерево

ная к востоку. Корпус ее был выложен из 12 рядов кирпича, уложенных с соблюдением перевязи. Кирпичи скреплялись при помощи глиняного раствора, толщина швов достигала 1 см. Под обмазан глиняным раствором с примесью песка, поверхность хорошо заглажена и прокалена до ярко-красного цвета. Он залегал на глубине 135 см от уровня современной дневной поверхности, толщина его достигала 5 см. Высота печи 60 см, толщина стен 20 см, ширина устья 30 см, длина 45 см. Печь была сооружена на материковой подставе высотой 25 см. Перед нею располагался шесток длиной 150 см, шириной 30 см. В северо-западном углу печи имелось прямоугольное отверстие длиной 30 см, шириной 35 см, возможно, дымоход.

С южной стороны к котловану жилища примыкала прямоугольная в

плане ниша размерами 120×200 см с закругленными углами, ориентированная по линии запад—восток. Котлован ниши цилиндрической формы, углублен в материковый грунт на 50 см и на 110 см от уровня современной дневной поверхности. Стенки ровные, отвесные, дно горизонтальное.

Жилище 16 было обнаружено в северо-восточной части городища, в 70 м от жилища 14. Оно представляло собой землянку, ориентированную углами по странам света. Размеры в направлении север—юг 670 см, запад—восток 560 см. Стенки покатые местами заплывшие. Пол горизонтальный, с уступом, проходящим параллельно северо-восточной стене, шириной примерно 170 см. Жилище углублено в материковый грунт на 140—165 см от уровня современной дневной поверхности. У северного угла жилища пол располагался н

глубине 150 см, у западного — на глубине 160 см, у южного и восточного — соответственно на глубине 165 и 140 см.

В юго-восточной стене находилось отопительное сооружение, представлявшее собой глинобитную подбойную печь в плане прямоугольной формы, с закругленными углами, длиной 110 см, шириной 100 см, сохранившейся высотой стен 28 см. Под печи поднят на 45 см над уровнем пола. Расстояние от пода до свода 35 см, толщина пода 3 см, толщина стенок печи 4 см, толщина свода 3,5—4 см.

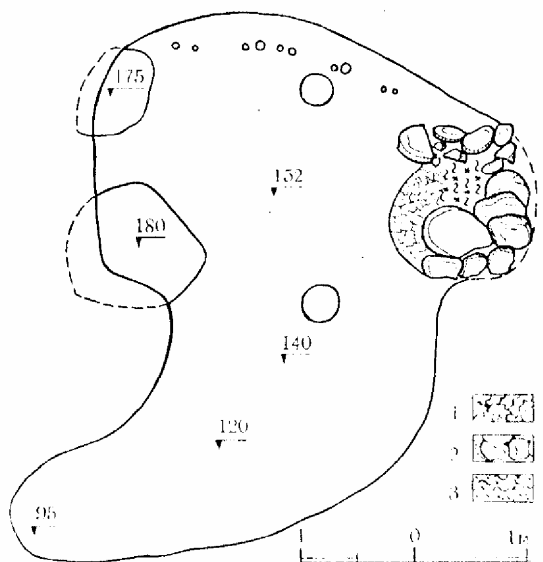
Жилище 17 располагалось на расстоянии 90 см к западу от жилища 14. Оно представляло собой полуземлянку, углубленную на 100 см в материковый грунт и на 220—240 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован жилища северной стеной уходит под бровку дороги и располагается на остатках котлована, относящегося к золотоордынскому времени. Он прямоугольной формы, ориентирован длинной осью на север с некоторым отклонением к западу. Размеры котлована: по линии север—юг 600 см (восточная стена) и 840 см (западная стена), по линии запад—восток 600 см. Стены ровные, отвесные.

У северной стены жилища, в 175 см от восточной и в 260 см от западной стен котлована была обнаружена печь, сложенная из известняковых камней. Она прямоугольной формы, устьем обращена на запад, располагалась, по всей вероятности, слева от входа в жилище. Длина печи 180 см, ширина 140 см, высота 20—35 см. Изнутри и снаружи она была обмазана глиняным раствором; под, обмазанный глиной, располагался на уровне пола, хорошо прожжен. Длина пода 120 см, ширина 70—75 см, толщина 10 см, ширина устья печи 40 см.

Жилище 18 (рис. 5) выявлено в центральной части городища в 65 м к юго-западу от «караван-сарая» I на глубине 60—70 см от уровня совре-

Рис. 5. Жилище 18 (план):

1 — остатки пода; 2 — известняковые камни; 3 — зола с включениями древесного угля

менной дневной поверхности. Оно имело в плане очертания неправильного прямоугольника, ориентированного в направлении север—юг. Длина его 500 см, ширина 390 см. Котлован был углублен в материковый грунт на 80 см, стены его прямые, отвесные. В жилище вел изогнутый вход-тамбур в виде пандуса, обращенный к юго-западу. В северо-восточном углу располагалась сводчатая подбойная печь, обложенная известняковыми камнями. В плане она имела форму, приближающуюся к кругу. Свод полусферической формы был обмазан глиняным раствором и в результате длительного использования прокален до красна. Диаметр печи 110 см, сохранившаяся высота свода 50 см.

Вдоль западной стены обнаружены две подбойные ямы неправильной овальной формы. Первая яма размерами 100×120 см располагалась в юго-западном углу жилища на глубине 180 см от уровня современной дневной поверхности. Вторая яма размера-

ми 60×90 см находилась в 40 см севернее на глубине 175 см от уровня современной дневной поверхности.

Пол в жилище служил утрамбованный материк. На его поверхности по осевой линии были расположены две столбовые, круглые в плане ямы диаметром 30 см, свидетельствующие о том, что жилище имело столбовую конструкцию, к которой крепились перекрытия кровли. Вдоль северной стены жилища прослежены небольшие углубления, расположенные цепочкой. Вероятно, это остатки плетня, укреплявшего более слабую северную стену, которая прорезала в этом месте котлован жилища золотоордынского времени (жилище 15).

Жилище 22 (рис. 6) располагалось в северной части городища на глубине 70—100 см от уровня современной

дневной поверхности. Оно представляло собой землянку, углубленную в материковый грунт на 215—220 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован в плане прямоугольной формы с тамбуром-входом, прилегающим с северной стороны. Стенки котлована отвесные, у основания обшиты деревом, дно сравнительно ровное. Размеры жилища 540×500 см, общая площадь 27 кв. м, ориентировано оно в направлении север—юг.

Вдоль западной, северной и восточной стен прослежены следы истлевших бревен, у западной стены древесный тлен найден на глубине 205 см, длина истлевшего бревна 360 см, ширина 6—8 см; у северной стены следы древесного тлена появились на глубине 220 см, длина брев-

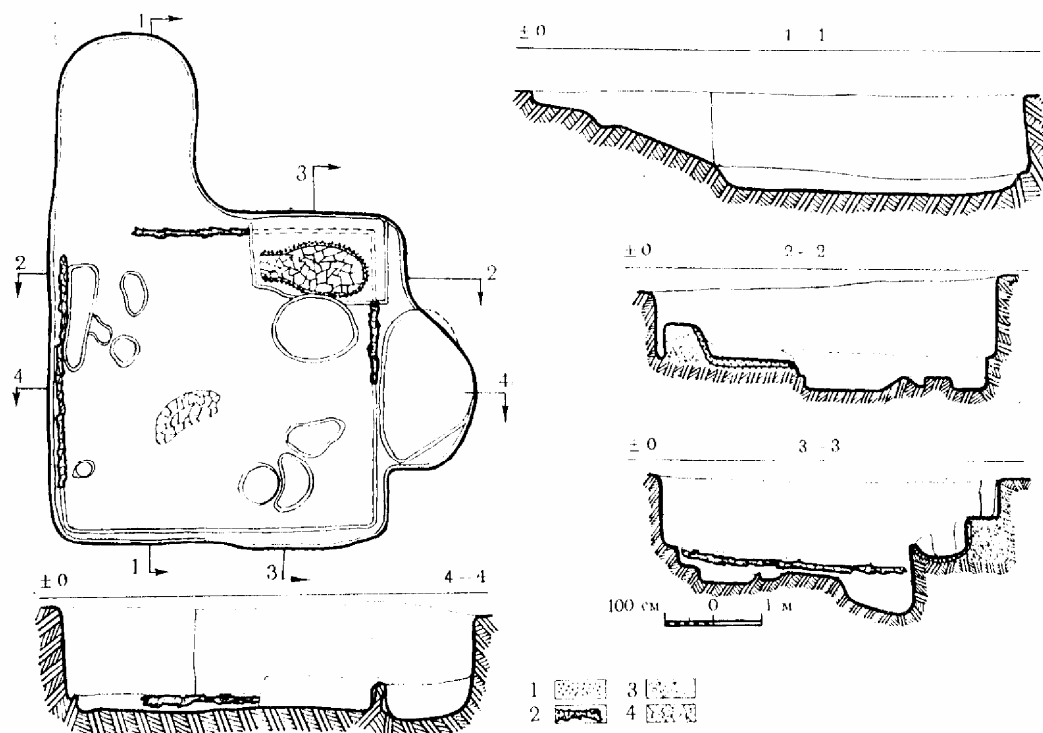

Рис. 6. Жилище 22 (план, разрезы):

1 — обожженная глина; 2 — остатки истлевшего дерева; 3 — остатки корпуса печи; 4 — под печи

на 320 см, ширина 6—8 см; у восточной стены истлевшее бревно обнаружено на глубине 200 см, длина его 260 см, ширина 6—8 см.

С севера в котлован вел тамбур прямоугольной формы, размерами 200—210×280 см. Стенки его вертикальные, дно представляло собой пологий спуск без ступеней, который вел в котлован, образуя перепад в 40 см от края тамбура до пола жилища.

На глубине 150—160 см от уровня современной дневной поверхности была обнаружена печь. Она расположена слева от входа, устьем обращена к западной стене. Печь глинобитная, сводчатая, к устью плавно суживается. Сооружена на материковой подставке высотой 15 см. Длина печи 130 см, ширина 70 см, ширина устья 40 см, высота свода 40 см, толщина пода 3 см.

В полу сооружения было выявлено две ямы. Одна из них располагалась в выступе в восточной части жилища, углублена в материковый грунт на 230 см от уровня современной дневной поверхности. В плане овальной формы, диаметром 150×240 см, дно закругленное, стенки отвесные, ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Вторая яма находилась непосредственно возле печи, примыкала к ней с южной стороны. Она углублена в материковый грунт на 50 см, в плане овальной формы, диаметром 110×140 см, стенки отвесные, дно неровное. Ориентирована яма в направлении запад—восток.

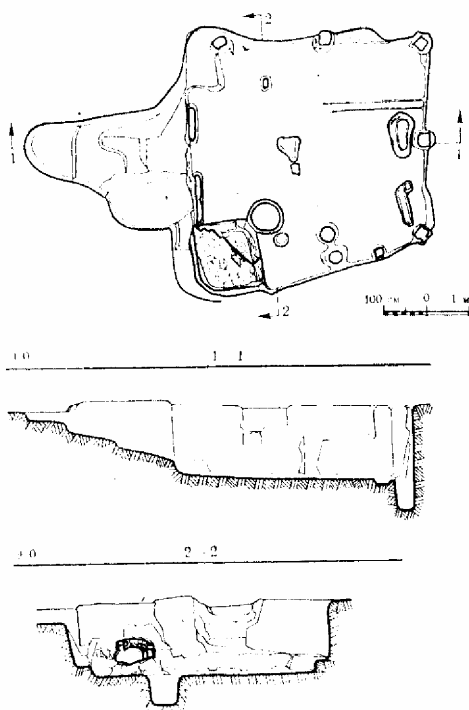
Жилище 23 располагалось примерно в 25 см к западу от жилища 16 и представляло собой углубленное в материковый грунт на 160 см сооружение, ориентированное длинной осью в направлении север—юг с небольшим отклонением к западу. Оно располагалось на остатках котлована жилища, относящегося к золотоордынскому времени (XIV в.). Котлован сооруже-

ния прямоугольной формы, стены прямые, отвесные. Пол ровный, горизонтальный. Длина жилища 1100 см, ширина 600 см, общая площадь 66 кв. м. Вход в него проследить не удалось.

В комплекс входили две печи. Первая была обнаружена на глубине 60 см и примыкала снаружи к северо-восточному углу постройки. Она представляла собой вырытую в материке яму круглой формы, устьем обращена на юго-запад. Под печи располагался на глубине 110 см от уровня современной дневной поверхности, был обмазан глиняным раствором без видимых примесей, хорошо заглажен, слабо прожжен, толщина его 8 см. Печь имела куполообразную форму, толщина стенок достигала 5 см, сохранившаяся высота 40—45 см. Диаметр печи 160 см, ширина устья 75 см. Слева от устья, в 70 см, на высоте 25 см располагалось дымоходное отверстие размерами 20×20 см. Вторая печь располагалась в 560 см к югу от первой и примыкала к восточной стене жилища. Она была выявлена на глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности и представляла собой вырытую в материковом грунте яму прямоугольной формы размерами 110×125 см. Устьем печь обращена на запад. Стенки ее переходят в свод и обмазаны глиняным раствором. Высота стен достигала 35—45 см, толщина 5—6 см, ширина устья 30 см. Под печи располагался на глубине 120 см от уровня современной дневной поверхности, был обмазан глиняным раствором, хорошо прожжен.

Жилище 27 (рис. 7) сооружено на остатках котлована золотоордынского времени в 62 м к востоку от жилища 22. Оно обнаружено в виде прямоугольного в плане пятна с выступом в западной стороне, на глубине 30—50 см от уровня современной дневной поверхности. Жилище представляло собой постройку длиной 600—700 см и шириной 600—630 см, ориентированную по линии запад—восток и углуб-

Рис. 7. Жилище 27 (план, разрезы)

ленную в материковый грунт на 180 см. Котлован прямоугольной формы, стенки прямые, отвесные, пол материковый, горизонтальный.

С запада к котловану примыкал прямоугольный тамбур длиной 220 см, шириной 120—130 см. Стенки его ровные, отвесные. Тамбур, по всей вероятности, был снабжен рядом ступеней, однако их проследить не удалось, так как контуры были очень расплывчатыми.

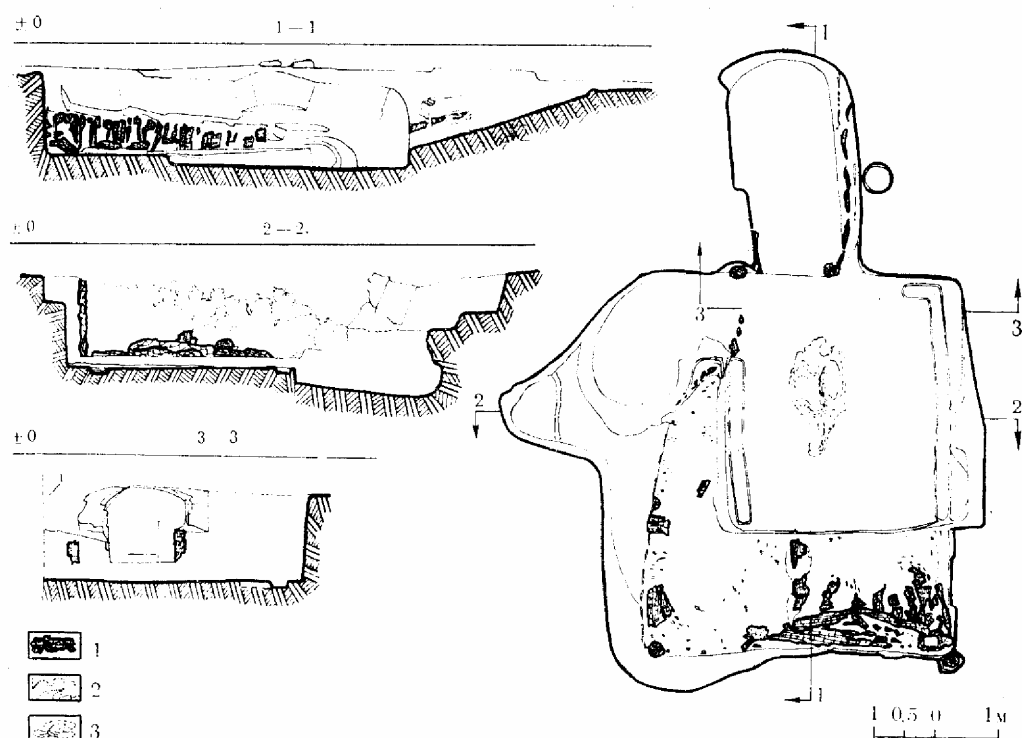
В северо-западном, северо-восточном, юго-восточном углах котлована, а также в середине северной и восточной стен выявлены остатки столбовых ям. Ямы в плане овальной формы, диаметром 25×30 см, вырыты на 70—80 см ниже уровня пола. Следы столбовых ям прямоугольной формы обнаружены справа и слева от тамбура входа.

Печь располагалась в юго-западном углу, справа от входа, устьем обращена на север. Она прямоугольной формы, размерами 140×180 см, сооружена на материковой подставке высотой 10—15 см. Под состоял из плотно утрамбованной глины и достигал в толщину 5 см. Высота печи 80 см, высота свода 50 см, толщина стен 8—10 см, ширина устья 45 см.

Жилище 29 (рис. 8) располагалось в 900 см к северо-востоку от жилища 27. Контуры его были прослежены на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности. Жилище представляло собой землянку длиной 580—630 см, шириной 450—530 см, ориентированную по линии север—юг, котлован ее углублен в материковый грунт на 180 см от уровня современной дневной поверхности. Стенки ровные, отвесные, были облицованы деревянными плахами, о чем свидетельствуют остатки их на западной и южной стенах котлована. Плахи крепились вертикально, плотно пригоняясь друг к другу. Ширина их 23—24 см, толщина 1,5—2 см. Доказательством существования деревянной облицовки на остальных стенах котлована служит то, что материковая глина здесь приобрела ярко-оранжевый цвет, т. е. была обожжена во время горения облицовки котлована. После облицовки стены были покрыты глиняным раствором, а затем оштукатурены. Штукатурка, состоящая из песка и извести, лучше всего сохранилась на южной стороне сооружения. Толщина слоя на стенках достигала 2—3 мм, в углах — 5—6 мм.

Пол постройки ровный, горизонтальный, обмазан глиной и сильно прожжен, сохранился небольшим участком вдоль южной и частично вдоль западной стен. На полу в юго-западном углу и вдоль южной стены было обнаружено большое количество обожженной штукатурки, фрагментов глиняной обмазки, а также обгоревших бревен и досок. На глубине

Рис. 8. Жилища 29 и 29 А (план, разрезы):
1 — обугленное дерево; 2 — обмазка стен; 3 — следы очага

175 см от уровня современной дневной поверхности на полу вдоль южной стены была выявлена обуглившаяся доска, у восточного и западного краев ее располагались ямки, по две с каждой стороны. Диаметр их равен 5 см, длина доски 240 см, ширина 30 см, толщина 4—5 см. По всей вероятности, это остатки лежанки, снабженной четырьмя ножками, врытыми в материковый грунт на глубину 25 см от уровня пола.

С северной стороны к сооружению примыкал тамбур, в плане имевший овальную форму. Стенки его, видимо, были обшиты деревянными плахами и затем обмазаны глиной. Обшивка в виде фрагментов обуглившихся досок и участки обожженной глиняной обмазки прослежены на восточной

стороне тамбура. Дно тамбура, образуя спуск-пандус и заканчиваясь перепадом в 30 см от края тамбура до пола жилища, вело в котлован. Оно обмазано глиняным раствором и сильно обожжено. Длина тамбура 340 см, ширина 165—190 см. У основания тамбура с обеих сторон выявлены остатки обуглившихся столбов. Ямы с остатками столбов были обнаружены также в юго-восточном, юго-западном углах сооружения и в средней части западной стены, диаметр их достигал 20 см. Наличие столбовых ям позволяет говорить о столбовой конструкции, к которой крепилось перекрытие.

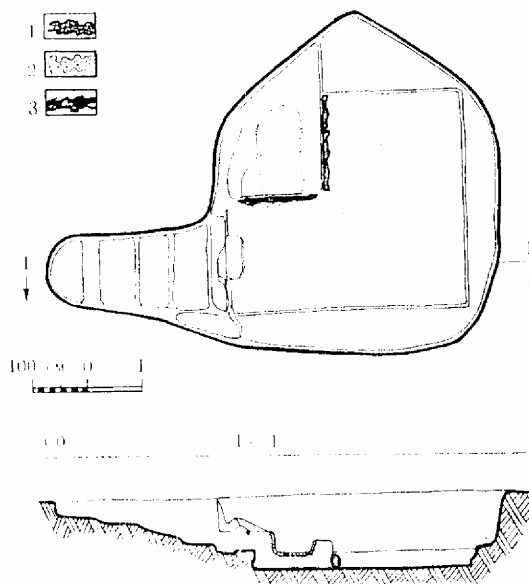
К северо-западному углу сооружения примыкала яма в плане овальной формы, с цилиндрическим туловом; стенки ее, плавно суживаясь, переходили в дно. Дно располагалось на глу-

бине 240 см от уровня современной дневной поверхности; неровное, овальное, поднимаясь до уровня 190 см, почти сравнивается с уровнем пола жилища. Размеры ямы 140×220 см, ориентирована она по линии юго-запад — северо-восток.

Жилище 29 А (см. рис. 8) было вырыто в котловане предыдущего сооружения с частичным его использованием. Стенами нового жилища с западной и южной сторон служило заполнение, а с восточной и северной — стены котлована жилища 29. Жилище прямоугольной формы, длина его 330 см, ширина 255 см, ориентировано длинной осью по линии север—юг. С западной стороны в котлован вел тамбур входа овальной в плане формы, несколько повернутый на юго-запад. Тамбур сооружен на месте ямы, относящейся к жилищу первого периода и имевшей, по-видимому, хозяйственное назначение. Яма была частично разрушена, засыпана строительным мусором и материковой глиной. Дно тамбура из утрамбованной материковой глины немного скошено к западу. Тамбур снабжен ступенькой, располагавшейся на глубине 100 см от уровня современной дневной поверхности, длина ее 100 см, ширина 40 см, высота 30 см. Далее тамбур, образуя пологий спуск, подходил к полу жилища. Стены котлована ровные, отвесные; возможно, они были облицованы досками: следы фрагментов древесного угля и обожженной глиняной обмазки, располагавшиеся ровными полосами, выявлены как вдоль южной, так и вдоль западной и восточной стен. Ширина их у южной стены 2,5—3 см, у западной и восточной — 20—25 см. Пол жилища был расположен на глубине 190 см от уровня современной дневной поверхности, ровный, материковый. На полу в центральной части жилища был расположен прожог в плане овальной формы, длинной осью ориентированный в

Рис. 9. Жилище 30 (план, разрез):
1 — обугленное дерево; 2 — обожженная глина;
3 — истлевшее дерево

направлении север—юг. Размеры его 90×180 см, толщина 0,5—1 см.

Жилище 30 (рис. 9) располагалось в 30 м к востоку от жилища 22. Судя по полу, оно представляло собой землянку квадратной формы размерами 320×320 см, ориентированную в направлении запад—восток и углубленную в материковый грунт на 120—130 см и на 200—210 см от уровня современной дневной поверхности. Стены покатые, пол горизонтальный, материковый.

На глубине 100—110 см, в северо-западном углу котлована размещалась печь, устьем обращенная к югу. Она сооружена из глины, была прокалена докрасна, сводчатая, в плане прямоугольной формы с закругленной северной стенкой. Свод печи несколько скошен к востоку, к устью она плавно суживается. Сооружена на материковой подставе высотой 10—12 см. Длина печи 160 см, ширина 85 см, высота свода 20—50 см, толщина свода

6 см, толщина пода 5—10 см. С южной и восточной сторон печь укреплена у основания досками и обмазана, вероятно, для предохранения стен от осыпания.

С запада к котловану жилища примыкал тамбур входа размерами $340 \times 120 \times 200$ см с пятью ступень-

ками. Ширина ступеней соответственно 70, 90, 60, 70 и 45 см, высота 20, 25, 15, 25 и 15 см, длина 120, 150, 160, 160 и 170 см. Внизу, возле пятой ступеньки, на материковой подсыпке был уложен камень ($20 \times 30 \times 80$ см), который, очевидно, также служил ступенькой.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Наряду с жилыми сооружениями в результате раскопок в Старом Орхее выявлено и значительное количество хозяйственных сооружений, предназначенных главным образом для хранения инвентаря и припасов.

Сооружение 4 располагалось во внутренней части «караван-сарая» I в 350 см от его северной и в 21 м 70 см от восточной стен. Оно появилось на глубине 80 см и имело в плане форму, приближающуюся к квадрату. Размеры сооружения по линии север—юг 430 см, запад—восток 420 см. Стенки слегка вогнуты по осевой линии, дно неровное, ступенчатое; в северной части глубина его достигала 110 см от уровня современной дневной поверхности, в южной 135 см.

Сооружение 8 выявлено между «караван-сараями» I и II под каменным завалом, имевшим очертания неправильного овала размерами 620×940 см. Завал состоял из камней средних и мелких размеров, толщина его достигала 100 см. Котлован сооружения в плане имел форму прямоугольника, ориентированного в направлении север—юг, длиной 660 см, шириной 560 см, общей площадью около 37 кв. м. Он был углублен в материковый грунт на 150 см от уровня современной дневной поверхности. Стенки ровные, слегка скошены вовнутрь. Пол служил утрамбованный материк, в центре которого было расположено небольшое углубление, имев-

шее грушевидную форму. Углубление ориентировано в направлении север—юг с небольшим отклонением на запад, дно его располагалось на 40 см ниже уровня пола. Длина углубления 170 см, ширина 130 см.

Сооружение 11 было расположено в 200 см к северу от жилища 23 на глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности в виде пятна подпрямоугольной формы. При расчистке заполнения вдоль стен котлована на разной глубине (100—190 см) были выявлены следы истлевших бревен. Бревна окаймляли котлован с западной, южной и восточной сторон. У северной стены они не сохранились, однако можно предположить, что они имелись и здесь, так как у входа на полу сооружения вдоль северной стены прослежено углубление глубиной 20 см и шириной 15—20 см. Вероятно, это следы бревна нижнего венца сруба. Сооружение углублено в материковый грунт на 100 см и на 180 см от уровня современной дневной поверхности, представляло собой постройку квадратной формы 300×300 см, ориентированную в направлении север—юг. Пол горизонтальный, материковый, располагался на глубине 180 см,

поверхность его слегка уплотнена. Стенки ровные, отвесные. В котлован был опущен прямоугольный деревянный сруб. Пространство между стенами котлована и срубом было заполнено слоем ярко-желтой глины.

Тамбур, ведущий в котлован с севера, имел в плане вид трапеции с закругленными углами. Стенки вертикальные, но слегка вогнуты по осевой линии. Пологий спуск без ступеней вел в котлован, образуя небольшой перепад в 15 см от края тамбура до пола сооружения. Длина тамбура 250 см, ширина 90—220 см.

Сооружение 14 было расположено в 23 м к северо-востоку от жилища 30. Контуры его прослежены на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности в виде пятна подпрямоугольной формы. Длина сооружения 580 см, ширина 460 см, общая площадь 26,7 кв. м. Ориентировано оно длинной осью по линии север—юг с небольшим отклонением к западу. На глубине 130 см по всему периметру котлована были выявлены остатки истлевших бревен длиной 260—370 см. Сооружение представляло собой постройку, состоявшую из котлована с введенным в него квадратным срубом. Стены котлована отвесные, пол ровный, материковый, располагался на глубине 160 см. С северной стороны к котловану примыкал тамбур входа, снабженный ступенями шириной 70, 50 и 50 см, высотой 20, 10 и 20 см. На дне сооружения прослежено два небольших углубления диаметром 100×100 и 90×130 см, глубиной 5—10 см ниже уровня пола.

Сооружение 16 было обнаружено в 18 м 80 см к востоку от жилища 22 и в 800 см к северо-западу от жилища 30. Контуры его были выявлены на глубине 70 см от уровня современной дневной поверхности в виде пятна подпрямоугольной формы с закругленными углами. С восточной

стороны к пятну примыкал выступ овальной формы. Сооружение ориентировано длинной осью в направлении запад—восток. Размеры по линии запад—восток 480 см, север—юг 460—520 см. Длина выступа 180 см, ширина 180—220 см. При расчистке были обнаружены четыре столбовые ямы: две располагались у основания тамбура, на расстоянии 100 см друг от друга, две — в юго-западном углу постройки. Диаметр ям 25×30 см, 30×30 см. Постройка столбовой конструкции углублена в материковый грунт на 150 см от уровня современной дневной поверхности. Стены котлована отвесные, пол ровный, материковый. С восточной стороны к сооружению примыкал короткий, несколько повернутый на северо-восток тамбур входа. Стенки его также отвесные, дно ровное, при переходе в сооружение образует перепад в 30 см. В полу постройки были выявлены две ямы. Одна находилась в северо-западном углу сооружения, в плане имела форму, близкую к овалу, диаметром 130×140 см и была ниже уровня пола на 45 см. Стенки покатые, дно неровное, скошено в северо-западную сторону. Вторая яма располагалась в северной части постройки и была частично перерезана первой. Она в плане подпрямоугольной формы, длиной 320 см и шириной 110 см, ниже уровня пола на 60 см. Стенки ямы покатые, дно неровное, скошено к северу.

В полу сооружения 16 была выявлена яма прямоугольной формы. Длина ее 180 см, ширина 140—160 см, ориентирована она длинной осью по линии запад—восток. Яма подбойная, северная и южная стены отвесные, дно закругленное, углублена от уровня пола на 60 см.

Сооружение 17 располагалось в 12 м 40 см к востоку от жилища 22 и на расстоянии 45—80 см к западу от сооружения 16. Оно было обнаружено на глубине 70—100 см от уровня современной дневной поверхности

в виде пятна подпрямоугольной формы с закругленными углами. С южной стороны к нему примыкал прямоугольный выступ тамбура. Ориентировано пятно длинной осью в направлении север—юг. Длина его 600 см, ширина 480 см, общая площадь 28,8 кв. м. Длина тамбура 260 см, ширина 200—220 см. Заполнение сооружения представляло собой чернозем, обильно насыщенный фрагментами обожженной глиняной обмазки и горелого дерева. Котлован прямоугольной формы. При расчистке стен обратила на себя внимание довольно хорошая местами сохранность досок, которыми были обшиты стены сооружения. Доски устанавливались вертикально, плотно пригонялись друг к другу и крепились в свою очередь к горизонтально расположенным лежням по всему периметру котлована. Следы лежней прослежены у западной стены на протяжении 380 см, у северной стены длина лежней достигала 320—360 см при ширине 8—10 см. У восточной и южной стен котлована лежни не сохранились, однако можно предположить, что они имелись и здесь, так как в полу прослежены ямки глубиной до 15 см и шириной 10—15 см. У северной стены два ряда лежней располагались параллельно друг другу на расстоянии 10 см. Лежни крепились к столбам, установленным в северо-западном, северо-восточном и юго-восточном углах, у западной стенки, а также в центральной части сооружения. На глубине 190 см был выявлен обмазанный глиняным раствором пол, толщина которого достигала 6 см.

Тамбур входа также был облицован досками, о чем свидетельствуют остатки их на западной стене. По обеим сторонам его были выявлены остатки обугленных бревен. Длина первого, расположенного у западной стены, 80 см, ширина 15 см, длина второго, у восточной стены, 120 см, ширина также 15 см. К ним и кре-

пилась, вероятно, деревянная конструкция тамбура.

Заслуживает внимания дощатая конструкция, контуры которой проступили на глубине 120—130 см в юго-восточной части постройки. В плане она прямоугольной формы, размеры в направлении запад—восток 280 см, север—юг 120 см. Эта конструкция была сооружена из 11 вертикально поставленных досок, пригнанных вплотную, причем ребро одной доски налегало на ребро следующей. Ширина их около 20 см, высота сохранившейся части 20—40 см. Доски были обмазаны глиной. К востоку конструкция выступала за пределы данного сооружения, частично заходя в сооружение 16. В проеме шириной 120 см, образованном между сооружениями 16 и 17, была выявлена ступенька из материкового грунта, причем уровень ее соответствовал уровню пола сооружения 16 (150 см). Был расчищен заходящий на 40—50 см в сооружение 16 «порог» из обуглившихся брусев шириной около 30 см. Здесь же найдена железная дверная скоба. Южная часть западной стены сооружения 16, располагавшаяся на одном уровне с «порогом», была также обшита вертикально поставленными плахами шириной 20 см, их сохранившаяся высота 25—40 см.

Разборка сооружений 16 и 17, дощатой конструкции и ямы показала, что данные сооружения относятся к молдавскому времени, но не одновременны. Наиболее ранней следует считать яму, перекрытую восточной частью сооружения 17 и частично западной стеной сооружения 16. Следующим было возведено сооружение 17, позднее в юго-восточной его части была построена дощатая конструкция, вход в которую вел из сооружения 16. Дощатая конструкция могла служить пристройкой специального назначения к сооружению 16 или же самостоятельной конструкцией,

вход в которую вел из котлована уже заброшенного сооружения 16.

Сооружение 18 располагалось на расстоянии 15 м к востоку от сооружения 16 и 140 см к северо-востоку от жилища 30. Контуры его в виде овала размерами 260×420 см, ориентированного в направлении северо-восток — юго-запад, были выявлены на глубине 70 см от уровня современной дневной поверхности. Сооружение углублено в материковый грунт на 70 см и на 130 см от уровня современной дневной поверхности. Стенки сильно покатые, дно закругленное. В северо-восточной части были расчищены три столбовые ямы, в одной из которых сохранились остатки истлевшего столба. Диаметр ям 15 см, глубина от уровня пола 15 см, расположены они друг от друга на расстоянии 50—60 см.

Сооружение 20 (рис. 10) открыто в северной части городища. Контуры его были выявлены на глубине 90 см от уровня современной дневной поверхности. Длина его 760 см, ширина 180—410 см, ориентировано оно длинной осью по линии север—юг. Сооружение представляло собой землянку, углубленную в материковый грунт на 220 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован в плане подквадратной формы (440×420 см). Стенки отвесные, ровные. Дно горизонтальное, из материкового песка.

С юга к котловану примыкал тамбур входа, в плане подпрямоугольной формы с плавно закругленными углами. Восточная стена тамбура являлась продолжением стены котлована. Дно тамбура — утрамбованный материк, который плавно, без ступеней, переходил в пол сооружения. Стенки слегка скошены ко дну (скос не более 10 см). Длина тамбура 140—150 см, ширина 200 см.

Внутри сооружения были возведены деревянные конструкции, однако характер обшивки котлована и тамбура был различным. В котлован

был опущен четырехугольный сруб, состоявший из горизонтально уложенных полубревен диаметром 15—21 см. Венцы сруба наиболее четко были прослежены по северной (два) и восточной (три) стенам сооружения. По углам они были скреплены врубкой, связку удалось проследить в северо-западном и северо-восточном углах. В юго-восточном углу сооружения на глубине 200 см были выявлены остатки горизонтально уложенных на песчаное дно досок шириной около 30 см. По всей вероятности, это остатки деревянного пола. Пространство между срубом и котлованом было заполнено слоем песка с примесью гальки, толщиной 20—60 см. Исключение составляет восточная стена сооружения, где венцы сруба вплотную примыкали к стене котлована. Стенки тамбура были обшиты вертикально поставленными и плотно пригнанными плахами, ширина которых достигала 40 см.

Контуры *сооружения 24* были обнаружены также в северной части городища на глубине 100 см от уровня современной дневной поверхности. В плане прямоугольной формы с за-

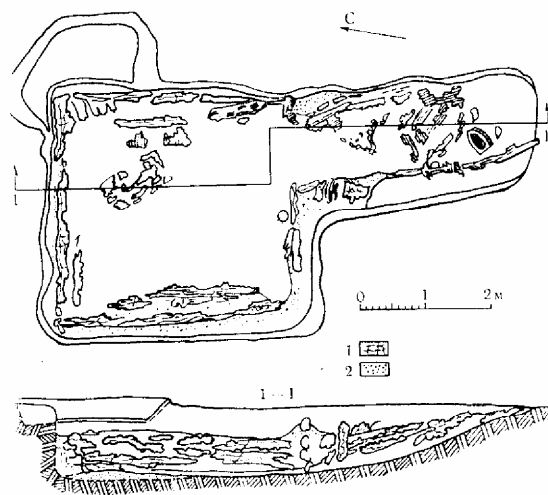

Рис. 10. Сооружение 20 (план, разрез):

1 — обугленное дерево; 2 — песок

кругленными углами, оно имеет в длину 860 см, в ширину 640 см, ориентировано по линии север—юг. Общая площадь его около 55 кв. м. Постройка представляла собой землянку, углубленную в материковый грунт на 110—120 см. Стены вертикальные, исключение составляет восточная стена, которая сильно скошена к полу. Пол ровный, из песка с примесью щебня. Сооружение частично перерезано более поздней постройкой — сооружением 25.

Сооружение 25 (рис. 11) прямоугольной формы с Г-образным выступом, примыкавшим с юга, зафиксировано на глубине 110—130 см от уровня современной дневной поверхности. Длина его 420 см, ширина 370 см, ориентировано оно по линии север—юг. Котлован прямоугольной формы общей площадью около 16 кв. м. Стенки отвесные, пол ровный, из песка с примесью щебня. С юга к котловану вел пандус Г-образной формы с плавно спускающимся дном, образующим перепад в 10 см от края тамбура до пола сооружения.

Основной объем сооружения так же, как и тамбур, был обшит верти-

кально поставленными и плотно пригнанными друг к другу досками, ширина которых от 10 до 30 см. Обвязка деревянной конструкции осуществлялась горизонтальными лежнями, которые располагались по всему периметру постройки. По углам деревянная обшивка крепилась к столбам, остатки которых удалось проследить во всех углах котлована и тамбура сооружения. Столбы квадратной формы имели размеры сечения 30×30 см. В юго-западном углу, где котлован при соединении с тамбуром образует небольшой выступ, выявлены остатки двух небольших столбов диаметром 15 см.

Погреб 1 (рис. 12) обнаружен под полом жилища 6, в 240 см от въезда в «караван-сарай» I, на глубину 80 см от уровня современной дневной поверхности. Постройка в плане почти квадратной формы, размерами 420×440 см, с примыкающим с южной стороны прямоугольным тамбуром длиной 48 см и шириной 140 см. Сооружение ориентировано по линии север—юг. Котлован погреба вырыт в материковом грунте на глубину около 300 см от уровня современной дневной поверхности и облицован деревянными плахами. Пространство между котлованом и срубом было заполнено землей и утрамбовано.

Сохранившиеся в северо-восточном и северо-западном углах погреба остатки деревянных деталей стыковки бревен и плах позволяют судить о некоторых конструктивных особенностях постройки. На дно котлована по всему периметру были уложены квадратные брусья сечением 20×20 см, которые соединялись между собой способом «в лапу», образуя своеобразный замок. В замке было проделано квадратное отверстие со стороной 10 см. В это отверстие вставлялся вертикальный брус, крепившийся при помощи шипа, размеры створок которого соответствовали размерам от-

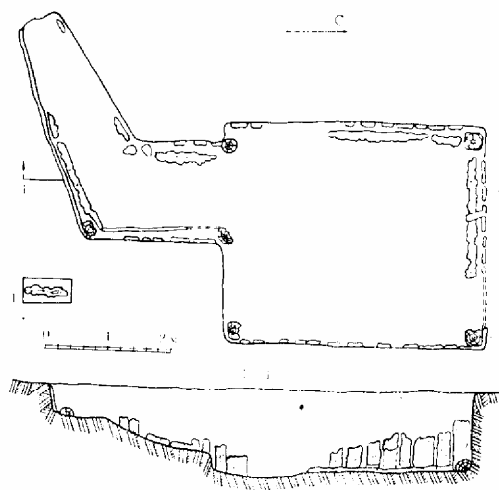
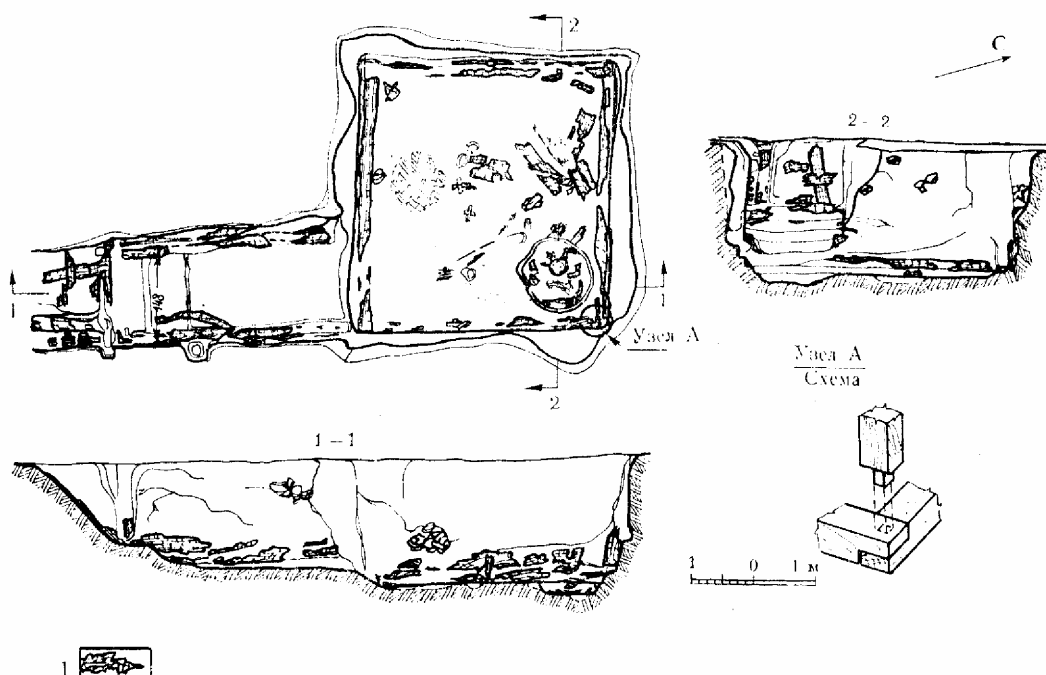

Рис. 11. Сооружение 25 (план, разрез):
1 — обугленное дерево

Рис. 12. Погреб 1 (план, разрезы):
1 — обугленное дерево

верстия, высотой 15 см. Судя по остаткам, аналогичные бруссы были вмонтированы в середине каждой стены и прижимали плахи к стенам котлована.

В погреб, как уже отмечалось, вел тамбур входа, снабженный деревянными ступеньками. Котлован тамбура и ступени также были облицованы деревянными плахами. Над тамбуром, очевидно, была какая-то наземная конструкция — навес, об этом свидетельствуют остатки четырех обгоревших столбов. Судя по многочисленным фрагментам обгоревшей глиняной обмазки толщиной до 10 см, сруб котлована был обмазан глиной. Пол погреба представлял собой ровный утрамбованный материк со следами сильных прожогов.

На полу удалось проследить остатки обгоревших днищ двух бочек. Первое днище диаметром 110 см было расположено в северо-восточном углу

погреба. В 10 см к северу от этого днища были прослежены остатки какой-то обгоревшей дощатой конструкции, возможно, ларя или сундука, однако реконструировать его из-за плохой сохранности не удалось. Второе днище диаметром 90 см располагалось в 150 см к западу от юго-восточного угла погреба.

Кладовая 1 (рис. 13) была обнаружена в северной части городища на глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован кладовой вырыт в материковом грунте на глубину 260 см от уровня современной дневной поверхности, его очертания в плане приближаются к квадрату. Размеры котлована по линии север—юг 430 см, запад—восток 440 см, ориентирован он в направлении запад—восток.

Котлован был облицован деревянными плахами. Сохранившиеся обгорелые детали обшивки позволяют сде-

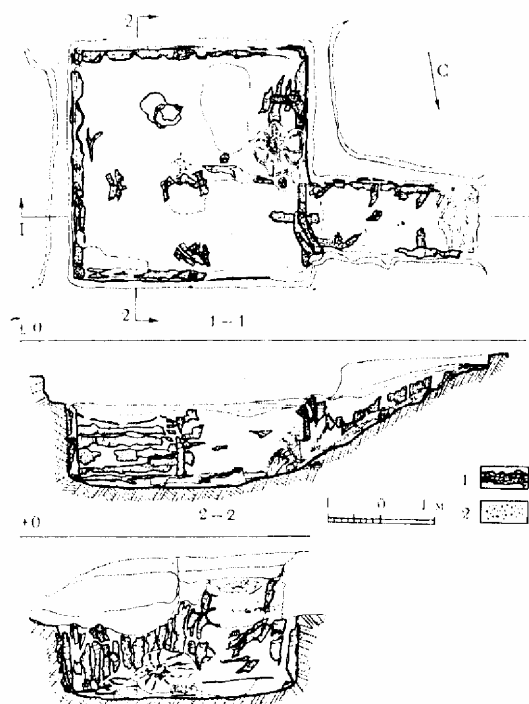
лать реконструкцию сруба. На дно котлована по всему периметру, как и в погребе 1, были уложены бруссы (17×15 см), которые соединялись по углам способом «в лапу». В местах соединения, а также в середине бруссов были вырезаны квадратные отверстия со стороной 10 см, в которые вставлялись вертикальные бруссы, крепившиеся при помощи шипов. Сохранились остатки восьми опорных вертикальных бруссов: три у южной стены, три у восточной и два у северной. Эти бруссы прижимали к стенам котлована горизонтально уложенные плахи. Вдоль южной стены были прослежены остатки шести рядов горизонтально уложенных плах шириной 20—40 см. Вдоль западной стены плахи поставлены вертикально. Здесь сохранились остатки 14 плах.

В кладовую вел тамбур прямоугольной формы, ориентированный по линии запад—восток. Длина его 280 см, ширина 140—210 см. Тамбур был обшит деревянными плахами. Вдоль его стен были положены бревна, к которым крепились вертикальные конструкции. Тамбур был снабжен пятью ступеньками, облицованными досками.

Пространство между котлованом и срубом заполнено песком. Стенки кладовой, по всей вероятности, были обмазаны глиняной обмазкой, о чем свидетельствуют многочисленные

Рис. 13. Кладовая 1 (план, разрезы):

1 — обугленное дерево; 2 — песчаная подсыпка

фрагменты ее в заполнении постройки. Пол кладовой представлял собой слой песка с примесью мелких камешков. На полу в 120 см от юго-западного угла обнаружены остатки деревянного колеса диаметром 135 см.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Количество производственных сооружений по сравнению с числом жилых и хозяйственных построек незначительно. Представлены они главным образом горнами для обжига керамической посуды, кирпича, а также печью для обжига извести.

Остатки гончарного горна 2 были открыты на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности. Горн примыкал с востока к южному

краю восточной каменной стены «караван-сарая» I. Для того, чтобы он плотно примыкал к стене, был отбит выступ фундамента «караван-сарая».

Горн — четырехугольное в плане кирпичное сооружение, ориентированное по линии север—юг, длиной 230 см, шириной 170 см, — был двухъярусным, состоял из нижней — топочной — и верхней — обжигательной — камер. Сохранилась лишь топочная камера.

Стенки горна сложены из скрепленного глиняным раствором кирпича золотоордынского времени, который был использован здесь вторично, ярко-красного цвета, стандартных размеров $22 \times 21 \times 5$ см. Однако в кладке чаще всего встречались не целые кирпичи, а их крупные фрагменты. Кроме них в кладке использованы камни. В завале горна было обнаружено большое количество обожженных камней. Южная, задняя стенка топочной камеры сохранилась хорошо. Ее кладка состояла из 15 рядов кирпича (как целых форм, так и фрагментов) длиной 70 см и высотой 100 см. Для кладки этой стенки в фундаменте каменной стены «караван-сарая» была сделана ниша шириной в один кирпич.

Западная (боковая) стенка примыкала непосредственно к стене «караван-сарая». На глубине 20—40 см, на уровне фундамента «караван-сарая», кирпичи в кладке стенки выступают вовнутрь на 5—7 см. Высота сохранившейся стенки 95 см, длина 175 см, состояла она из 13 рядов кирпича.

Восточная (боковая) стенка под давлением завала деформировалась и была изогнута наружу. Она состояла из 12 рядов целых кирпичей и фрагментов и достигала в высоту 80 см, а в длину 175 см. Все три стенки горна сложены из одного ряда кирпичей, толщина стенок 21 см. Северная (передняя) стенка отступает от края восточной стенки на 20 см, а от края западной — на 40 см. Длина ее 110 см, ширина 55 см, высота 100 см. В ней сделано устье в виде арки, высотой 55 см и шириной в основании 50 см. Арка сложена из кирпича, верхняя часть ее не сохранилась.

Внутри топочной камеры имелись четыре подпружные арки, поддерживавшие, по всей видимости, под обжигательной камеры. Они сложены из одного ряда кирпича и обмазаны глиной без видимых примесей. От высокой температуры глина прокалилась до ярко-красного цвета. Первая арка высотой 90 см, шириной 22 см и толщиной 20 см сооружена непосредственно на поде топочной камеры. Расстояние между северной стенкой горна и этой аркой составляет 14 см. Вторая арка высотой 95 см, шириной 22 см и толщиной 20 см расположена на поде огневой камеры. Расстояние между первой и второй арками равно 10 см. Третья арка высотой 105 см, шириной 22 см и толщиной 20 см сооружена также на поде огневой камеры. Расстояние между второй и третьей арками 20 см. Четвертая арка высотой 75 см, шириной 20 см и толщиной 20 см расположена на расстоянии 13 см от третьей арки и в 14 см от западной стенки горна. Связка между арками и боковыми стенками горна отсутствовала. Под топочной камеры хорошо прожжен, толщина его достигает 7—12 см.

С севера к предтопочной арке, или арке устья горна, на глубине 100 см, примыкала предтопочная яма длиной 190 см, шириной 140 см и глубиной 40 см. Стенки ее слегка покатые, дно округлено. На дне ямы, у основания топочного свода уложен в материк камень. Его размеры 55×50 см, поверхность стерта и слегка вогнута, видимо, от систематического выгребания золы из топочной камеры.

Остатки горна 3 обнаружены на глубине 80—85 см от уровня современной дневной поверхности, в 210 см к востоку от северо-западного угла «караван-сарая» I и в 360 см к северу от его северной стены. Горн представлял собой яму круглой формы, диаметром 90 см. Устьем высотой 75 см, шириной 30 см он обращен на восток; сохранившаяся высота стен 15 см. Под

горна находился на глубине 110 см от уровня современной дневной поверхности.

От горна 7 (рис. 14), расположенного в 70 м к юго-западу от «караван-сарая» I, сохранилась лишь топочная камера, в плане круглой формы, диаметром 125—130 см. С юго-запада к горну примыкала предтопочная яма овальной формы, диаметром 155×180 см, углубленная в материковый грунт на 70—75 см. Стенки покатые, дно ровное, горизонтальное.

У северо-восточной части предтопочной ямы располагалось устье топки горна. Оно сводчатой формы, высотой 40 см, шириной 45 см и длиной 40 см. Свод топки несколько скошен, верхняя часть топочной камеры забита камнями. Продолжением устья топки служили два канала, разделенных «козлом» и ведущих в топочную камеру. «Козел» клиновидной формы, ширина его 28—55 см, длина 140 см, высота 40 см. Нижняя часть каналов у пода имела вертикальные стенки высотой приблизительно 15 см, которые, постепенно закругляясь, переходили в стенки самого горна. Под горна плавно переходил в противоположную стену толщиной 5 см.

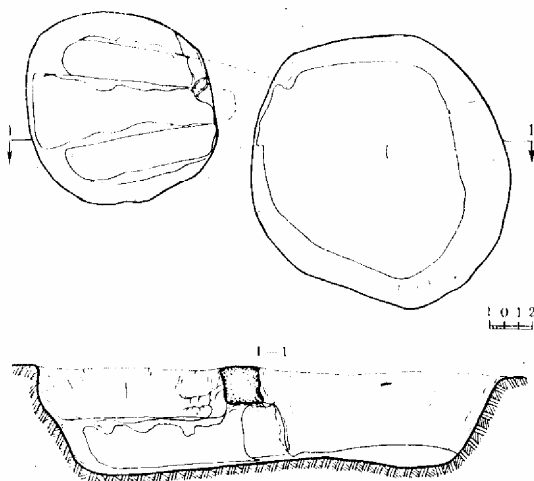

Рис. 14. Горн 7 (план, разрез)

Печь для обжига извести 2 была обнаружена в 100 см к востоку от печи 1 на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности в виде кольцеобразного прожога неправильной овальной формы, диаметром 405×440 см; ширина прожога 20 см. Расчистка показала, что под слоем чернозема, толщина которого достигала 20 см, были расположены камни, нижняя отметка залегания которых зафиксирована на глубине 130 см от уровня современной дневной поверхности. Под камнями располагался слой извести толщиной 50 см.

Котлован печи усеченно-конической формы был вырыт в материковом грунте на глубину 120 см, обмазан глиняным раствором, обожженным действием высокой температуры до ярко-красного цвета. Устьем печь обращена к юго-востоку. К этой ее части примыкала яма, по всей вероятности, предтопочная, в плане приближающаяся к треугольнику с округленными углами и разрушенная более поздней постройкой. Длина предтопочной ямы 340 см, ширина 270 см, ориентирована она длинной осью по линии север—юг. Дно ямы материковое, ровное, располагалось на глубине 245 см от уровня современной дневной поверхности.

Наряду с жилыми, хозяйственными и производственными сооружениями в Старом Орхее открыто незначительное число внешних бытовых печей, которые располагались неподалеку от жилищ горожан и использовались, видимо, для приготовления пищи в летнее время. Кроме городов подобные печи широко распространены и в сельских поселениях этого времени (Бранешты V, Балцата I и др.)⁸.

Все печи были выявлены в черноземном грунте, на глубине 40—60 см от уровня современной дневной поверхности. Они представляли собой сооружения круглой или овальной формы, выполненные из глины; стенки и под их обожжены до ярко-красного

цвета. Диаметр печей от 120 до 200 см, глубина 10—40 см, толщина стен 5—10 см.

Открыты также ямы различного назначения.

Яма 5 обнаружена напротив западного пилон везда в «караван-сарай» I и примыкала с юга к его северной стене. Контуры ее были выявлены на глубине 100 см от уровня современной дневной поверхности. В плане яма подпрямоугольной формы, вытянута вдоль каменной стены, т. е. по линии запад—восток. Длина ее 240 см, ширина 170 см, глубина 175 см от уровня современной дневной поверхности. Стенки ровные, суживаются ко дну, котлован усеченно-конической формы, диаметр дна 140—170 см.

Судя по керамическому материалу, найденному в заполнении ямы 5, она составляла единый комплекс с жилищем 5 и была хозяйственной.

Яма 9 располагалась в центральной части городища, между «караван-сараями» I и II, на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. В плане она квадратной формы (250×260 см), с закругленными углами. Котлован цилиндрической формы, дно неровное, глубина 100—120 см от уровня материка.

Яма 12 обнаружена к северу от «караван-сарая» I, в 50 см к западу от погребя 1, на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. В плане круглой формы, диаметром 180 см, котлован цилиндрический, стенки вертикальные, дно ровное, глубина 100 см от уровня современной дневной поверхности.

Яма 21 располагалась в 20 м к западу от жилища 17 и в 27 м к северо-востоку от жилища 28. Контуры ямы обнаружены на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности. В плане круглой формы, диаметром 270 см. Котлован усеченно-конической формы углублен в материковый грунт на 130 см. Стенки ров-

ные, ко дну суживаются, дно горизонтальное.

Яма 46 расположена на расстоянии 21 м 50 см к северо-востоку от жилища 27. В плане круглой формы, диаметром 120 см, она обнаружена на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован усеченно-конической формы углублен в материковый грунт на 300 см. Стенки и дно ямы обмазаны глиняным раствором толщиной 3—4 см и сильно обожжены. Наиболее четко обмазка прослеживается на глубине 170 см. Диаметр дна ямы 160 см.

Яма 51 обнаружена в 600 см к югу от жилища 29 и в 14 м 50 см к западу от сооружения 15 на глубине 30—35 см от уровня современной дневной поверхности. В плане круглой формы, диаметром 80 см. Котлован ямы цилиндрической формы углублен в материк на 30—35 см, дно ровное.

Яма 54 обнаружена в 800 см к югу от жилища 29 и в 17 м к юго-западу от сооружения 15 на глубине 40 см от современной дневной поверхности. В плане круглой формы, диаметром 90 см. Котлован грушевидной формы углублен в материковый грунт на 180 см.

Яма 61 располагалась в 10 м 50 см к востоку от жилища 22 и в 100 см к юго-востоку от сооружения 17 на глубине 95 см от уровня современной дневной поверхности. В плане она подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами. Длина ямы 330 см, ширина 205 см, ориентирована она в направлении север—юг. Котлован цилиндрической формы углублен в материковый грунт на 50 см. Стенки отвесные, дно ровное.

Яма 62 обнаружена в 450 см к востоку от жилища 30 и в 400 см к юго-западу от сооружения 18 на глубине 70 см от уровня современной дневной поверхности. В плане овальной формы, диаметром 105×165 см, длинной осью ориентирована в направлении

север—юг. Котлован цилиндрической формы углублен в материковый грунт на 50 см, дно неровное, несколько скошено к востоку.

Яма 63 располагалась в 300 см к северо-востоку от жилища 22 и в 700 см к юго-востоку от сооружения 17 на глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности. Яма круглой формы, диаметром 110 см. Котлован цилиндрический, стенки отвесные, дно закругленное, глубина 320 см от уровня современной дневной поверхности.

Яма 68 обнаружена в 400 см к востоку от жилища 27 и в 10 м 50 см к юго-западу от жилища 29 на глубине 60 см от современной дневной поверхности. Яма круглая в плане, диаметром 230 см. Котлован цилиндрической формы углублен в материковый грунт на 210 см. Стенки и дно, которое слегка вогнуто по осевой линии, обмазаны слоем глины толщиной 3—4 см.

Яма 78 находилась в 14 м к юго-западу от жилища 17 и в 20 м к северо-западу от жилища 26 на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. Яма круглой формы, диаметром 170 см. Котлован цилиндрический, стенки ровные, немного скошены наружу у дна, дно вогнуто по осевой линии. Котлован обмазан глиной толщиной не более 3—4 см, обожженной до ярко-красного цвета. В верхней части котлована обмазка не сохранилась.

Яма 87 располагалась в центральной части городища, на расстоянии 12 см к северо-западу от северной стены «караван-сарая» I на глубине 50 см от уровня современной дневной поверхности. Яма овальной формы, диаметром 35×100 см, длинной осью ориентирована в направлении запад—восток. Котлован усеченно-конической формы углублен в материковый грунт на 60 см. Стенки сильно скошены, дно закругленное, диаметром 60 см.

Яма 91 обнаружена на расстоянии 160 см к северо-западу от ямы 90 и в 30 см к северо-востоку от ямы 89 на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. Яма круглой формы, диаметром 100 см. Котлован усеченно-конической формы углублен в материковый грунт на 55 см. Стенки покатые, дно ровное, диаметром 60 см.

Яма 96 располагалась на расстоянии около 65 м к югу от «караван-сарая» I и II на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. В плане неправильной формы, размерами 580×80—210 см, длинной осью она ориентирована по линии запад—восток. Котлован углублен в материковый грунт на 30—200 см, стенки отвесные, дно материковое, неровное, с большими перепадами высот.

Яма 104 обнаружена к северу от «караван-сарая» I на глубине 85 см от уровня современной дневной поверхности. В плане прямоугольной формы, длиной 160 см и шириной 140 см, она ориентирована в направлении северо-запад — юго-восток. Котлован чашевидной формы углублен в материковый грунт на 20 см. Стенки слегка скошены наружу (скос не превышает 10 см), дно ровное.

Все описанные сооружения, судя по керамическому материалу и монетам, найденным в заполнении, можно разделить на две группы: постройки, относящиеся к XV—XVI вв., и сооружения, датируемые XVII в.

Жилища XV—XVI вв. в зависимости от уровня залегания пола подразделяются на два типа: *наземные* и *углубленные*.

Наземные жилища в Старом Орехе составляют незначительное число. Располагавшиеся, как правило, на небольшой глубине, они разрушены при вспашке. Удалось проследить остатки всего лишь трех жилищ (1, 5 и 6). Выявленные в результате раскопок наземные постройки сооруже-

ны в большинстве случаев на развалинах «караван-сарая» I, с использованием его стен и пилонов въезда. В плане они прямоугольной формы, однокамерные, ориентированы в направлении север—юг и запад—восток. Площадь жилищ разная — от 6,8 до 35 кв. м. Пол обычно из плотной глины, а в некоторых случаях частично выложен кирпичом и камнем. Отопительными сооружениями служили очаги в виде выложенной камнями ямы или же печи прямоугольной формы, сложенные из известняковых камней или обожженного кирпича. Очаги располагались, как правило, напротив входа, а печи — в одном из углов постройки.

Среди жилищ, углубленных в материковый грунт на различную глубину, можно выделить полуземлянки и землянки.

Полуземлянки (жилища 4, 7, 17), требовавшие возведения наземных стен, были углублены незначительно — на 70—100 см. Они в плане прямоугольной формы, ориентированы чаще всего по линии север—юг, иногда — запад—восток. Площадь жилищ от 5 до 42 кв. м.

По конструктивным особенностям полуземлянки подразделяются на жилища столбовой конструкции (4, 7) и грунтовые (17). Вход в жилища, особенно столбовой конструкции, представлен четко выраженными тамбурами, примыкающими к одной из стен постройки. Они бывают ступенчатыми (из трех и более ступеней) или же наклонными в виде пандуса. Отопительными сооружениями служили очаги или печи. Очаги встречаются редко и прослеживаются в виде прожогов в центре жилищ. Печи углубленных в землю жилищ имели прямоугольную или овальную формы, располагались справа или слева от входа, сооружались иногда на невысокой подставе, иногда в виде подбоя в какой-либо стене жилища (7, 16). Размеры печей от 65×70 до 140×180 см. В большин-

стве печи глинобитные, сводчатой формы. Известны случаи, когда печь складывалась из обожженного кирпича золотоордынского времени (жилище 14) или же из известняковых камней (жилище 17).

Земляночные жилища преобладают, так как уровень пола землянок залегал на более значительной глубине. Отличительной чертой их является то, что перекрытие опирается на древнюю дневную поверхность. Землянки, как правило, прямоугольной формы. Ориентировка их различна — как по линии запад—восток, так и в направлении север—юг. Площадь землянок от 15 до 70 кв. м, пол обычно горизонтальный, материковый. Глубина котлованов в материке от 110 до 180 см. Отопительные сооружения здесь такие же, как в полуземлянках.

По конструктивным особенностям земляночные жилища подразделяются на грунтовые жилища без столбовых ям и обшивки (14, 16, 23, 29 А, 30), жилища столбовой конструкции, от которых сохранились столбовые ямы, а иногда и часть конструкции стен (3, 27, 29), жилища срубной конструкции (10, 22). Необходимо отметить, что срубные конструкции встречены только в земляночных сооружениях. Пространство между срубом и стенами котлована забивалось глиной. Такую же прослойку можно проследить в земляночных хозяйственных сооружениях 11, 14, 20, погребе 1 и кладовой 1.

Хозяйственные сооружения — это постройки, по конструктивным техническим приемам сходные с жилищами, но отличающиеся от последних отсутствием отопительных сооружений. Они земляночного характера, глубиной от 110 до 245 см, прямоугольной формы, имеют различную ориентировку, хотя преобладает направление север—юг. Площадь хранилищ различна — от 11 до 55 кв. м, пол материковый, иногда утрамбованный. В большинстве случаев это постройки сруб-

ной конструкции с земляной или глиняной забутовкой. Иногда котлован и тамбур входа обшивались в различной технике, например, в котлован опускался сруб из полубревен, а тамбур обшивался вертикально поставленными плахами (сооружение 20). Ступенчатый тамбур или пандус входа примыкал к одной из стен котлована.

Ремесленные сооружения, открытые в Старом Орхее, связаны с изготовлением керамики и обжигом извести.

Гончарные горны по своей конструкции подразделялись на два типа: одноярусные (горн 3) и двухъярусные (горны 2, 7). Горн 7 по своей конструкции аналогичен двухъярусным горнам XV в. для обжига посуды, открытым в Сучаве⁹. Что касается горна 2, то его большие размеры, форма и материал, из которого он сложен, позволяют отнести его к ряду горнов для обжига кирпича. Близок к нему по форме и материалу, но более мощный и прочен горн для обжига кирпича из Бравиченского ремесленного комплекса, относящегося к золотоордынскому времени¹⁰.

Ямы молдавского времени в Старом Орхее по форме можно разделить на четыре группы: цилиндрические, причем некоторые из них были обмазаны глиной и, по всей вероятности, являлись зерновыми; усеченно-конические; грушевидные; чашевидные.

Жилища XV—XVI вв. — правильных геометрических форм, со стенами, обшитыми толстыми деревянными плахами, или срубные.

Жилища XVII в. в общих чертах несколько отличаются от сооружений XV—XVI вв. Они в основном земляночного характера, форма их не всегда четко выражена, не соблюдена геометричность (жилища 7, 18, 31). Постройки этого времени по своей конструкции относятся главным образом к разновидности жилищ без столбовых ям и обшивки. Жилище 18 представляло собой, видимо, легкую конструкцию со стенами из прутьев.

Для жилищ XVII в. характерны очаги и печи подбойного характера или обложенные камнями, в то время как в жилищах XV—XVI вв. находим глинобитные печи четких форм, расположенные справа или слева от входа.

Эти различия объясняются тем, что жилища XV—XVI вв. относятся к городскому периоду Орхее, а жилища XVII в. — ко времени, когда город уже перестал существовать и на его территории в центральной и южной части городища располагалось село Мовилово-Пештере.

2. КЕРАМИКА

Керамика, являющаяся обычно наиболее массовым материалом при археологических раскопках, представляет собой один из основных элементов материальной культуры. Керамический материал широко используется исследователями как один из важных исторических источников, на основе изучения его можно решать различные вопросы датировки и хронологии, развития ремесленного производства, этнические, социальные и многие другие проблемы.

На городище Старый Орхей наряду с большим количеством других находок был получен и значительный керамический материал, который до настоящего времени не нашел должного отражения в исторической литературе.

Г. Д. Смирнов в одной из первых статей, посвященных исследованиям в Старом Орхее, лишь упомянул о том, что в XV в. широкое распространение получила сероглиняная керамика, представленная горшками, кувшинами, мисками и крышками, и перечислил наиболее распространенные виды орнамента¹. Специально изучал Г. Д. Смирнов один из типов керамики, найденной в открытой им гончарной мастерской, датируемой монетами второй половины XV в., — красноглиняные печные изразцы. Автор раскопок сделал удачную, на наш взгляд, попытку восстановить процесс производства изразцов и дал их типологию². Изучение материалов этой мастерской привело его к заключению, что в Орхее в XV в. складывалось крупное ремесленное производство³. Статьи Г. Д. Смирнова почти не дают представления о керамике и керамиче-

ском производстве Орхей в рассматриваемое время. Исключения составляют лишь красноглиняные печные изразцы, довольно подробно описанные при изучении материала из упомянутой мастерской.

Первая публикация некоторых керамических материалов молдавского времени (XV—XVI вв.) из Орхей принадлежит автору данного раздела, который дал подробное описание горшков из жилища 5 и ямы 5⁴. В жилище был найден одноручный, биконической формы горшок, покрытый с внутренней стороны поливой коричневого цвета. Из массового материала заполнения ямы 5 были реставрированы четыре горшка, которые по форме корпуса делятся на две группы: а) горшок баночной формы с широким устьем и плавно суживающимся ко дну корпусом; б) три горшка, по форме близких к перевернутому усеченному конусу, с широким устьем и узким дном; пропорции их различны, есть вытянутые и приземистые сосуды. Уровень изготовления горшков этих групп разный: в первом случае способ изготовления более архаичен, чем во втором. Сосуды описывались, но не

давалась типология. Более того, способ изготовления их был определен неверно: горшка баночной формы — как лепной, а остальных горшков из ямы 5 — как изготовление на быстро-вращающемся круге. Исследования последних лет в области технологии гончарного производства показали, что подобное общепринятое определение способа изготовления керамики ошибочно⁵.

Главным объектом изучения служит массовый керамический материал, полученный главным образом раскопками 1968—1980 гг. в Старом Орхее. Как уже отмечалось, в культурном слое этого памятника известны и более ранние группы посуды, но они не будут рассматриваться в данной работе. Следовательно, предмет исследования ограничен не только территориально — одним памятником, но и хронологически — XV — первой половиной XVI в. Исследован не весь массовый материал культурного слоя памятника, а лишь керамика, полученная из закрытых комплексов: земляночных жилищ (1, 3, 10, 16, 22, 23, 27, 29, 32), хозяйственных сооружений (8, 24, 35, 37, 38, 40, 42, 43, погреб 1 и кладовая 1), печей (10), ям (5, 15, 21, 24, 61, 87, 112, 120). Использование материала закрытых комплексов позволит избежать случаев включения в рассматриваемую совокупность материала чуждой, несинхронной керамики, а следовательно, ошибок и неточностей в разработке классификации и определении технологии изготовления. Правда, в поздних закрытых комплексах многослойного памятника попадают более ранние материалы, в том числе керамический. Подобные включения легко выделяются благодаря своим отличиям в способе изготовления, обжиге, формах и т. д. Таким образом, наличие в закрытых комплексах рассматриваемого времени керамического

материала, относящегося к предшествующим историческим эпохам, не отражается на нашей классификации.

Для обоснования датировки керамики XV—XVI вв. из Старого Орхее использованы нумизматический и керамический материалы из заполнения закрытых комплексов этого памятника.

Относительная датировка материала устанавливается по стратиграфическим наблюдениям. Установлено, что во многих случаях сооружения с изучаемой керамикой перекрывали котлованы сооружений предшествующего, золотоордынского времени (40—60-е гг. XIV в.), для которого характерна неполированная керамика красного цвета, поливная (красноглиняная и кашинная) посуда⁶, или сооружались в них. Так, молдавское жилище 16 перекрыло ямы 25 и 26 золотоордынского времени, молдавское жилище 17 — золотоордынское жилище 13, молдавское 23 — золотоордынское 24, молдавское 27 — золотоордынское 27 А, и т. д.

Следовательно, молдавскому поселению и керамике в Старом Орхее предшествуют сооружения и керамика золотоордынского времени. Поэтому можно утверждать, что молдавская керамика появляется здесь только после конца 60-х гг. XIV в. — времени исчезновения золотоордынского города Шехр ал-Джедид. Эта дата или более позднее время (но никак не более раннее) служат нижней границей относительной датировки молдавской керамики в Орхее.

Что же касается верхней границы относительной датировки, то за нее можно принять появление на городище сооружений, в которых обнаружена белоглиняная (каолиновая) керамика. На территории Молдавии, судя по данным керамических материалов как сельских, так и городских поселений, это происходит в конце XVI — начале XVII в., ибо все эти материалы

датируются в закрытых комплексах и на однослойных памятниках типа По-яна монетами времени правления польского короля Сигизмунда III (1587—1632)⁷. То же прослеживается и в Старом Орхее, например, в случае, когда жилище 29 (XVI в.), датируемое находкой иконки, было перекрыто жилищем 29 А, в котором была найдена белоглиняная керамика, как неполированная, так и покрытая по внутренней стороне поливой желтого цвета. Белоглиняная посуда была найдена здесь также вместе с серебряным коронным шеленгом Сигизмунда III⁸. Белоглиняная керамика этого типа служит эталоном датировки сооружений не только на территории Старого Орхея, но и на всех средневековых памятниках Молдавии.

Установление относительных границ существования этой керамики вовсе не означает, что нижней границей является время исчезновения золотоордынской керамики, а верхней — время появления молдавской белоглиняной. Для уточнения времени существования рассматриваемой керамики необходимо привлечение материалов, дающих абсолютную датировку. Таковыми материалами являются монеты, найденные в заполнении ряда сооружений в Старом Орхее.

Прежде всего следует подчеркнуть, что на сегодняшний день еще невозможно четко отличить керамику первой половины XV в. от керамики второй половины XV в. Также невозможно отделить керамику конца XV в. от керамики начала XVI в. (Хотя некоторые признаки уже выделяются, они носят пока частный характер, требуют дальнейшего изучения и сопоставления материалов для того, чтобы можно было определить основные типологическо-хронологические этапы в эволюции керамики Орхея.)

В культурном слое городища найдено довольно значительное количество монет периода от конца золотоордынского времени до XVII в. — более 300. Из них более 30 экземпляров обнаружено в заполнении сооружений рассматриваемого времени (таблица).

Таким образом, в сооружениях найдены монеты правителей Владислава II Ягелло (1386—1434), Александра I (1400—1432), Казимира IV (1447—1492) и Яна Ольбрахта (1492—1501). Эти монеты датируют сооружения и найденную в них керамику, ставшую в свою очередь эталоном для датировки материала безмонетных сооружений, временем от правления Александра I до правления Яна Ольбрахта, т. е. с начала

Распределение находок монет по сооружениям

Сооружение	Кол-во монет	Место чекана	Эмитент и время его правления
Жилище 2	2	Польша	Владислав II Ягелло (1386—1434)
Жилище 3	6	Молдавия	Александр I (1400—1432)
Жилище 10	1	Молдавия	Александр I (1400—1432)
Жилище 32	10	Молдавия	Александр I (1400—1432)
	2	Польша	Казимир IV (1447—1492)
Сооружение 40	1	Молдавия	Александр I (1400—1432)
Кладовая 1	1	Польша	Ян Ольбрахт (1492—1501)
Яма 15	6	Молдавия	Александр I (1400—1432)
	1	Польша	Ян Ольбрахт (1492—1501)
Печь для обжига извести 2	1	Польша	Ян Ольбрахт (1492—1501)

XV в. до начала XVI в. Однако и здесь необходимо внести некоторые коррективы. По мнению А. А. Нудельмана, приток серебряных монет Александра I в Старый Орхей следует отнести ко времени не ранее рубежа 20—30-х гг. и не позднее середины 30-х гг. XV в.⁹ Таким образом, появление рассматриваемой керамики в Старом Орхее следует отнести, видимо, ко времени не ранее второго десятилетия этого столетия.

Судя по нумизматическим материалам из сооружений, верхней хронологической границей, казалось бы, можно считать время правления Яна Ольбрахта или же время сразу после его правления. Однако, как известно, монеты чеканки времени Яна Ольбрахта встречаются на территории Днестровско-Прутского междуречья вплоть до 30-х гг. XVII в.¹⁰ К сожалению, в сооружениях времени после правления Яна Ольбрахта не найдены монеты первой половины XVI в. Из письменных источников известно, что к концу 30-х гг. XVI в. Орхей в результате частых нашествий татар и турок был окончательно разрушен и перестал существовать как город¹¹. Видимо, с этой датой можно связать верхнюю границу бытования исследуемой керамики. Следовательно, ее нужно датировать временем от 20-х гг. XV в. до конца 30-х гг. XVI в.

Дальнейшие исследования истории Старого Орхоя позволят дать более подробную классификацию староорхейской керамики XV—XVI вв. Пока можно дать лишь общую классификацию этого материала.

В закрытых комплексах (их около 30), датированных монетами правителей, указанными в таблице, представлена керамика, которая по технологии и формам делится на две разновидности.

Керамика первой разновидности состоит из горшков с шероховатой поверхностью, крупными примесями в

тесте, обжигом низкого качества, видимо, печным, давшим неоднородный цвет поверхности — от желто-серого до темно-бурого и черного. Формы горшков просты, близки к баночной, венчики несложных профилей. Орнамент неоднородный, разнообразный: вилчатый, гребенчатый, однорядная и многорядная волна, наколы и др.

Эта разновидность керамики была обнаружена и выделена в Старом Орхее в 50-х гг. Г. Д. Смирновым, который назвал ее древнемолдавской, или волошской, и отнес ее появление здесь к XIII — первой половине XIV в.¹² Встречается она и в Запрутской Молдавии, где впервые была найдена тоже в 50-х гг. при раскопках крепости Шкея. В литературе она известна под названием сельской и отнесена Г. Дьякону согласно находкам монет Петра Мушата (1375—1392) и Александра I (1400—1432) к последней четверти XIV — началу XV в.¹³ Е. Бусуйок, изучив подобную керамику из Сучавы, Романа, Шкеи, Бырлада, сельских поселений Ротопэнешть, Лунка-Дорохой и других, разбила эту разновидность керамики на две хронологические группы, назвав ее соответственно домушатиной (до правления Петра Мушата) и мушатиной (в которой известна и более развитая разновидность керамики) и отнес ее ко времени с начала XIV в. до начала XV в.¹⁴

Как было указано выше, эта керамика получила разную датировку у различных исследователей. Для памятников Запрутской Молдавии наиболее приемлемой является, на наш взгляд, датировка Г. Дьякону, соответствующая мушатиному хронологическому периоду, выделенному Е. Бусуйок. Отнесение Е. Бусуйок бытования домушатиной керамики к первой половине XIV в., на наш взгляд, пока не имеет под собой твердой основы. Что же касается датировки Г. Д. Смирновым этой керамики

XIII — первой половиной XIV в., то в свете вышеприведенных датировок Старого Орхья она не выдерживает никакой критики.

Начальная дата бытования этой керамики в Старом Орхее на основе приведенных выше датирующих материалов определена примерно 20-ми гг. XV в., верхней хронологической границей можно считать время правления Яна Ольбрахта, т. е. конец XV — начало XVI в. Выше также отмечалось, что монеты упомянутого правителя имели хождение и в XVII в. Но следует учитывать, что в 1499 г. Орхей подвергся сильному разорению, после которого, как известно, начался его упадок. Именно с этим событием, на наш взгляд, следует увязать верхнюю дату существования керамики данной разновидности, так как многие из сооружений, в которых она была найдена (кладовая 1, погреб 1, сооружения 38, 43), сохранили следы пожара.

Таким образом, бытование этой керамики в Орхее с 20-х гг. XV в. до конца столетия представляет собой начальный этап в общей эволюции молдавской керамики на этом памятнике. В конце столетия, видимо, после разрушения города в 1499 г., она исчезает.

Вторую разновидность керамики составляет посуда разнообразных форм, начиная с горшков и кувшинов и кончая крышками, с более заглаженной поверхностью, горновым равномерным обжигом, давшим цвет (красный или серый) в зависимости от характера обжига — окислительного или восстановительного. По формам горшки близки в основном к перевернутому усеченному конусу, имеют стройные симметричные пропорции с довольно сложной профилировкой венчиков. Орнамент состоит из каннелюр и рифленых линий. Эта посуда по сравнению с керамикой первой разновидности гораздо более высокого ка-

чества. До конца XV в. она сопутствует во всех закрытых комплексах керамике первой разновидности и значительно преобладает в них. Однако ее бытование не ограничивается концом XV в., как это было с керамикой первой разновидности, а продолжается вплоть до 30-х гг. XVI в. До настоящего времени не разграничена четко посуда первого этапа (20-е гг. — конец XV в.) и посуда первой трети XVI в. Поэтому в данном разделе будет дана классификация всей керамики, бытовавшей в Орхее с 20-х гг. XV в. до конца 30-х гг. XVI в., без выделения отдельных этапов в ее развитии, что должно составить предмет дальнейшего исследования.

В основу классификации керамики этих двух разновидностей положено прежде всего деление на группы по способу изготовления, т. е. использованию функций гончарного круга при конструировании керамики той или иной группы.

Первая разновидность изделий,делящаяся по способу конструирования емкостей на две группы, представлена лишь одним типом посуды — горшками. Среди них по форме корпуса выделяются виды, а внутри видов по профилировке верхней части или горловины определены варианты.

Вторая разновидность посуды по способу конструирования укладывается в одну группу керамики. В зависимости от обжига в этой группе керамики выделяются две подгруппы: посуда серого цвета, полученная в результате восстановительного обжига; посуда красного цвета — результат окислительного обжига. В очень редких случаях среди керамики этих подгрупп встречаются изделия, покрытые прозрачной зеленой или коричневой поливой, нанесенной на неангобированную поверхность. По формам и назначению эта керамика делится на следующие типы: горшки, кувши-

ны, маркотцы, миски, тарелки, бокалы, крышки, сковороды, изразцы и др. Все типы посуды по форме корпуса также делятся на виды, а по профилировке верхней части — на варианты.

Для изучения технологии изготовления керамики, а также состава формовочной массы было рассмотрено более 70 образцов молдавской керамики, представленной главным образом фрагментами венчиков и днщ сосудов¹⁵. На основании полученных данных можно с уверенностью утверждать, что керамика XV—XVI вв. из Старого Орхей изготовлена, как правило, на гончарном круге с использованием спирального налета. Однако при ее конструировании сохранялись архаичные приемы труда: основные части емкости изготавливались навыками скульптурной лепки.

По способу изготовления весь керамический материал, относящийся к молдавскому периоду существования города (XV—XVI вв.), можно разделить на три группы.

Группа I — керамика, изготовленная на гончарном круге, который служил в качестве инструмента для частичного или полного заглаживания поверхности, а конструирование и профилирование осуществлялось навыками скульптурной лепки.

Группа II — керамика, изготовленная на гончарном круге, вращение которого использовалось для частичного профилирования верхней части посуды.

Группа III — керамика с частичным или полным профилированием основной части емкости и частичным конструированием полового тела путем вытягивания глины¹⁶.

ГРУППА I

Керамическая посуда этой группы была изготовлена с использованием спирального налета из формовочной массы, в составе которой выявлены естественные (бурый железняк, ракушки, песок, обломочный известняк) и искусственные (шамот, измельченная сухая глина, песок) примеси, увеличивающие огнестойкость формовочной массы, а также компоненты, уменьшающие отрицательное влияние усадки глины (зола, экскременты животных, дробленные раковины пресноводных моллюсков)¹⁷. Обжиг посуды неравномерный, несквозной. Цвет изделий — от желто-серого до темно-бурого и черного, в изломе черепки двух- или трехслойные.

Керамика этой группы представлена одним типом посуды — *горшками*, фрагментами их днщ и венчиков.

Горшки высотой от 18 до 19,7 см, толстостенные (0,9 см), с массивны-

ми днщами, достигающими в толщину 1,5 см. Внешняя поверхность исследуемых сосудов заглажена вручную или на круге, некоторые фрагменты носят следы отточки или обстругивания деревянным ножом.

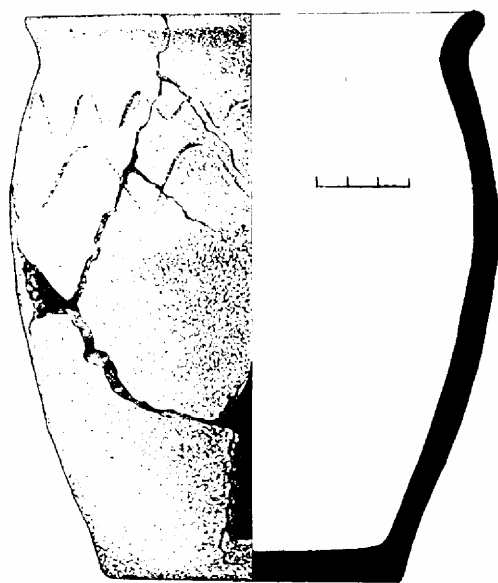
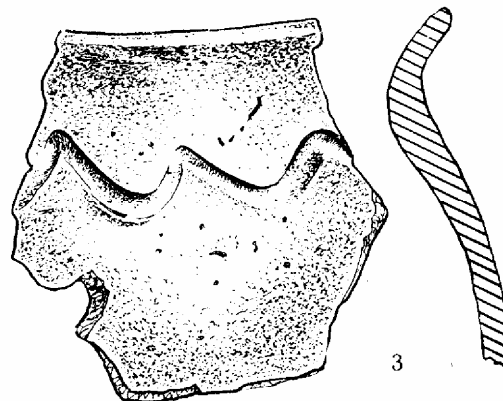
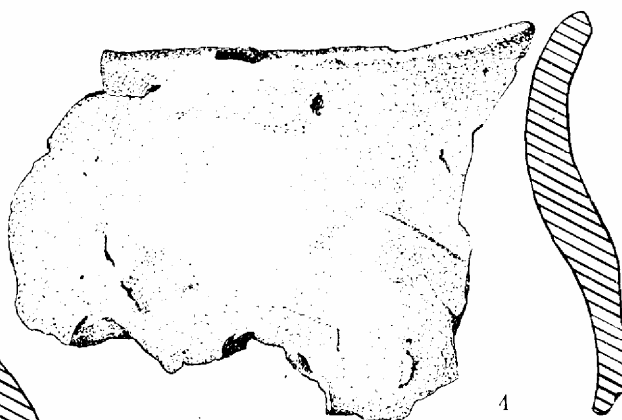

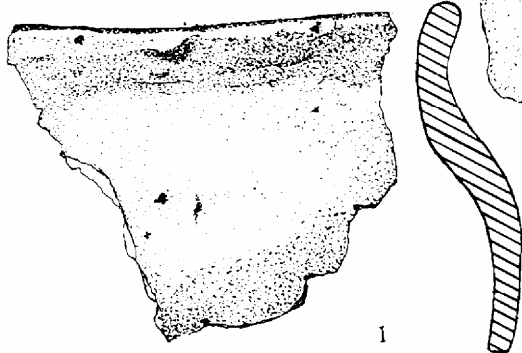
Рис. 15. Горшок

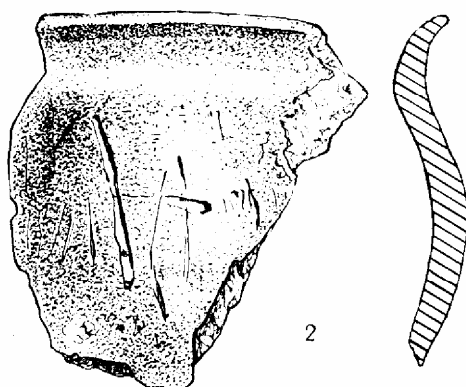
3

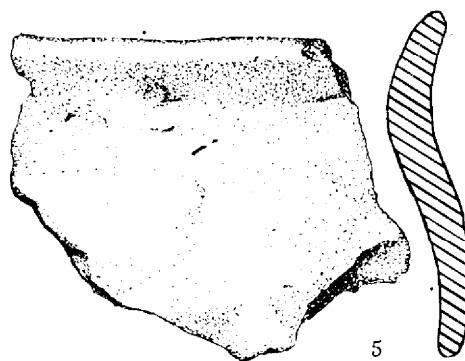
4

1

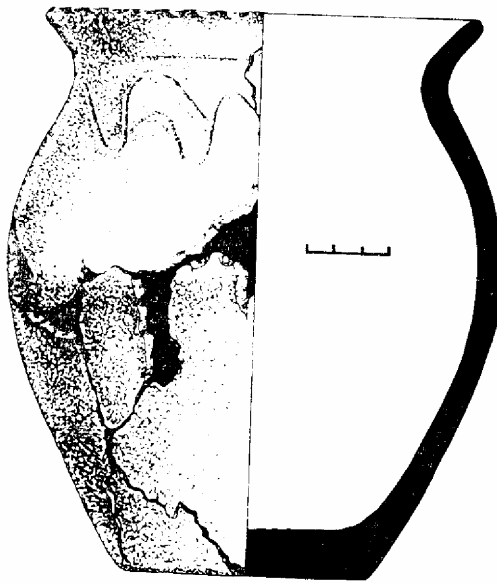
2

5

Рис. 16. Фрагменты венчиков горшков

Рис. 17. Горшок

Днища в основном со следами песчаной подсыпки; известно пока только одно днище со следами деревянной плоскости. По имеющимся целым формам можно выделить три вида посуды этой группы.

Вид 1 (рис. 15) — горшок бачонной формы со слегка расширяю-

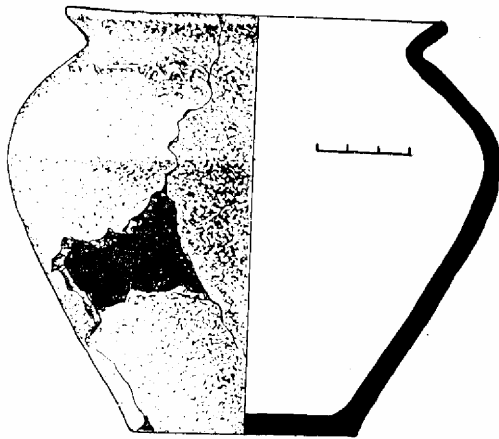

Рис. 18. Горшок

щимся в средней части туловом. Венчик короткий, прямой, слабо отогнут наружу и закруглен по краю. Шейка едва выделена, плечики сильно покатые. В верхней трети сосуд украшен двумя рядами неравномерных врезных волнистых линий.

Фрагменты посуды, относящиеся к этому виду, принадлежат горшкам с тремя вариантами венчиков. Вариант 1 — горшок с коротким, почти прямым венчиком, плавно переходящим в стенки сосуда без шейки (рис. 16/1). Вариант 2 — горшок с утонченным к краю венчиком, плавно переходящим в стенки сосуда (рис. 16/2). Вариант 3 — горшок с прямым, плавно закругленным венчиком и прямым профилем стенок (рис. 16/3—5). Наиболее близкие по форме венчика горшки известны в материалах крепости Шкея¹⁸.

Вид 2 (рис. 17) — горшок округло-бокой формы. Венчик прямой, высокий (2, 3 см), плавно отогнут наружу под углом не более 45°, край его оформлен мелкими пальцевыми защипами. Шейка сосуда четко выражена и плавно переходит в покатые плечики, украшенные неравномерной врезной волнистой линией. Корпус, суживаясь, переходит в массивное дно (толщина 1,8 см) небольшого диаметра (9 см). Наибольший диаметр приходится на середину горшка. Близкие по форме венчика сосуды известны в так называемой сельской керамике, найденной в Шкее¹⁹.

Вид 3 (рис. 18) — горшок усеченно-конической формы. Венчик несколько утончен по краю и плавно отогнут наружу. Шейка четко выражена, плечики выпуклые. Сосуд украшен по шейке неравномерно нанесенной врезной волнистой линией. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть горшка.

Керамика этой группы также изготовлена с использованием спирального налепа из формовочной массы, в составе которой выявлены естественные и искусственные примеси: бурый железняк, песок, известняк, шамот, сухая глина, дресва, экскременты животных, дробленая ракушка.

Обжиг неравномерный, несквозной, цвет посуды — от светло-коричневого до черного.

Посуда, относящаяся к этой группе, представлена одним типом — горшками высотой 15—27 см, стенки которых значительно тоньше, чем у горшков группы I, — 0,8—1 см. Днища массивные, толщиной от 0,8 до 2 см. Внешняя поверхность сосудов заглажена на круге, иногда прослеживается и ручное заглаживание; днища с зольной или песчаной подсыпкой. По форме корпуса горшков выделяются пять видов.

Вид 1 (рис. 19) — горшок усеченно-конической формы. Венчик высокий (1,5 см), прямой, отклонен наружу под углом 45°, по краю плавно закруглен. Шейка четко выражена, плечики слегка выпуклые, украшены

врезной волнистой линией. Корпус сосуда плавно суживается ко дну, наибольший диаметр приходится на плечики, т. е. на верхнюю треть сосуда.

Вид 2 (рис. 20) — горшок, близкий к баночной форме, снабжен высоким (2,5—3 см), прямым, слегка отклоненным венчиком, край которого косо срезан. Шейка четко выражена и плавно переходит в покатые плечики. Наибольший диаметр сосудов приходится на верхнюю треть, а диаметр дна близок к диаметру венчика. По плечикам горшок украшен многорядной волнистой линией, нанесенной щепкой.

Вид 3 — горшок усеченно-конической формы с четко выраженной шейкой, плавно переходящей в по-

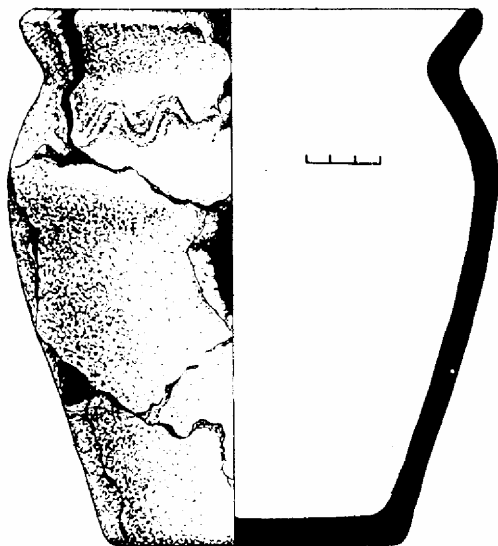

Рис. 19. Горшок

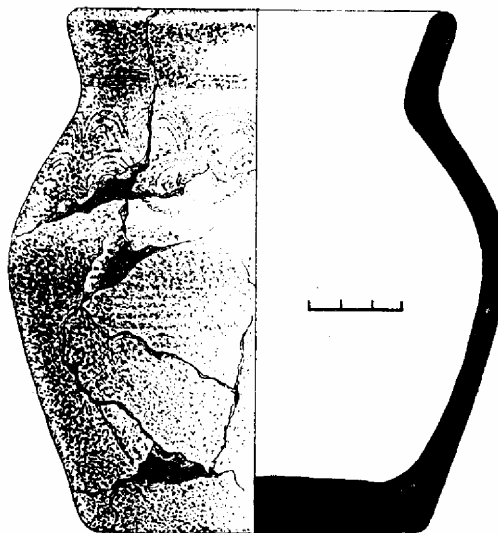
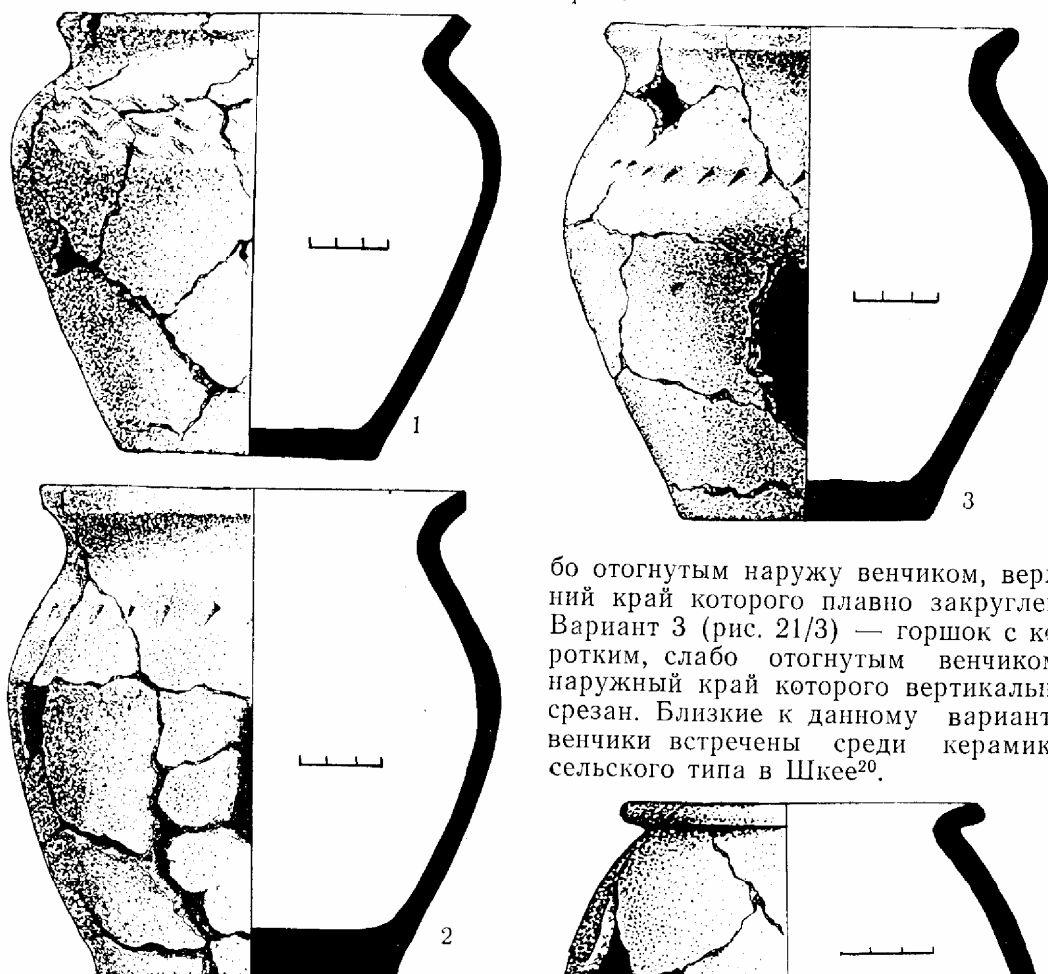

Рис. 20. Горшок

Рис. 21. Горшки

бо отогнутым наружу венчиком, верхний край которого плавно закруглен. Вариант 3 (рис. 21/3) — горшок с коротким, слабо отогнутым венчиком, наружный край которого вертикально срезан. Близкие к данному варианту венчики встречены среди керамики сельского типа в Шкее²⁰.

тые или слегка выпуклые плечики. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть или чуть ниже плечиков и равен высоте горшков. По плечикам нанесен орнамент в виде косых неглубоких насечек или волнистый из однорядной и многорядной линии.

По профилю верхней части сосуда этого вида делятся на три варианта. Вариант 1 (рис. 21/1) — горшок с коротким прямым, отклоненным наружу под углом 45° венчиком, верхний край которого косо срезан. Вариант 2 (рис. 21/2) — горшок с коротким, сла-

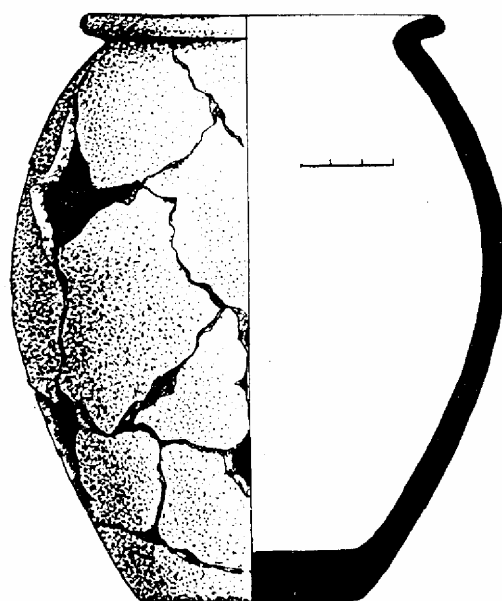

Рис. 22. Горшок

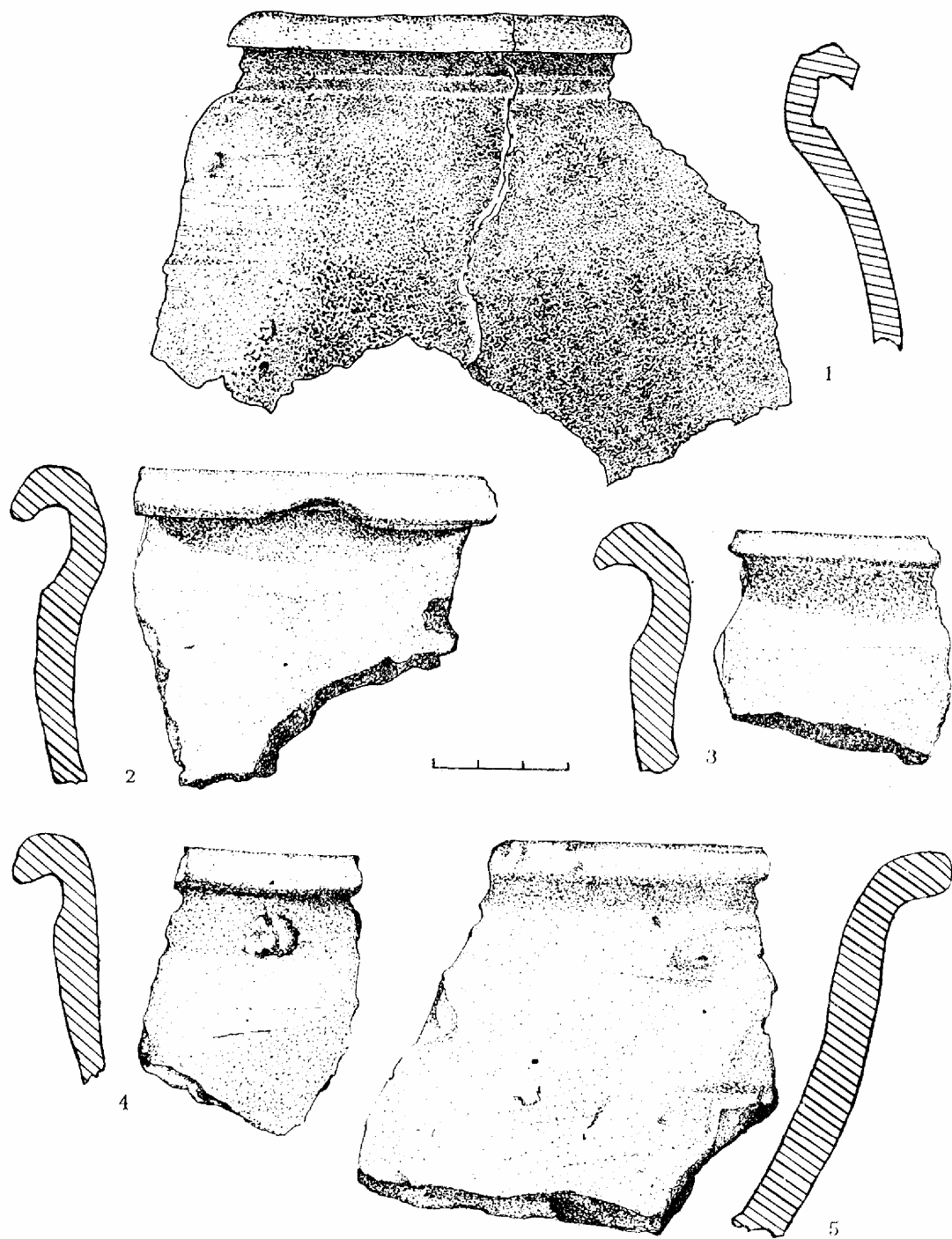
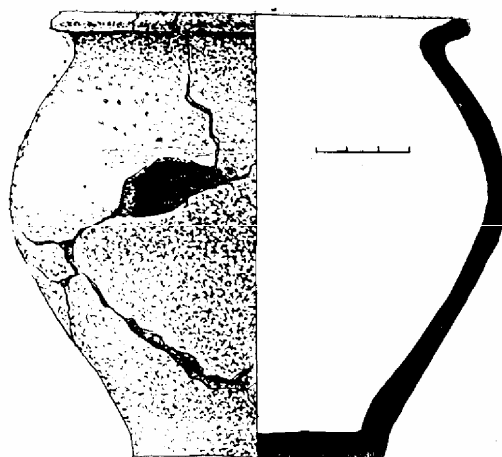

Рис. 23. Фрагменты венчиков горшков

Вид 4 (рис. 22) — горшок яйцевидной формы. Венчик короткий, резко отогнут наружу, утолщен по верхнему краю и плавно закруглен. Плечики очень покатые, моделированы почти от самого венчика. Корпус сосуда плавно расширяется в средней части, где прослеживается наибольший диаметр, и так же плавно суживается ко дну, диаметр которого в два раза меньше наибольшего диаметра горшка.

Этот вид сосудов представлен тремя вариантами. Вариант 1 (рис. 23/1—3) — горшок с коротким, резко отогнутым наружу венчиком и четко выраженной желобовидной шейкой. Вариант 2 (рис. 23/4) — горшок с коротким, резко отогнутым венчиком, нижняя часть которого горизонтально срезана. Вариант 3 (рис. 23/5) — горшок с коротким, плавно отклоненным наружу венчиком, по краю закругленным.

Рис. 24. Горшок

Вид 5 (рис. 24) — горшок усеченно-конической формы с очень выпуклыми закругленными стенками. Венчик короткий, резко отогнут наружу, по краю несколько утолщен и плавно закруглен. На внутренней стороне

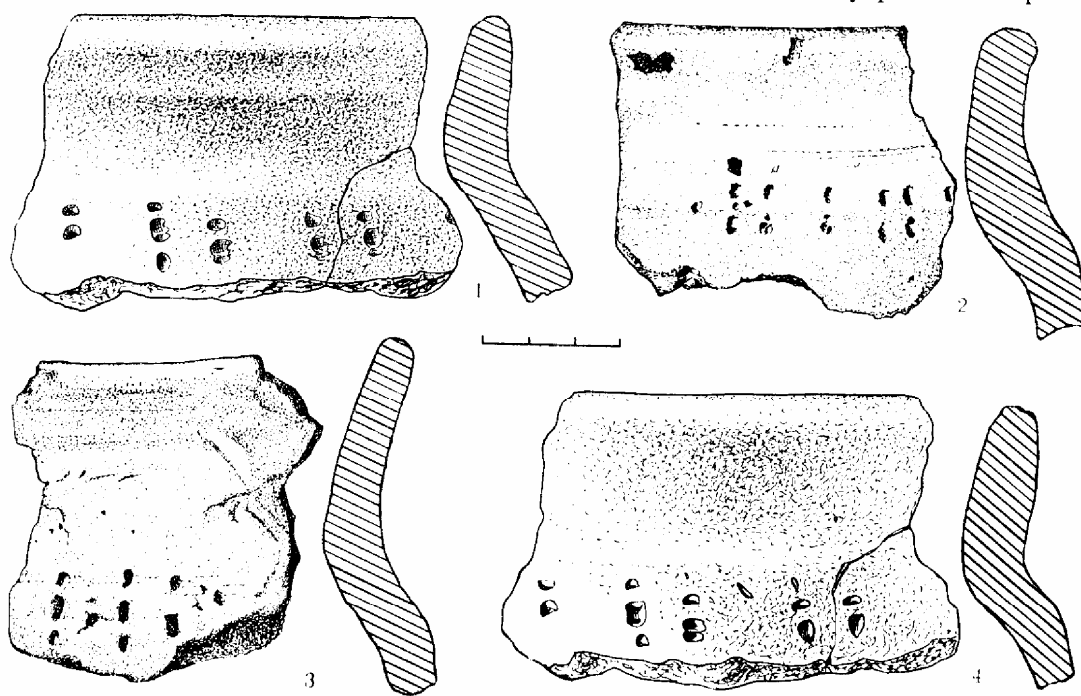

Рис. 25. Фрагменты венчиков горшков

имеется едва заметный паз под крышку. Шейка сосуда четко выражена, ко дну корпус резко суживается, диаметр дна в два раза меньше диаметра венчика.

Помимо описанных видов сосудов в культурном слое и комплексах городища найдено значительное количество обломков венчиков горшков, относящихся к этой группе керамики. Однако говорить о форме корпуса в данном случае невозможно. Находящийся в нашем распоряжении материал позволяет выделить лишь варианты венчиков. Вариант 1 (рис. 25/1) — горшок с высоким, массивным, почти вертикальным венчиком, край которого оформлен в виде горизонтальной площадки. Вариант 2 (рис. 25/2, 3) — горшок с высоким, массивным, вертикальным венчиком, верхний край которого косо срезан или закруглен. Вариант 3 (рис. 25/4) — горшок с высоким, массивным, верти-

кальным венчиком, верхний край которого, несколько суженный или равный толщине стенок, плавно закруглен. Эти варианты, по всей вероятности, можно отнести к виду горшков с четко выраженными шейками, украшенных по плечикам рядами неглубоких наколов. Вариант 4 — горшок со слабо выраженной шейкой и утолщенным краем венчика. Плечики покатые, орнаментированы наколами или многорядной врезной волнистой линией. Вариант 5 — горшок без шейки с коротким, чуть отклоненным наружу венчиком, верхний край которого утончен. Плечики украшены врезной волнистой линией. Вариант 6 — горшок без шейки с коротким, плавно закругленным по краю венчиком. Орнамент — врезная волнистая линия. Вариант 7 — горшок с короткой шейкой и высоким, утолщенным по краю, оттянутым наружу венчиком. Близкие формы венчиков известны среди материалов Шкен.

ГРУППА III

К этой группе относится посуда, изготовленная с использованием спирального налепа с последующим вытягиванием глины. Формовочная масса имеет примеси известняка, бурого железняка, песка, экскрементов животных (в незначительном количестве), более тщательно подготовлена. Она представлена изделиями серого (подгруппа I) или красного (подгруппа II) цветов.

Посуда, относящаяся к этой группе, характеризуется стройностью и симметричностью форм, четкой профилировкой венчиков, тонкостенностью, тщательностью заглаживания поверхности, а также следами среза ниткой на днищах. Ассортимент ее, как было указано, разнообразен.

Подгруппа I

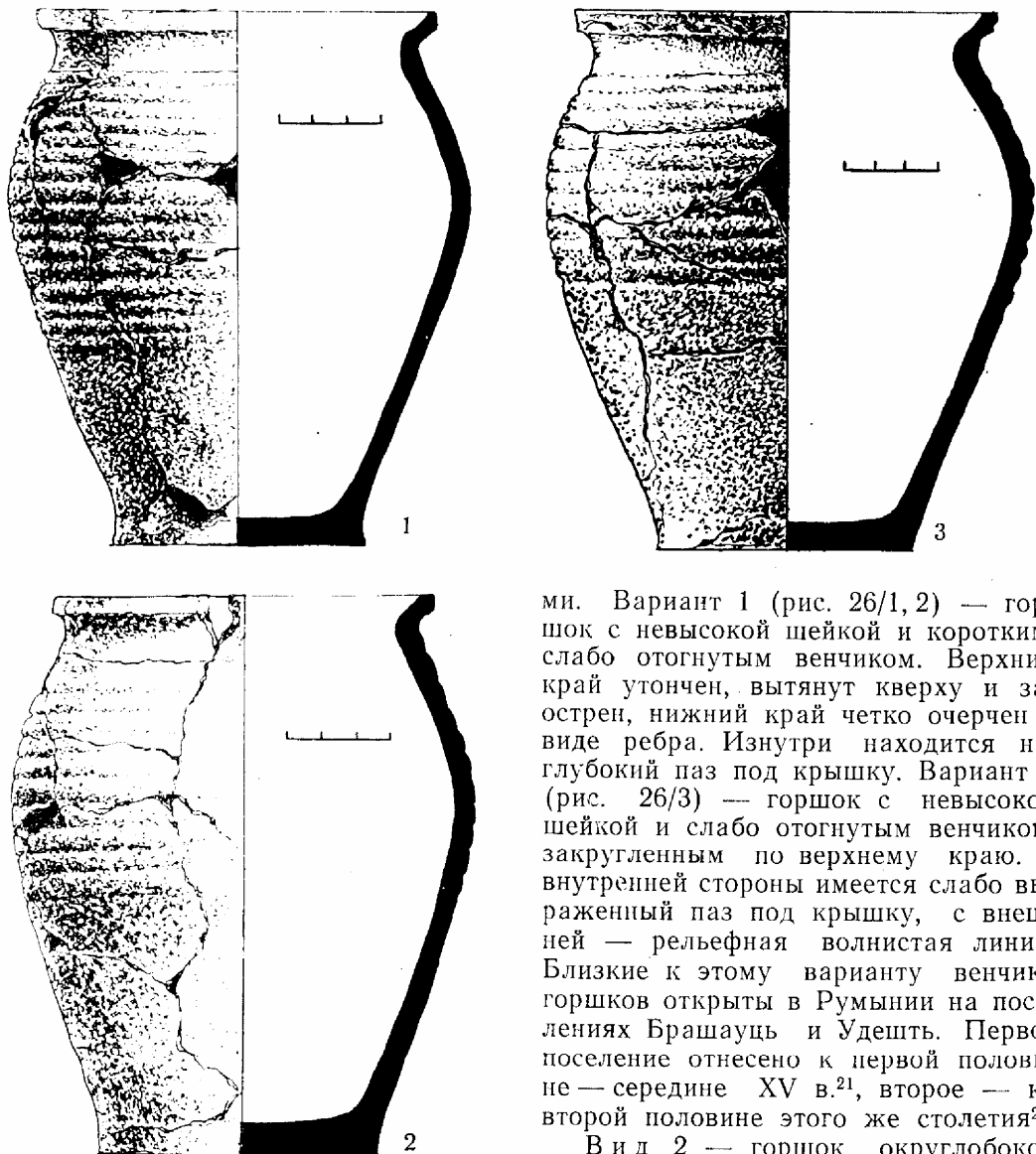
Керамика серого цвета представлена горшками, кувшинами, маркотцами, мисками, тарелками, бокалами, крышками и др.

Тип 1 — *горшки*, составляющие большинство среди посуды этой под-

группы. По форме корпуса они подразделяются на несколько видов.

Вид 1 — горшок, усеченно-конический внизу, округлый в верхней части. Шейка едва намечена, плечики покатые, слабо выраженные. Нач-

Рис. 26. Горшки

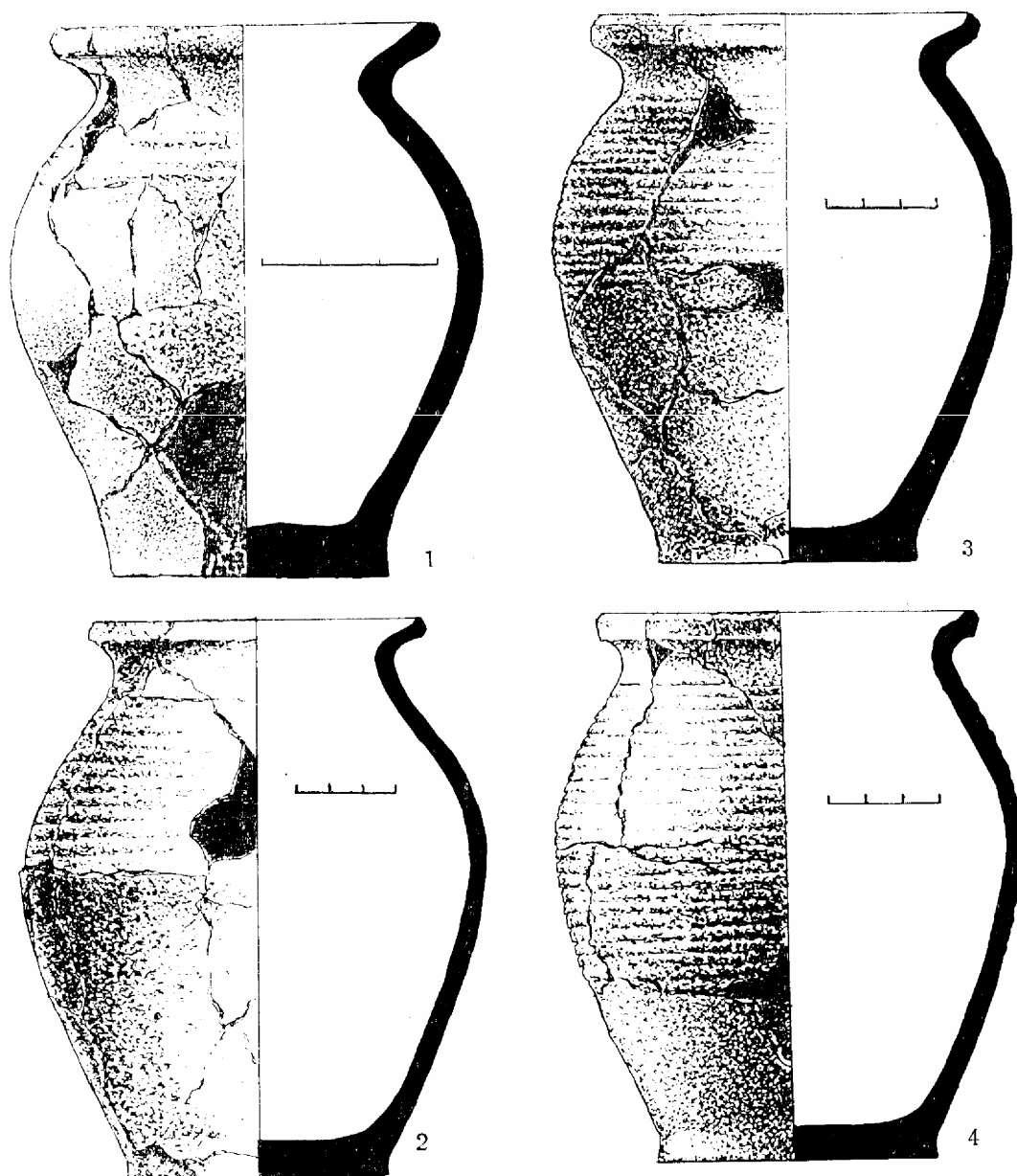
большой диаметр приходится на верхнюю треть корпуса и почти равен диаметру венчика. Высота сосудов от 21 до 24,5 см, наибольший диаметр 18—20 см. Верхняя треть корпуса покрыта орнаментом в виде каннелюр.

По форме венчика горшки этого вида представлены двумя вариантами.

Вариант 1 (рис. 26/1, 2) — горшок с невысокой шейкой и коротким, слабо отогнутым венчиком. Верхний край утончен, вытянут кверху и заострен, нижний край четко очерчен в виде ребра. Изнутри находится неглубокий паз под крышку. Вариант 2 (рис. 26/3) — горшок с невысокой шейкой и слабо отогнутым венчиком, закругленным по верхнему краю. С внутренней стороны имеется слабо выраженный паз под крышку, с внешней — рельефная волнистая линия. Близкие к этому варианту венчики горшков открыты в Румынии на поселениях Брашауц и Удешть. Первое поселение отнесено к первой половине XV в.²¹, второе — ко второй половине этого же столетия²².

Вид 2 — горшок округлобокой формы, стройных пропорций, с наибольшим диаметром, приходящимся на середину корпуса. Высота сосудов от 16 до 22 см, наибольший диаметр 14—21 см. Горшки этого вида украшены рифлением, покрывающим верхнюю треть или почти весь корпус изделия. Близкие по форме горшки XV в.

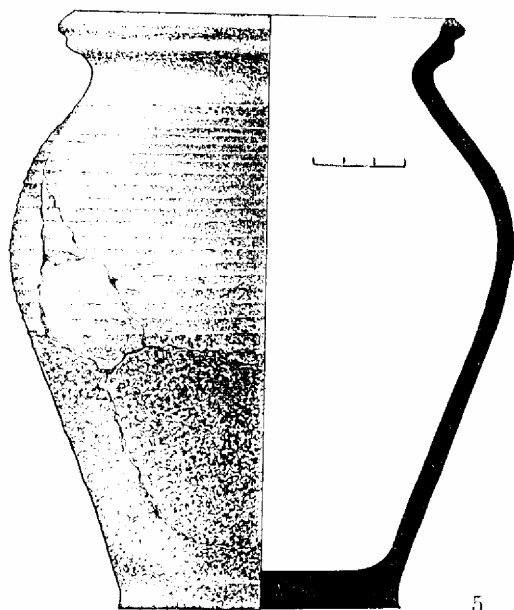
Рис. 27. Горшки

найжены на поселениях Сучава и Удешть²³.

Выделяются четыре варианта горшков этого вида. Вариант 1 (рис. 27/1—3) — горшок с высокой, четко профилированной шейкой и отклонен-

ным наружу венчиком, верхний край которого утончен и плавно загнут. Изнутри имеется паз под крышку. Вариант 2 (рис. 27/4) — горшок с четко выделенной шейкой и небольшим по величине венчиком, также отклонен-

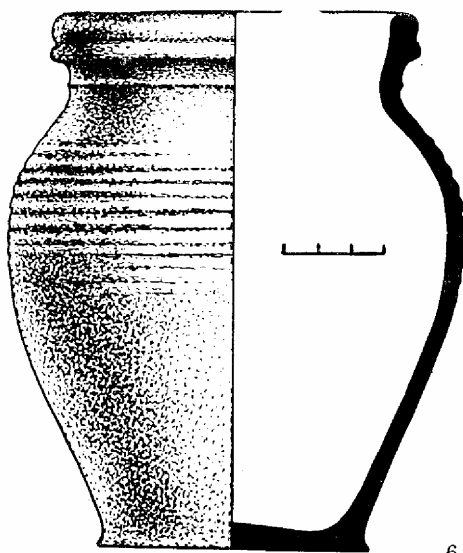

5

выступами, моделированными снару-
жи. Верхний край оформлен в виде
косого среза, изнутри находится неглу-
бокий паз под крышку. Вариант 4
(рис. 27/6) — горшок с высокой, чет-
ко выделенной шейкой и почти пря-
мым утолщенным венчиком, плавно
закругленным по внешнему краю.
Нижняя часть венчика снаружи так
же, как и шейка, подчеркнута не-
большим выступом. Паз под крышку
едва намечен.

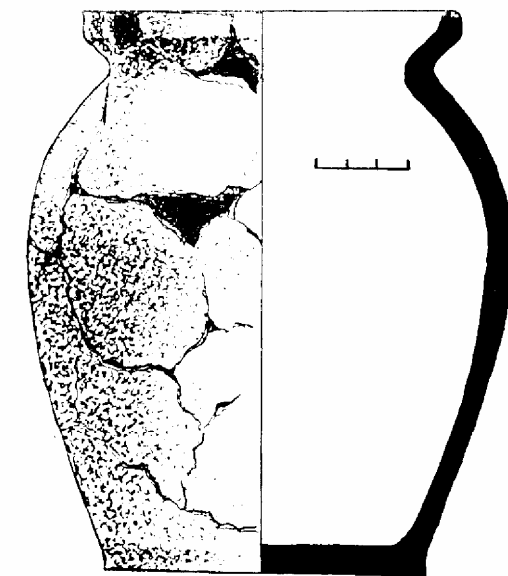
Вид 3 (рис. 28) — горшок округ-
лобкой формы, с четко выделенной
шейкой и плавно закругленными стен-
ками корпуса. Наибольший диаметр
приходится на середину сосуда, диа-
метр венчика почти соответствует
диаметру дна. Высота изделия 21,4 см,
наибольший диаметр 18 см. Венчик
высокий, по внешнему краю плавно

Рис. 28. Горшок

6

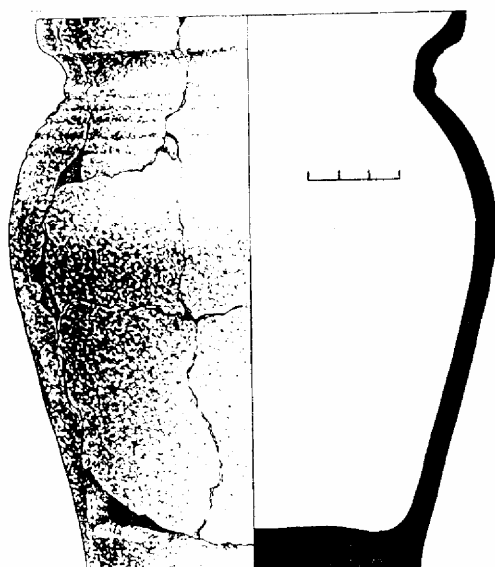
ным наружу. Венчик утолщен в верх-
ней части, закруглен, наружная сто-
рона вертикально срезана. Изнутри —
неширокий паз под крышку. Вари-
ант 3 (рис. 27/5) — горшок с четко
выделенной небольшой шейкой и от-
клоненным наружу венчиком с двумя

закруглен и отклонен наружу. На
внутренней стороне — широкий паз-
под крышку.

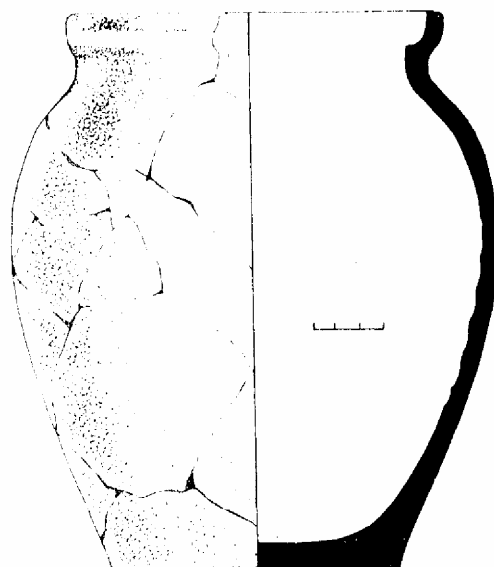
Вид 4 (рис. 29) — горшок усе-
ченно-конической формы, со слабо
выступающими покатыми плечиками.
Стенки корпуса, суживаясь, переходят

Рис. 29. Горшок

в дно, диаметр которого соответствует диаметру шейки. Высота сосуда 14,7 см, наибольший диаметр 12,7 см. Венчик короткий, слабо отогнут. Верхний край утончен и плавно закруглен, внешняя сторона вертикально срезана. Венчик снабжен нешироким, четко прослеживающимся пазом под крышку. Шейка выделена небольшим вы-

Рис. 30. Горшок

ступом, плечики орнаментированы в верхней части рифлением.

Вид 5 (рис. 30) — горшок округлобокой формы, с четко выраженной небольшой шейкой и покатыми плечиками. Венчик высокий, прямой, по верхнему краю и снаружи плавно закруглен. Изнутри имеется четкий широкий паз под крышку. Высота сосуда 22,1 см, наибольший диаметр — в середине корпуса (19,5 см).

Вид 6 (рис. 31) — горшок усеченно-конической формы, с сильно расширенной верхней частью и резко суживающейся нижней. Наибольший диаметр в верхней трети сосуда равен высоте (15 см). Венчик короткий, слегка утолщен и плавно закруглен по внешнему краю, имеет едва заметный паз под крышку. Шейка короткая, четко выраженная, плавно переходит в покатые плечики, украшенные рифленным орнаментом.

Вид 7 (рис. 32) — горшок усеченно-конической формы, с наибольшим диаметром в середине корпуса. Венчик короткий, плавно отогнут наружу, утончен в верхней части и плавно-

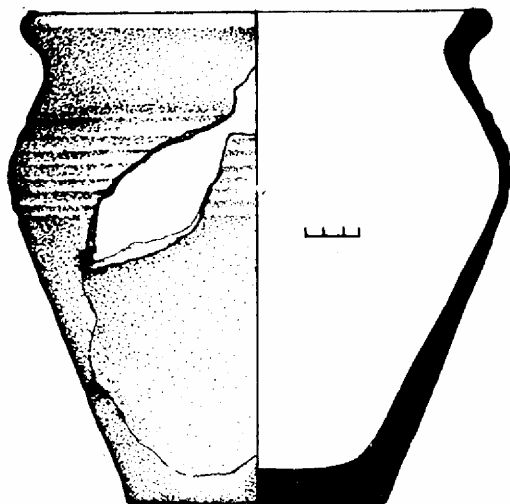

Рис. 31. Горшок

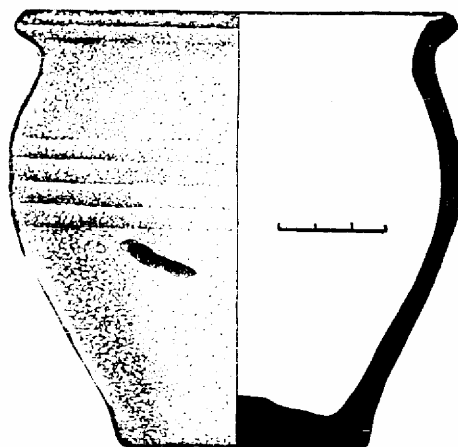
но закруглен. Внешняя его сторона вертикально срезана, изнутри имеется неглубокий паз под крышку, шейка короткая, четко выраженная, плавно переходит в покатые плечики, украшенные едва заметным рифленным орнаментом. Диаметр венчика соответствует высоте сосуда и равен 11,5 см.

Вид 8 (рис. 33) — горшок небольших размеров, усеченно-конической формы с прямым, слабо отклоненным наружу высоким венчиком, верхний край которого плавно закруглен. Шейка четко выделена, плавно переходит в покатые плечики. Корпус ко дну резко суживается и заканчивается плоским дном. Наибольший диаметр приходится на середину горшка и почти соответствует диаметру венчика. По очертанию корпуса сосуд аналогичен горшкам группы II, вида 2. Высота сосуда 9,3 см, наибольший диаметр 8,5 см.

Вид 9 (рис. 34) — горшок небольших размеров, с корпусом округлых очертаний, плавно суживающимся ко дну. Венчик прямой, высокий, по верхнему краю плавно закруглен и отогнут наружу под углом 45°. Шейка четко выражена и вместе с венчиком составляет примерно треть высоты сосуда. Плечики очень покатые, отделены от шейки неглубокой врезной линией. Диаметр венчика равен высоте горшка. Наибольший диаметр приходится на середину корпуса и равен 8,6 см, высота 9 см.

Тип 2 — *кувшины*. Они представлены как целыми формами, так и значительным количеством фрагментов венчиков, стенок и дна. От предыдущего типа посуды отличаются более тщательной подготовкой формовочной массы, а также лучшей обработкой внешней поверхности, которая заглаживалась на гончарном круге или покрывалась лощением, что придавало изделиям нарядный вид. По имеющимся целым формам выделяются два вида кувшинов.

Рис. 32. Горшок

Вид 1 (рис. 35) — кувшин с усеченно-коническим корпусом, наибольший диаметр которого приходится на верхнюю треть сосуда, диаметр устья совпадает с диаметром дна. Шейка четко выражена, плечики покатые, плавно переходят в корпус сосуда. Венчик невысокий, со сливом, в верхней части плавно закруглен, снаружи имеет небольшой выступ, украшен врезными концентрическими линиями.

Кувшин снабжен небольшой, овальной в сечении ручкой, верхний корень которой крепился у венчика, а нижний — в месте наибольшего диаметра, т. е. на плечиках. По плечикам нанесен орнамент в виде мелких врез-

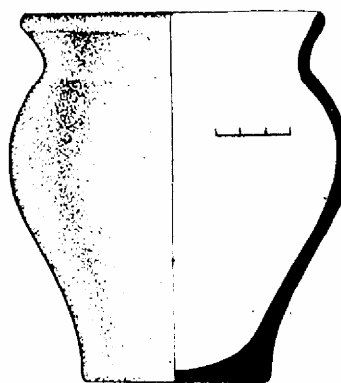
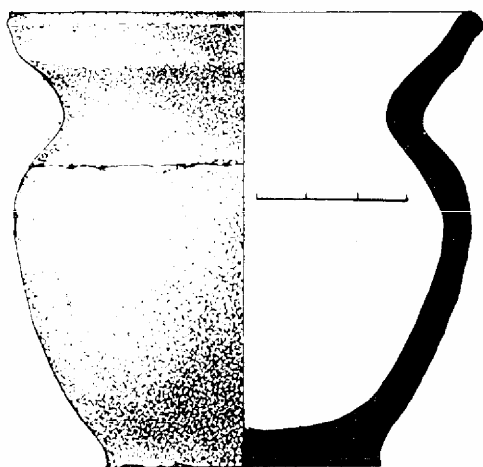

Рис. 33. Горшок

Рис. 34. Горшок

ных параллельных линий. Высота кувшинов 29—30,5 см, диаметр устья 12—14 см, диаметр днища 10—12 см.

К данному виду кувшинов относится значительное число обломков венчиков, что позволяет выделить среди них восемь вариантов по профилировке верхней части и горловины. Вариант 1 — кувшин с четко выраженной шейкой и коротким прямым венчиком, верхний край которого плавно закруглен и имеет снаружи

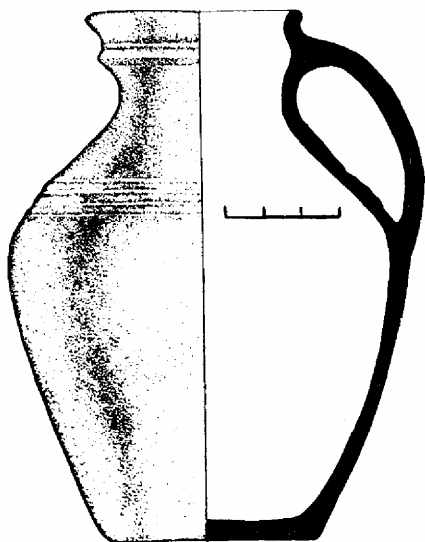

Рис. 35. Кувшин

четко выделенный выступ. Сосуды подобного рода известны в Сучаве во второй половине XV в.²⁴ Наружная сторона венчика или шейка в ряде случаев украшены концентрическими врезными линиями. Другой разновидностью орнамента является нанесение по выступу мелкого штампованного орнамента в виде параллельно расположенных косых насечек, сочетающихся с крестообразным узором, или же пальцевых защипов, иногда с последующим оформлением гребенкой. Диаметр венчиков от 7 до 14 см, все они имеют слив. Орнамент, нанесенный по внешнему выступу венчика насечками, встречается часто в Сучаве²⁵. Вариант 2 — кувшин с прямым высоким венчиком, верхний край которого плавно закруглен, а выступ едва выражен. Шейка прослеживается слабо, плечики покатые, украшены мелким рифлением. Диаметр венчиков 8—12 см, слив выделен небольшим углублением. По внешней стороне некоторые фрагменты украшены гребенчатым орнаментом. Вариант 3 — кувшин с высоким, слегка отклоненным наружу венчиком. Верхний край скошен вовнутрь и плавно закруглен, снаружи оформлен двумя четко нанесенными выступами. Диаметр венчиков, относящихся к этому варианту, 14 см, все они имеют слив. Вариант 4 — кувшин с едва выделенной шейкой и прямым невысоким венчиком, верхний край которого косо срезан вовнутрь и немного оттянут наружу.

Среди большого количества фрагментов встречаются обломки кувшинов диаметром от 5 до 8 см, горловины и венчики которых имеют цилиндрическую форму. Среди них также можно выделить варианты. Вариант 5 — кувшин с прямым, закругленным по краю венчиком и цилиндрическим горлом. Венчик по краю с внешней стороны украшен рядом мелких фестонов. Вариант 6 — кувшин с цилиндрическим горлом, венчик не выделен, в верх-

ней части оформлен в виде горизонтальной площадки. Горловина орнаментирована выступом, украшенным гребенчатым штампом. Вариант 7 — кувшин с горлом в виде раструба и венчиком, утолщенным в верхней части. Горловина орнаментирована неглубокими врезными концентрическими линиями. Вариант 8 — кувшин с горловиной в виде раструба, венчик не выделен, по верхнему краю плавно закруглен, по внешней стороне у самого края украшен двумя врезными линиями.

Кроме фрагментов венчиков в нашем распоряжении находится большое количество обломков стенок кувшинов, которые дают возможность установить некоторые элементы украшения этого типа посуды.

Внешняя поверхность кувшинов неодинакова. Основную часть составляют сосуды, внешняя поверхность которых заглажена при помощи гончарного круга, незначительный процент приходится на кувшины, горловина и корпус которых тщательно залощены.

Помимо изделий с поверхностью серого цвета известны, правда, в очень ограниченном количестве, и обломки сосудов более темного, почти черного цвета, в то время как цвет внутренней стороны и излома черепка остается по-прежнему светлым. По мнению М. Д. Матея, этот темный цвет не приобретен во время обжига, а получен путем покрытия поверхности специальным слоем глины, смешанной с графитом²⁶.

Наиболее употребительным был орнамент в виде врезных концентрических линий, которыми украшались внешние стороны венчиков, горловины и чаще всего плечики кувшинов. Врезные концентрические линии наносились также в сочетании с рядом фестонов или штампованным орнаментом из косых, параллельно расположенных насечек или крестообразного узора. Штампованный орнамент выполнялся деревянным колесиком и украшал

иногда плечики и корпус сосудов в сочетании с широкими волнообразными линиями.

Богато выглядят кувшины, где сочетались три вида орнамента, расположенных поясами: на горловину наносились концентрические врезные линии, а на плечики — поочередно штампованный и волнообразный узоры.

Кувшины, внешняя поверхность которых дополнительно была обработана слоем глины с графитом, украшались, как правило, штампованным орнаментом «елочка», также выполненным деревянным инструментом. Этот орнамент в виде узкой полосы с косыми и вертикальными линиями, нанесенными деревянным вращающимся колесиком на плечики кувшинов или горшков, по мнению М. Д. Матея, был прослежен впервые на керамике, привнесенной в последней четверти XIV в. в Сучаву иноземными колонистами²⁷. Керамика с таким орнаментом найдена и в других городских центрах Молдавского княжества: Сирете, Байе, Романе²⁸ и др. В последнее время керамика с подобным орнаментом обнаружена и на сельских поселениях XV в.²⁹

Вид 2 (рис. 36) — кувшин усеченно-конической формы, наибольший диаметр приходится на середину корпуса. Плечики сильно покатые, стенки корпуса плавно суживаются ко дну. Венчик высокий, прямой, верхний край горизонтально срезан, по внешней стороне орнаментирован рядом врезных концентрических линий. Устье ойнохоевидной формы. Кувшин снабжен овальной в сечении ручкой. К сосудам этого вида относится также несколько фрагментов венчиков, с устьем ойнохоевидной формы, украшенным помимо выступа орнаментом в виде косых и крестообразных насечек. Кувшины с аналогичным оформлением венчика встречаются на сель-

ском поселении конца XIV — начала XV в. Бэичень³⁰.

Ручка описанных кувшинов изогнута почти под прямым углом. Верхний корень ее крепился в средней части венчика, а нижний — в месте наибольшего диаметра, т. е. на плечиках или несколько ниже. Ручки в сечении вытянутой овальной формы, по способу оформления внешней поверхности различны: ручка с плавно закругленными гранями; ручка с несколько утолщенными и рельефно выделенными краями; ручка, оформленная тремя ребристыми выступами;

ручка, оформленная четырьмя ребристыми выступами.

Днища кувшинов плоские и несут следы среза ниткой.

Особо следует отметить найденный в сооружении 41 кувшин со сбитой верхней частью. Он изготовлен из каолина с примесью крупного песка, отчего поверхность получилась шероховатой. Обжиг томленный, сквозной, в изломе черепок однослойный, белого цвета, внутренняя и внешняя поверхность дымчато-черного цвета. Сосуд имел высокую горловину; наибольший диаметр приходится на плечики, которые сильно выступают по сравнению с горловиной, стенки корпуса ко дну резко суживаются. На дне прослежены следы среза ниткой. В основании горловины кувшина, по плечикам, нанесена колесиком полоса штампованного орнамента в виде косых углублений, а под ними полоса мелкого рифления шириной 1 см. Диаметр горловины 7 см, наибольший диаметр 17 см, диаметр дна 10 см, толщина стенок 0,4—0,5 см.

Тип 3 — *маркотцы*. Они представляют собой довольно большие сосуды приземистой формы, использовавшиеся для приготовления пищи. Корпус почти цилиндрической формы, несколько суживающийся ко дну. Маркотцы встречаются в Сучаве начиная с конца XIV в.³¹ Как и кувшины, они относятся к формам посуды, которые появились в Молдавском княжестве, в частности в Сучаве, вместе с привозной посудой и бытовали на всем протяжении XV в. и вплоть до первой половины XVI в.³² Они сохраняют первоначальную форму, некоторые незначительные варианты имеются в их венчиках, способе и характере орнаментации.

По профилировке верхней части маркотцы из Старого Орхея представлены четырьмя вариантами. Вариант 1 (рис. 37/1) — маркотец с загнутым вовнутрь венчиком и косо сре-

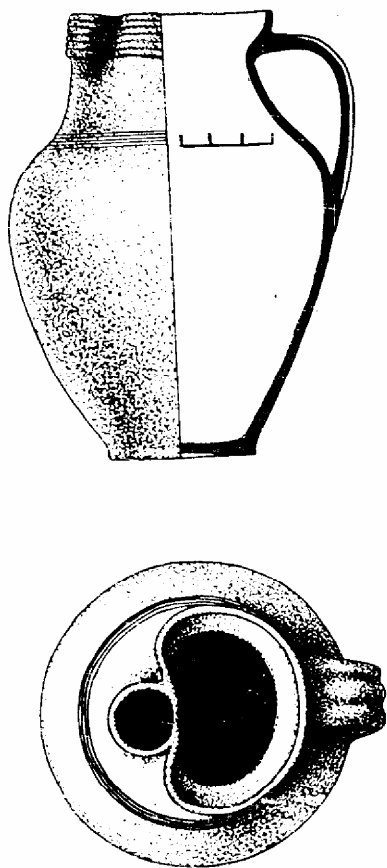
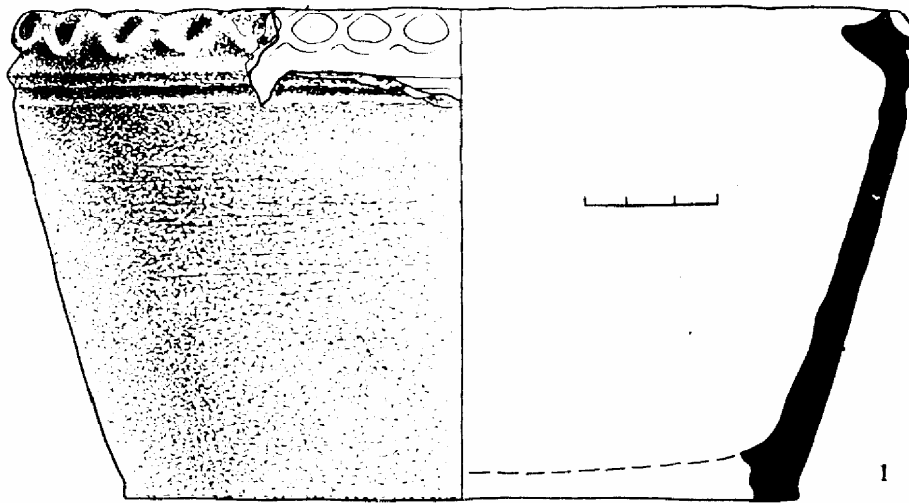

Рис. 36. Кувшин с ойнохоевидным устьем

Рис. 37. Маркотцы

занным верхним краем. По внешней стороне венчик украшен рядом пальцевых вдавлений, нижняя часть подчеркнута небольшим выступом. Вариант 2 (рис. 37/2) — маркотец с прямым, плавно отогнутым наружу венчиком, верхний край которого косо срезан. На внешней стороне венчика имеется небольшой желобок, по всей видимости, для крышки, а также слив. На верхней, слегка наклоненной вовнутрь площадке местами нанесен штампованный орнамент в виде полосы из вертикальных линий. Вариант 3 (рис. 37/3) — маркотец с коротким, сильно отогнутым наружу венчиком, нижний край которого косо срезан и плавно закруглен. Двумя пальцевыми вдавлениями определен слив шириной около 9 см, не выступающий за пределы венчика, а вписывающийся в общий диаметр маркотца. Верхняя часть изделия украшена рельефной волнистой линией, расположенной непосредственно под венчиком, и рядом неглубоких врезных полос. Вариант 4 (рис. 37/4) —

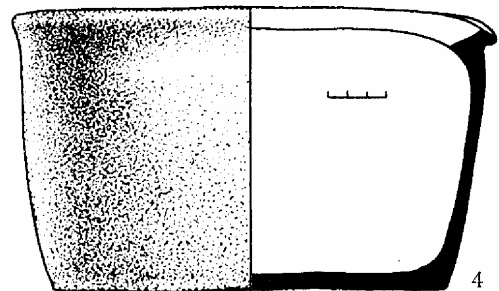
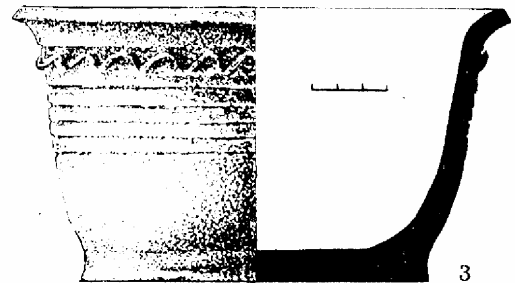
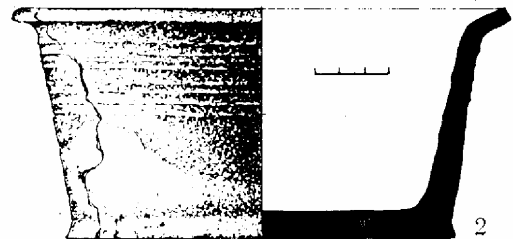

Рис. 38. Миска

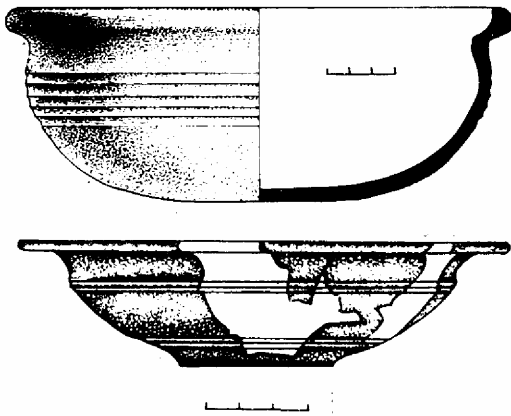

Рис. 39. Тарелка

маркотец с сильно отогнутым (почти под прямым углом) венчиком, верхний край которого образует горизонтальную площадку шириной 2,8 см. Наружный край венчика утолщен и плавно закруглен; венчик снабжен сливом.

Тип 4 — *миски*. Они представлены не столь значительным количеством целых форм и фрагментов, как описанные выше типы сосудов, однако найденный на городище материал все же позволяет дать общую характеристику посуде данного типа и выделить некоторые ее виды.

Вид 1 — миска усеченно-конической формы. Стенки имеют слегка выпуклый профиль и, плавно суживаясь, переходят в плоское дно. Венчик короткий, отклонен наружу. Снизу дно подчеркнуто рядом врезных концентрических окружностей, а центральная часть занята двумя крестообразными фигурами, также выполненными врезными линиями. Высота миски 4,1 см, диаметр венчика 17 см.

Рис. 40. Тарелка

Вид 2 — миска с округлым выпуклым корпусом, стенки которого, резко суживаясь, заканчиваются плоским дном. Венчик в верхней части утолщен, косо срезан; нижняя часть подчеркнута незначительным выступом. Диаметр венчика 18,4 см, высота миски 7 см.

Вид 3 (рис. 38) — миска с полу-сферическим корпусом и округлым, невыделенным дном, высотой 20,2 см. Корпус украшен широким рифлением.

По формам венчиков выделяются варианты мисок. Вариант 1 — миска с коротким, четко профилированным венчиком, верхний край которого утолщен и плавно закруглен. Изнутри имеется глубокий паз. Вариант 2 — миска с коротким, резко отогнутым

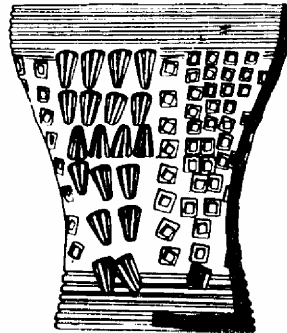

Рис. 41. Бокал

наружу венчиком, верхний край которого косо срезан. Венчик несколько утолщен в месте перегиба и украшен с наружной стороны орнаментом в виде гирлянд. Корпус украшен широким рифлением. Вариант 3 — миска с венчиком, аналогичным венчику варианта 2, с той лишь разницей, что верхний край его оформлен в виде горизонтальной площадки. Корпус и внешний край венчика украшены так же.

Тип 5 — *тарелки*. Среди незначительного количества фрагментов и целых экземпляров тарелок различаются два их вида.

Вид 1 (рис. 39) — изделие открытой формы с широким, почти го-

ризонгальным венчиком. Корпус округлых очертаний завершается плоским дном. Широкий венчик утолщен в верхней части и плавно закруглен. Корпус отделен от венчика небольшим выступом и украшен двумя рядами пролощенных, слегка углубленных линий, расположенных у выступа и в нижней части. Дно с наружной стороны орнаментировано врезными концентрическими окружностями. Высота тарелки 8,5 см, диаметр венчика 39 см.

Вид 2 (рис. 40) — тарелка с усеченно-коническим корпусом, плавно переходящим в плоское, едва намеченное дно. Венчик широкий, отогнут наружу и закруглен по внешнему краю, отделен от корпуса незначи-

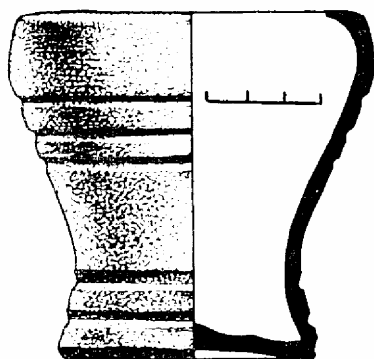

Рис. 42. Бокал

тельным выступом. Высота тарелки 5,1 см, диаметр венчика 26,3 см. Поверхность венчика иногда украшалась фестончатым орнаментом.

Тип 6 — бокалы. Этот тип посуды очень редко встречается среди керамических изделий Старого Орхея и представлен всего лишь двумя целыми экземплярами, на основании анализа форм которых выделены два вида.

Вид 1 (рис. 41) — бокал с плавно загнутыми вовнутрь стенками, высоким, цилиндрической формы венчиком и плоским дном. Венчик прямой, несколько утончен в верхней части и плавно закруглен, с наружной

Рис. 43. Крышка

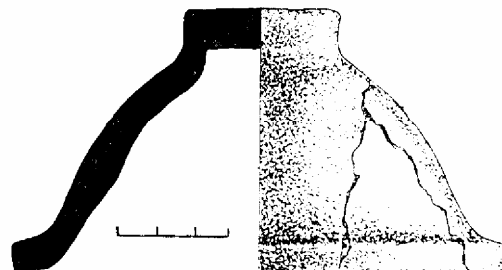
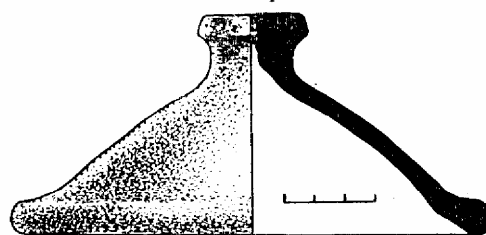

Рис. 44. Крышка

стороны украшен мелким неглубоким рифлением. Таким же образом орнаментирована и придонная часть. Основную нагрузку в декоре несет корпус изделия, покрытый замысловатым

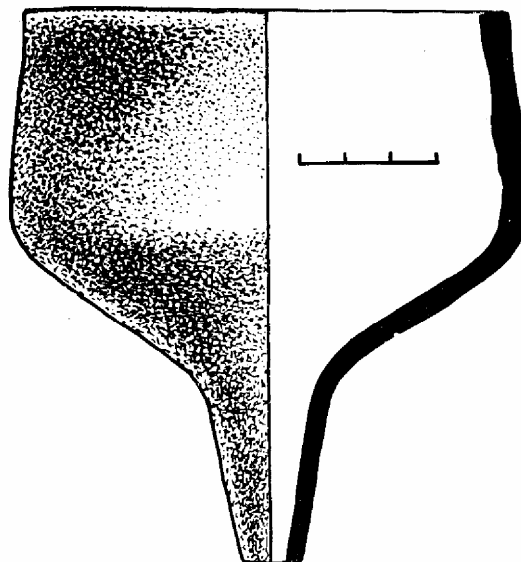

Рис. 45. Воронка

орнаментом: вписанные в прямоугольник квадраты и ромбы сочетаются с трапециевидными фигурами, заполненными узкими полосами. Высота бокала 9,8 см, диаметр венчика 8,5 см, диаметр дна 6,2 см.

Вид 2 (рис. 42) — бокал с плавно изогнутыми в средней части стенками, плоским дном и загнутым вовнутрь венчиком. По внешней стороне венчик плавно закруглен, вверху горизонтально срезан. Корпус бокала украшен врезными концентрическими линиями. Диаметр венчика соответствует высоте бокала и равен 9,6 см.

Тип 7 — крышки. По форме корпуса они представлены двумя видами.

Вид 1 (рис. 43) — изделие конической формы, завершающееся не-

большой круглой ручкой. Нижняя часть оформлена в виде слегка утолщенного венчика, имеющего неглубокий паз. Диаметр крышек 14—16 см, высота 7—9 см.

Вид 2 (рис. 44) — крышки данного вида довольно редки. Они представляют собой изделия усеченно-конической формы, снабженные небольшой плоской цилиндрической ручкой. Стенки слегка выпуклых очертаний заканчиваются плавно отогнутым наружу венчиком, закругленным по краю. Высота крышки 7,3 см, диаметр венчика 13,3 см.

Тип 8 — воронка, представленная пока единственным экземпляром (рис. 45). Она цилиндрической формы, с узким усеченно-коническим сливом.

Подгруппа II

Керамика красного цвета представлена горшками, кувшинами, маркотцами, крышками и печными изразцами.

Тип 1 — горшки. Обнаружено несколько целых форм и значительное число фрагментов венчиков, стенок и днищ. В зависимости от формы корпуса выделяется несколько видов.

Вид 1 (рис. 46) — горшок крупных размеров, усеченно-конической формы, с наибольшим диаметром в месте перехода плечиков в стенки корпуса, с узким устьем и шейкой и широким по отношению к ним (в 1,5 раза) дном. Венчик высокий, утолщен и по внешнему краю закруглен. Снаружи он ограничен небольшим выступом, украшенным рядом наколов. Шейка четко выделена и плавно переходит в покатые плечики. Ко дну корпус резко суживается. Высота горшка достигает 50 см, наибольший диаметр 39 см. Судя по размерам, такие сосуды предназначались для хранения хозяйственных припасов.

Вид 2 (рис. 47/1,2) — горшок

усеченно-конической формы, стройных пропорций, высотой не более 30 см, с наибольшим диаметром в верхней трети сосуда (от 19 до 23 см). Венчик короткий, четко профилирован, сильно отогнут наружу и закруглен по внешнему краю. На внутренней стороне его имеется четко выраженный паз под крышку. Шейка короткая, плавно переходит в выпуклые плечики. Стенки корпуса плавно суживаются ко дну. Шейка горшков этого вида иногда украшалась орнаментом в виде рельефных вертикальных линий, сочетающихся через определенный промежуток с крестообразным знаком, выполненным зубчатым деревянным колесиком. Плечики украшались каннелюрами.

Вид 3 — горшок усеченно-конической формы, отличающийся от предыдущих видов более резким соотношением размеров венчика и дна: диаметр

Рис. 46. Горшок

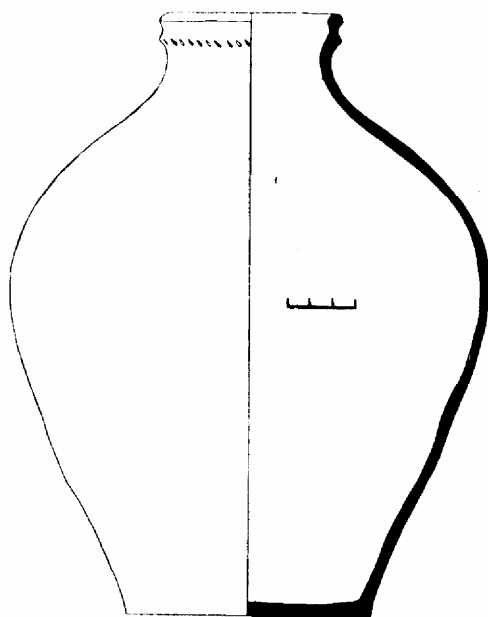
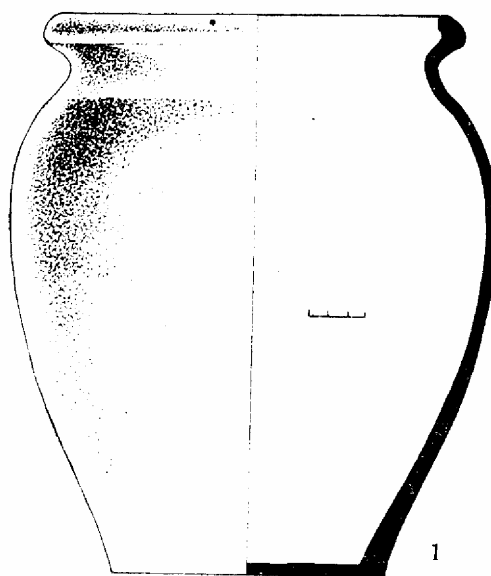
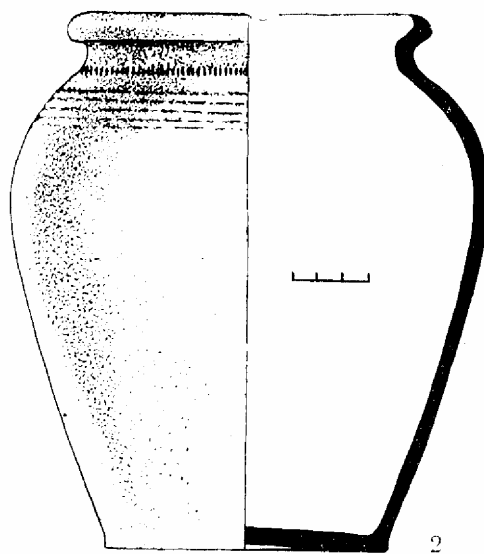

Рис. 47. Горшки

венчика в два раза больше диаметра дна. Венчик высокий, отогнут наружу и закруглен по внешнему краю, на внутренней стороне его имеется неглубокий паз под крышку. Шейка высокая, четко прослеживается и плавно переходит в выпуклые плечики. Стенки корпуса, резко сужаясь, переходят в дно. Горшки ornamentированы крупными каннелюрами, покрывающими верхнюю часть сосудов.

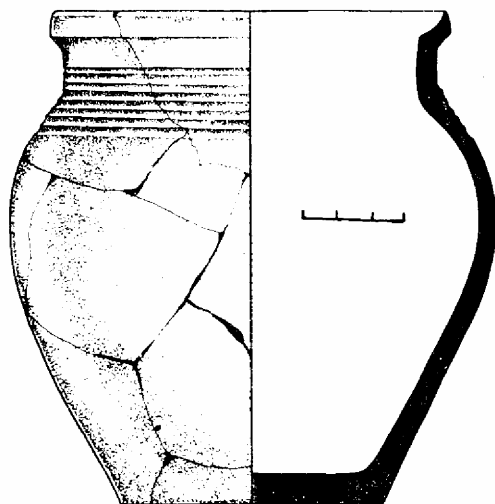
Вид 4 (рис. 48) — горшок усеченно-конической формы с наибольшим диаметром, приходящимся на верхнюю треть сосуда. Венчик короткий, четко профилирован и слегка отогнут наружу. Верхний край утончен, с наружной стороны вертикально срезан, а изнутри снабжен четко выраженным пазом под крышку. Шейка высокая, резко отделена от выпуклых, плавно закругленных плечиков, ornamentированных мелким рифлением. Сосуды этого вида достигают в высоту 15 см, наибольший диаметр равен высоте горшков.

Вид 5 (рис. 49) — горшок усеченно-биконической формы с наибольшим диаметром в середине корпуса. Венчик прямой, невысокий, слегка отогнут наружу. Верхний край утончен и плавно закруглен, наружная

Рис. 48. Горшок

сторона косо срезана, на внутренней стороне — неглубокий паз под крышку. Шейка четко выражена и плавно переходит в покатые плечики, верхняя часть которых покрыта мелким рифлением. Наибольший диаметр сосудов превышает высоту.

Вид 6 (рис. 50) — горшок, отличительной чертой которого является наличие ручки. Корпус усеченно-конической формы, наибольший диаметр приходится на среднюю часть. Венчик прямой, высокий, слегка от-

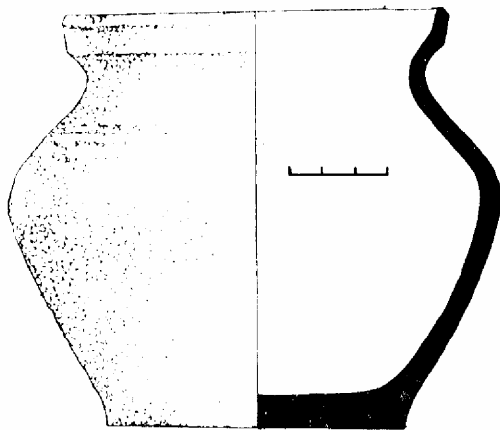

Рис. 49. Горшок

клонен наружу, верхний край горизонтально срезан. Шейка выражена слабо, плечики покатые.

Горшок снабжен небольшой восьмеркообразной в сечении ручкой, верхний корень которой крепился в середине венчика, а нижний — в месте наибольшего диаметра. Сосуд украшен очень бедно. Орнамент в ступом, по плечикам нанесены каннелюры.

Тип 2 — *кувшины*. Они представлены незначительным количеством фрагментов (10): обломками венчиков, стенок, днищ и ручек. Отсутствие целых сосудов не позволяет говорить о форме корпуса, однако делает возможным краткую характеристику кувшинов.

Венчики их невысокие, прямые, со сливом, диаметром от 8 до 14 см, представляют три варианта. Вариант 1 — кувшин с невысоким прямым венчиком, край которого плавно закруглен. При переходе венчика в шейку моделирован небольшой выступ. Снаружи венчик украшен двумя врезными концентрическими линиями. Диаметр его достигает 8 см. Вариант 2 — кувшин с коротким прямым венчиком, верхний край которого горизонтально срезан. Выступ, моделированный в нижней части, украшен рядом плотно нанесенных косых насечек, шейка — рифлением. Диаметр венчика 14 см. Вариант 3 — кувшин с высоким прямым венчиком, верхний край которого горизонтально срезан. Выступ в нижней части едва выделен.

Стенки кувшинов подгруппы II украшен по шейке небольшим выводе углубленных концентрических линий нанесен главным образом по плечикам.

Ручки, овальные в сечении, по оформлению внешней поверхности различаются тем, что одни имеют с наружной стороны два ребристых выступа, другие украшены тремя

ребристыми выступами. Ручки аналогичны ручкам кувшинов подгруппы I по способу оформления (двух- и трехребристые), они так же крепятся верхним корнем у края венчика, а нижним — в месте наибольшего диаметра, т. е. на плечиках.

Днища кувшинов носят следы среза. Одно из них в нижней части украшено пальцевыми зацепками, а затем штампованным орнаментом в виде тонких горизонтальных линий.

Тип 3 — *маркотцы*. Это сосуды цилиндрической формы, несколько суживающиеся книзу и заканчивающиеся плоским широким дном. Устье большого диаметра (13—28 см), венчик короткий, сильно отогнут наружу. Высота сосудов достигает 12,5 см.

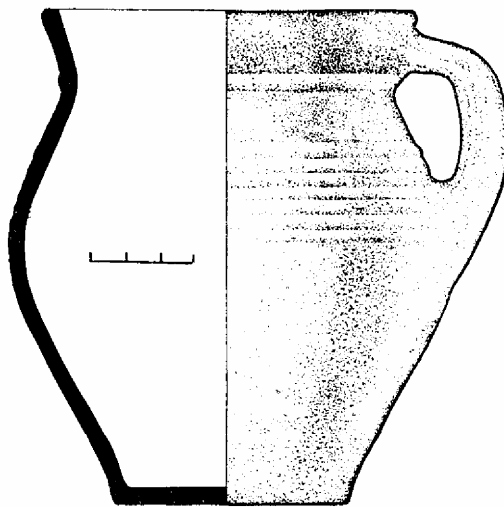
По форме верхней части маркотцы представлены двумя вариантами. Вариант 1 — маркотец с широким, косо срезанным венчиком, внешний край срезан вертикально. Вариант 2 — маркотец с широким, косо срезанным венчиком, имеющим изнутри неглубокий паз под крышку. Внешний край венчика плавно закруглен.

Тип 4 — *крышки*. Они представлены одним видом (рис. 51). Это изделия конической формы, завершающиеся небольшой круглой ручкой. Нижняя часть оформлена в виде венчика, имеющего изнутри неглубокий паз. Диаметр крышек 15,5 см, высота не превышает 8,5—9 см. По форме они аналогичны крышкам подгруппы I, вида 1.

Тип 5 — *печные изразцы*. Масса, из которой изготавливались изразцы, содержит значительные примеси мелкозернистого песка. Подобный состав придавал изделиям прочность, уменьшал усадку при сушке и повышал жароустойчивость³³. Обжиг их сквозной, равномерный, горновой. На днищах прослежены следы среза ниткой.

Как уже отмечалось выше, археологические исследования Старого Орхей дали значительный и интересный

Рис. 50. Горшок

материал, позволивший выделить основные виды печных изразцов, а также реконструировать внешний вид и внутреннее устройство изразцовых печей³⁴. По классификации, разработанной Г. Д. Смирновым, все изразцы, найденные в заполнении гончарной мастерской, делятся по своим конструктивным особенностям на два типа (пустотелые и пустотелые с лицевыми пластинами), а в зависимости от формы корпуса на варианты: квадратные, кубические, прямоугольные и горшковидные³⁵.

Кроме гончарной мастерской, открытой на городище Старый Орхей в 1953—1955 гг., печные изразцы были найдены также в жилище 4 и составляли основную часть керамического

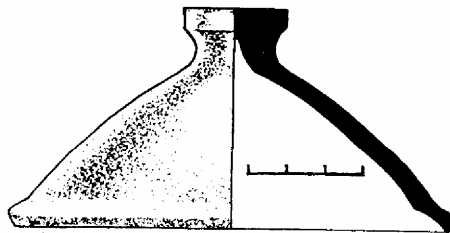
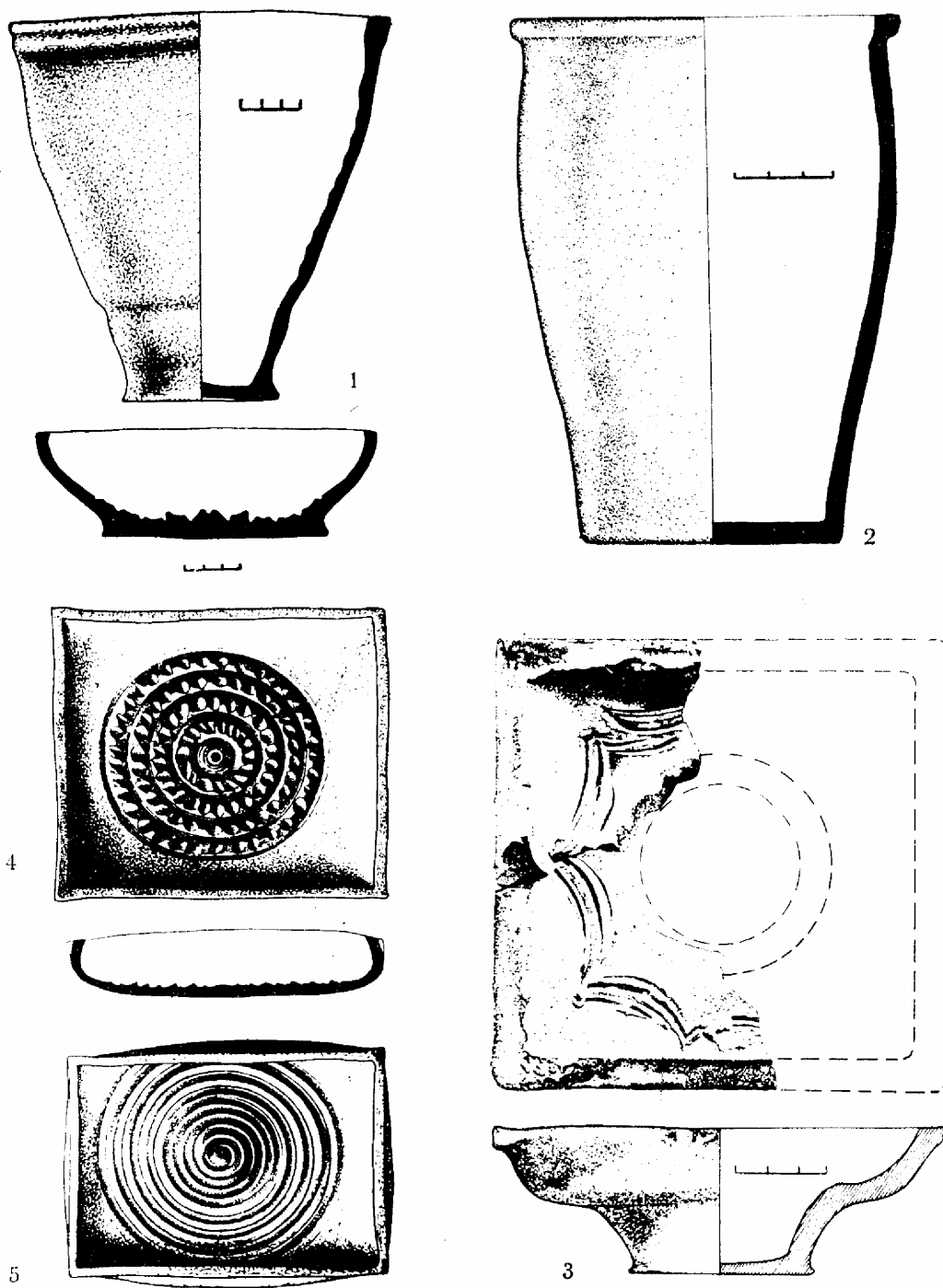

Рис. 51. Крышка

Рис. 52. Печные изразцы без лицевых пластин

завала, выявленного к северу от «караван-сарая» 1, между печами для обжига извести 1 и 2.

Учитывая находящиеся в нашем распоряжении печные изразцы и принимая во внимание классификацию, разработанную Г. Д. Смирновым, в основу нашей классификации данного типа керамических изделий кладем деление на подтипы по оформлению их верхней части и на виды по форме корпуса.

Подтип 1 — полые изразцы без лицевых пластин. Они представлены шестью видами.

Вид 1 (рис. 52/1) — изразец усеченно-конической формы с прямым невыделенным венчиком, верхний край которого утолщен и горизонтально срезан. Для изготовления венчика лицевой части изразца заготовка расщепалась по углам, а остаток глины заворачивался вовнутрь в виде бортика, который затем выравнивался и заглаживался³⁶. Высота изразцов 19—20 см. Аналогичные изделия известны в Старом Месте (Варшава)³⁷.

Вид 2 (рис. 52/2) — изразец цилиндрической формы, корпус ко дну слегка суживается. Венчик утолщен, оттянут наружу, по верхнему краю горизонтально срезан. Высота изразцов от 16,8 до 19 см.

Вид 3 — квадратный изразец, в сечении трапецевидной формы, дно оформлено рельефным орнаментом: concentрические окружности, сегментовидные фигуры и др.³⁸

Вид 4 (рис. 52/3) — фигурные, тарелкообразные изразцы с высоким цилиндрическим дном. В плане они овальной формы, по дну украшались разнообразным орнаментом в виде четырех-, шести-, восьмиконечной розетки, окаймленной двумя-тремя волнообразными линиями³⁹.

Вид 5 (рис. 52/4) — изразец полусферической формы с четко выделенным плоским дном, украшенным

изнутри четырьмя concentрическими окружностями, нанесенными в сочетании с рельефным зерненным орнаментом. В плане он квадратной формы.

Вид 6 (рис. 52/5) — изразец в плане прямоугольной формы, в сечении вытянутой овальной. Дно украшено изнутри рельефным рисунком в виде concentрических окружностей.

Подтип 2 — изразцы, состоящие из двух частей: полого корпуса и лицевой пластины. По форме корпуса они представлены несколькими видами.

Вид 1 (рис. 53) — изразец усеченно-конической формы. Лицевая пластина орнаментирована шестилепестковым цветком, вписанным в розетку, которая в свою очередь ограничена окружностью. Лепестки цвет-

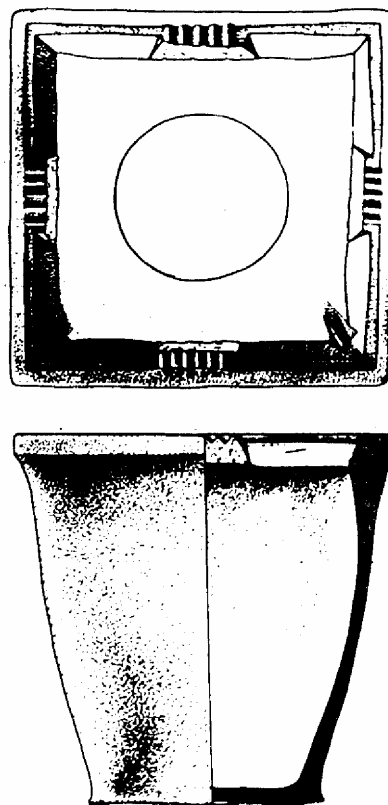

Рис. 53. Печной изразец с лицевой пластиной

ка разделены сквозными прорезями в виде треугольников. Остальная часть пластины украшена рельефным крестообразным узором⁴⁰. Изразцы такой формы с лицевыми пластинами известны по раскопкам Старого Места⁴¹.

Вид 2 — изразцы прямоугольной формы с лицевой пластиной. Они изготовлялись в виде цилиндрической трубы, которая после формовки разрезалась на две равные части. Изразцам придавалась прямоугольная форма, а лицевая часть орнаментировалась посредством оттиска с матрицы. Основным орнаментальным мотивом, применяемым при украшении пластины, являлась прорезная арка, возле которой вверху и внизу располагались перекрестия⁴². Изразцы аналогичной формы известны среди керамического материала, полученного при исследовании Старого Места⁴³.

Тип 6 — *сковороды*. В слое и некоторых сооружениях Орхея найдено небольшое количество обломков ручек и ножек глиняных сковород. Ножки длиной около 6 см имеют форму утончающегося к концу стержня, слегка изогнуты и по краю косо срезаны. Ручки внутри полые, длиной 5,5 см.

По описаниям Е. Бусуйок, сковороды из Сучавы были снабжены тремя ножками и ручкой и датируются XV в.⁴⁴ Известны они также несколько раньше, в XIV в. в Старом Месте

и на чешских изображениях XIV в.⁴⁵

Судя по незначительному числу находок, этот тип посуды в Молдавском княжестве не был распространен.

Таким образом, по технологии изготовления весь керамический материал делится на три группы. Необходимо отметить, что керамика первых двух групп найдена к западу от Прута на памятниках Лунка—Дорохой, Ротопэнешть, Пятра Нямец—Дэрмэнешть, Шкея, Сучава и других и датируется XIV — началом XV в.⁴⁶

В Орхее керамика всех трех групп встречается вместе в закрытых комплексах, часть которых датирована монетами. Следовательно, все три группы керамики являются синхронными, поэтому нет никаких оснований выделять этапы, на которых керамика групп I и II сначала существует самостоятельно, а затем совместно с керамикой группы III. Возможно, это и было свойственно керамике запрутских памятников. В Орхее же молдавских комплексов XIV в. нет, а в комплексах XV в. все эти группы керамики существуют вместе.

Чем же объяснить то, что найденная здесь керамика не едина по качеству и обжигу, тем более, что уже существовало высокоразвитое гончарное производство, о чем свидетельствуют присутствие и преобладание керамики группы III? Объяснить это хронологическими причинами не представляется возможным.

Видимо, различия групп керамики являются следствием экономических факторов, вызваны назначением ее сбыта. Керамика изготовлялась для собственных нужд и на заказ и сбывалась в основном внутри населенного пункта, в котором она изготовлялась, или для рынка, причем продукция могла попадать на значительные расстояния от центра ее изготовления⁴⁷.

Для первого случая предназначалась керамика групп I и II, а для второго — керамика группы III, имевшая более высокое качество и разнообразные формы.

3. ИЗ ИСТОРИИ МОНЕТНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СТАРОМ ОРХЕЕ (XV—XVII вв.)

Среди обнаруженных в Старом Орхее материальных находок определенный интерес представляют монеты. Часть этих находок введена в научный оборот, о других впервые сообщается в настоящей работе. Несмотря на случайный характер находок, в совокупности они отражают объективную картину монетного обращения и товарно-денежных отношений в Старом Орхее в различные периоды его истории.

Монеты не только помогают датировать археологические комплексы, в которых они обнаружены; в сочетании с письменными и другими видами источников они способствуют освещению некоторых недостаточно изученных вопросов истории городища. Вместе с тем монеты, найденные на этом замечательном археологическом памятнике Молдавии, дополняют общую картину денежного обращения в Днестровско-Прутском регионе.

В работе «Древности Старого Орхее (Золотоордынский период)»¹ рассмотрено монетное обращение в «Новом городе» в XIV в. В настоящей работе предпринимается попытка проследить основные вехи денежного обращения в молдавский период.

Не останавливаясь специально на рассмотрении истории исследований и историографическом обзоре литературы, необходимо отметить, что существенный вклад в изучение монетных находок и связанных с ними вопросов истории денежного обращения в Старом Орхее, равно как и в средневековой Молдавии, внес Л. Л. Полевой².

За годы археологических исследований в Старом Орхее обнаружено 348 экземпляров монет молдавского периода (XV—XVII вв.). Ниже при-

водится краткий перечень находок, сведения о которых изложены по эмитентам в хронологическом порядке.

Чехия (5)³. Иоанн I Люксембургский' (1310—1346): грош.

Вацлав IV (1378—1419): грош (4).

Галицкая (Червонная) Русь (2). Казимир III (1333—1370): денарий (2).

Молдавия (121). Александр I (1400—1432): двойной грош, серебро 1409/1415 (3), 1415/1430 (2), 1431, биллон 1415/1430; медь 1415/1430 (2); грош, медь 1400/1408 (2), 1415/1430 (4), серебро 1409/1415 (2); полугрош, медь 1400/1408 (8), 1415/1430 (23), 1431 (7), серебро 1409/1415 (4), 1415/1430 (8), 1431 (2).

Ильяш I (1432—1433): двойной грош, серебро 1432; грош, медь 1434/1435 (2), серебро 1435/1436; полугрош, медь 1436/1442.

Стефан II (1433—1435, 1443—1447): двойной грош, серебро 1433/1435.

Ильяш I и Стефан II (1435—1442): двойной грош, медь 1435/1436 (2).

Александр II (1449, 1452—1454, 1455): полугрош, медь.

Стефан III (1457—1504): грош, серебро 1457/1476 (2), 1480/1504 (7);

полугрош, серебро 1457/1476 (2), 1480/1504.

Богдан III (1504—1517): грош, серебро.

Стефан IV (1517—1527): грош, медь.

Александр IV (1552—1561): денарий, серебро 1558.

Иоанн Гераклид (1561—1563): денарий, серебро 1563.

Стефан VII (1563—1564): денарий, серебро 1563.

Неопределенный эмитент XV в.: фрагменты (16).

Венгрия (82). Матиаш Хуньяди (1458—1490): денарий (6).

Владислав II (1490—1516): денарий б. г. (3), 1504 (2), стерт (2).

Людовик II (1516—1526): денарий 1521.

Фердинанд II (1526—1564): денарий 1527, 1528, 1536, 1542, 1543, 1550, 1551 (2), 1552 (3), 1556, 1559, 1563 (3), 1564, стерт (8).

Максимилиан II (1564—1576): денарий 1567, 1571 (2), 1573, 1575 (3), 1576 (2), 1577, стерт (2).

Рудольф II (1576—1608): денарий 1594, 1602, 1605, 1607, стерт (6).

Матиаш II (1608—1618): денарий 1609 (3).

Фердинанд II (1618—1637): денарий 1630 (2), стерт (14).

Леопольд I (1657—1705): денарий 1703 (2).

Польша (21). Владислав II Ягелло (1386—1434): полугрош (4); денарий.

Казимир IV (1447—1492): полугрош (2).

Ян Ольбрахт (1492—1501): полугрош (4).

Александр I (1501—1506): полугрош (3).

Сигизмунд I (1506—1548): полугрош 1508 (3), б. г. (2).

Сигизмунд II (1548—1572): грош 1547; полугрош 1566.

Великое княжество Литовское (9). Александр I (1492—1506): полугрош.

Сигизмунд I (1506—1548): полугрош 1512, 1521.

Сигизмунд II (1548—1572): полугрош 1549, 1550, 1556, 1558, 1564, 1566.

Речь Посполитая (49). Стефан Баторий (1576—1586): трояк 1586 (2).

Сигизмунд III (1586—1632): шеленг 1587, 1588, 1600 (2), 1613, 1616, 1621, 1622, 1623, 1624 (4), 1625 (3), 1627 (2), б. г. (3), стерт (9); грош 1604, 1626; трояк 1596, 1597 (2), 1599 (3), 159...; орт 1617.

Иоанн II Казимир (1649—1668): солид («боратинка») 1661, 1663, 1666, стерт (4).

Османская империя (34). Мухамед II Фатих (1451—1481): акче 857 г. х.⁴ (3).

Баязид II (1481—1512): акче 886 г. х. (6).

Селим I Явуз (1512—1520): акче 918 г. х. (7).

Сулейман II Кануни (1520—1566): акче 926 г. х. (8), стерт (3).

Сулейман III (1687—1691): акче 1099 г. х. (2).

Неопределенный эмитент XVII в.: акче стерт (3).

Ахмед III (1703—1730): ирмилик 1115 г. х.

Махмуд I (1730—1754): куруш 1143 г. х.

Крымское ханство (3). Хаджи-Гирей (1440—1466): аспр.

Неопределенный эмитент XV в.: аспр (2).

Венеция (1). Микеле Стено (1400—1414): дукат б. г. (генуэзская имитация).

Пруссия (3). Георг Вильгельм (1616—1640): шиллинг 1627, 1633.

Фридрих Вильгельм (1640—1657): шиллинг стерт.

Швеция (Прибалтийские владения) (17). Густав II Адольф (1611—1632): солид 1629, 1630 (2), 1631 (3), б. г. (4), стерт (5); сучавские подражания 1633 (2).

Кристина (1632—1654): солид стерт (2); сучавские подражания (4).

Карл X Густав (1654—1660): солид стерт (2).

Карл XI (1660—1697): солид 1669; дрейпелкер 1669 (2); сучавские подражания (3).

Германская (Священная Римская) империя (1). *Бриксен (епископство)*. Карл Австрийский (1613—1624): тройной грош 1615.

Таким образом, в фонде монетных находок из Старого Орхея, относящихся к молдавскому периоду его истории, 121 экземпляр (34,77%) составляют молдавские и 227 экземпляров (65,23%) — иноземные монеты. Это вполне представительное собрание отражает состав, динамику и хронологический диапазон монет, имевших хождение в Старом Орхее в указанное время.

Наиболее ранней монетой является пражский грош Иоанна I (1310—1346), наиболее поздней — куруш Махмуда I (1730—1754). Однако эмиссионные периоды этих двух экземпляров отнюдь не могут служить критериями для определения времени зарождения и окончательного угасания монетного обращения в Старом Орхее в молдавский период его истории по причинам, о которых речь пойдет ниже.

Для выяснения общей картины денежного обращения в Старом Орхее каждая группа монетных находок рассматривается отдельно.

Монеты Чехии. Вопросы, связанные с обращением чешских монет на территории СССР, подробно рассмотрены в трудах А. А. Сиверса⁵, Н. А. Соболевой⁶, В. Н. Рябцевича⁷ и Н. Ф. Котляра⁸. Их исследования имеют первостепенное значение в изучении находок таких монет на территории Молдавии. Последние нашли отражение в работах Л. Л. Полевого⁹ и автора этого раздела¹⁰. А. А. Сиверс считал, что пражские гроши поступали в русские, украинские и белорусские земли по северо-западным торговым путям, через Литву, и что основная масса кладов, содержащих чешскую моне-

ту, была зарыта в конце XIV и начале XV в.¹¹

Н. А. Соболева полагает, что приток пражских грошей в русские земли осуществлялся по каналам международной торговли, по разным путям и их ответвлениям, и что в поступлении чешской монеты наблюдаются три периода: к первому относятся клады, содержащие экземпляры, выпущенные до Вацлава IV; ко второму — клады, состоящие преимущественно из монет Вацлава IV; к третьему — клады, в которых пражские гроши составляют незначительную «примесь» к монетам XVI—XVII вв. Основная масса находок чешских монет приходится на второй период¹².

В. Н. Рябцевич склонен считать, что пражские гроши проникали на земли Литвы и Белоруссии двумя путями: юго-западным (через юго-восточную Польшу и Галицкую Русь — Львовщину) и юго-восточным (через Черниговщину), причем основной монетный поток шел по последнему. Отметив, что наиболее раннее письменное упоминание о хождении пражских грошей в Литве датировано 1337 г., В. Н. Рябцевич указывает, что основная масса этих монет поступила на территорию Белоруссии и Литвы в период между 1378 и 1419 гг.¹³

Н. Ф. Котляр, разделяя мнение В. Н. Рябцевича о том, что массовый приток чешской монеты в русские, украинские и белорусские земли приходится на время правления Вацлава IV, считает, что ни Н. А. Соболева, ни В. Н. Рябцевич не соотнесли в достаточной мере хронологию поступления пражских грошей в указанные земли с вопросом о путях их проникновения и распространения. По убеждению Н. Ф. Котляра, только с установлением подобной связи можно уверенно решить вопрос об основном направлении чешской монеты. По его подсчетам, каждый второй из украинских кладов XIV—XV вв. содержит

пражские гроши, причем, как и на русских и белорусских землях, в них преобладают монеты Вацлава IV. Анализ монетных находок привел Н. Ф. Котляра к мысли о том, что пражские гроши появились сначала на землях Галицкой Руси и Волыни, откуда распространились впоследствии и на соседние территории. Признавая, что проникновение чешской монеты не могло идти только через Львов и Луцк, Н. Ф. Котляр склонен тем не менее полагать, что именно через эти пункты попадало на украинские рынки абсолютное большинство пражских грошей¹⁴.

Пражские гроши на территории Молдавского княжества зафиксированы как в числе единичных находок, так и в составе пяти кладов — Сиретского, Сорокского, Кугурештского, Строенцкого и Кырпицкого¹⁵. Из пяти указанных кладов три обнаружены на территории Днестровско-Прутского междуречья, причем все они локализируются в северной части этого региона. Аналогичная картина наблюдается также и при картировании единичных находок, ареал которых не заходит южнее Костешт (Кутузовский район).

Основываясь на принятой Н. А. Соболевой, В. Н. Рябцевичем и Н. Ф. Котляром периодизации обращения чешских монет, можно разделить группу молдавских кладов с пражскими грошами на две хронологические подгруппы: к первой относится Сиретский клад, содержащий монеты Вацлава II (1278—1305), Иоанна I (1310—1346) и Карла I (1346—1378), ко второй — остальные четыре клада, в которых имеются монеты Вацлава IV (1378—1419).

При решении вопроса о времени начала проникновения чешской монеты на территорию Молдавского княжества следует учесть, что здесь пока неизвестны клады монет, зарытые в течение первых трех четвертей XIV в. Наиболее ранний монетный

клад — Сиретский — не может быть датирован временем до середины 70-х гг. XIV в. Таким образом, современное состояние нумизматических источников не позволяет сделать вывод о значительно более раннем проникновении чешской монеты в земли, лежащие к востоку от Карпатской дуги. Пока нет оснований отнести начало притока пражских грошей на территорию Молдавского государства к первой половине XIV в. (как, например, в Галицкой Руси или Трансильвании). При решении вопроса о времени начала проникновения пражских грошей в Старый Орхей следует учесть, что на территории Днестровско-Прутского междуречья вообще неизвестны монетные клады XIV в., зарытые позднее Лозовского клада джучидских монет.

В отечественной исторической литературе высказывались мнения о том, что земли к востоку от Прута были освоены Молдавским княжеством лишь в конце XIV в.¹⁶ Одним из аргументов в пользу этой точки зрения является отсутствие находок молдавских монет XIV в. в Днестровско-Прутском междуречье, в то время как на территории к западу от Прута такие находки широко распространены. Наличие в составе староорхейского монетного собрания единственного экземпляра гроша Иоанна I не может служить критерием для признания XIV в. временем его проникновения в Старый Орхей.

Присутствие монет Вацлава II, Иоанна I и Карла I в составе кладов второго периода обращения пражских грошей¹⁷ не позволяет отнести проникновение чешской монеты в денежное обращение Старого Орхей (как и остальной территории Днестровско-Прутского междуречья) ко времени ранее начала XV в. Во всяком случае, современное состояние нумизматических источников Днестровско-Прутского региона не дает оснований ве-

сти речь о процессе денежного обращения в последней трети XIV в. в полном смысле этого слова.

Что же касается угасания хождения пражских грошей в Старом Орхее, то, судя по наиболее позднему молдавскому кладу, содержащему чешские монеты (Кырпицкому), его можно отнести к началу 70-х гг. XV в. В составе кладов, найденных на территории Днестровско-Прутского междуречья, — Сорокского, Кугурештского и Строенцкого — верхняя хронологическая граница обращения пражских грошей не выходит за пределы первой половины XV в.

Картирование находок чешской монеты в Карпато-Днестровском регионе очерчивает ее ареал в северо-восточной части Молдавского княжества. В Днестровско-Прутском же междуречье южная граница ареала пражских грошей не заходит дальше Костешт.

Топография находок чешских монет на территории Молдавии со всей очевидностью указывает на то, что главным источником их поступления были, несомненно, соседние земли Галицкой Руси. Одним из аргументов, свидетельствующих в пользу этого мнения, являются находки червоннорусских монет, сопровождавших обычно пражские гроши, в составе Сиретского и Кугурештского кладов. Основным каналом притока этих монет служил Молдавский торговый шлях с его ответвлениями. Привилеи львовским негоциантам подтверждают экономические связи между Молдавией и землями Юго-Западной Руси.

Чеканка пражских грошей временно прекратилась в 1423—1424 гг. На территории Днестровско-Прутского междуречья нет находок чешских монет, которые были бы выпущены позднее указанной даты. Это обстоятельство отнюдь не исключает того, что какая-то часть запасов чешской монеты, находившихся в обращении,

продолжала циркулировать и в последующее время.

Малочисленность находок пражских грошей в Старом Орхее (5,88%) указывает на то, что чешская монета в денежном обращении городища занимала довольно скромное место.

Монеты Галицкой (Червонной) Руси. В изучение червоннорусских монет большой вклад внес Н. Ф. Котляр¹⁸. Его исследования имеют важное значение для изучения находок таких монет на территории Молдавии.

Галицкие, или червоннорусские, монеты выпускались во Львове со второй половины XIV в. (не ранее 1351 г.) до середины второго десятилетия XV в. (не позднее 1414 г.). Наряду с серебряными русскими и львовскими полугрошами чеканились и медные денарии (1351—1382). Если метрология серебряных червоннорусских монет детально изучена, то дать исчерпывающую характеристику медных галицких денариев затруднительно.

По данным Н. Ф. Котляра, вес денария колеблется от 0,395 до 1,475 г, диаметр — от 14 до 17 мм¹⁹. Соотношение денария и полугроша неизвестно. По предположению Н. Ф. Котляра, основанному на соотношении аналогичных номиналов польских монет, один русский полугрош приравнивался вначале к шести, а впоследствии — к восьми медным червоннорусским денариям.

Галицкие полугроши были типичными региональными монетами, обслуживавшими денежный рынок Червонной Руси, в отличие от львовских денариев — типично «городских», с условным номинальным достоинством. Благодаря широким международным торговым связям Галицкой Руси они распространились на Волыни, Подолье, Киевщине, в Польше и Молдавии. Находки таких монет зарегистрированы в составе Сиретского и Кугурештского кладов.

Почти половину всех монетных находок Галицкой Руси составляют мед-

ные червоннорусские денарии²⁰. Однако, как отмечает Н. Ф. Котляр, эти монеты встречаются только в городах, главным образом в самом Львове, а также в Галиче — столице Галицкой Руси. Находки медных монет за пределами этих городов неизвестны, сельскому населению они совершенно неизвестны. Относительно галицких денариев Н. Ф. Котляр отмечает, что «городская медная монета — явление необычное для Европы XIV в.»²¹. В Польше не знали монетной меди до XVII в., а в германских землях — до начала XVIII в. Медные монеты, появившись как «внутригородские», а не «государственные» деньги, свидетельствуют об интенсивном развитии внутригородской торговли, при которой обычные платежные средства уже не были в состоянии обеспечить ее нужды. Отсутствие находок медных червоннорусских денариев за пределами городов Галицкой Руси Н. Ф. Котляр объясняет самым назначением эмиссий: это были мелкие разменные монеты, необходимые в повседневной городской жизни торговцам и ремесленникам.

Находка медных львовских денариев в Старом Орхее представляет весьма примечательной: это единственный случай находки подобных монет за пределами городов Галицкой Руси. На территории Карпато-Днестровских земель обнаружены только серебряные червоннорусские полугроши, ареал и хронологический диапазон которых в основном аналогичны ареалу и времени обращения чешских монет. Если на территории между Карпатами и Прутом фактическое присутствие галицкого монетного серебра на молдавском денежном рынке относится ко времени не позднее середины 70-х гг. XIV в. (что подтверждается составом Сиретского клада — наиболее раннего молдавского клада XIV в.), то в Днестровско-Прутском междуречье, где не прослеживаются

признаки денежного обращения в последней трети XIV в., присутствие червоннорусских монет относится к 20—30-м гг. XV в. (засвидетельствовано Кугурештским кладом).

Таким образом, поступление галицких монет на территорию к востоку от Прута, освоенную экономически Молдавским княжеством, вероятно, лишь к началу XV в., не может быть отнесено к более раннему периоду.

В этой связи не исключено, что проникновение червоннорусских денариев в Старый Орхей относится к указанному Кугурештским кладом времени. Если подобная гипотеза верна, то не позднее начала второй трети XV в. Старый Орхей должен был представлять собой торгово-ремесленный городской центр региона. Дальнейшие исследования городища и новые археологические находки позволят выяснить окончательно вопрос о времени появления молдавского города Старый Орхей.

Монеты Молдавского феодального государства. Староорхейское собрание молдавских монет, составляющее около 35% всех монетных находок на городище, относится к периоду, охватывавшему время от начала XV в. до конца 70-х гг. XVII в. Существенный вклад в изучение этих монет внесли исследования Л. Л. Полевого²². Молдавские монеты представляют большой интерес, поэтому мы рассмотрим их подробнее.

Как известно, Молдавское феодальное государство возникло в 1359 г. Вероятно, к этому времени следовало бы отнести появление первых молдавских монет²³. Однако среди исследователей нет единого мнения о времени начала их чеканки. Одни полагают, что первые молдавские монеты появились во времена правления господаря Богдана I (1359—1365), несмотря на то, что подобные монеты до сих пор не удалось идентифицировать; другие

относят первые молдавские монеты к периоду правления господаря Петра I Мушата (1373—1392), признавая условно, что не позднее 1377 г. молдавские монеты, несомненно, уже участвовали во внутреннем денежном обращении Молдавского княжества. Подавляющее большинство исследователей придерживается последней точки зрения.

Общепризнано, что в последней четверти XIV в. в Молдавии выпускался лишь один монетный номинал — грош. Чеканился он в периоды правлений Петра I Мушата и Стефана I (1394—1399). Эти монеты встречаются во многих местах на территории, расположенной между Карпатами и Прутом (Мэрмурень, Скинень, Корлэтең, Брэешть, Байя, Сучава, Роман, Худум и др.). В Днестровско-Прутском же междуречье (за исключением малодостоверного случая находки в Белгороде-Днестровском) монеты XIV в. пока неизвестны. Статистический анализ кладов и единичных находок на территории Запрутской Молдавии показывает, что подавляющее большинство молдавских монет XIV в. состоит из эмиссий Петра I Мушата. Вместе с ограниченным числом монет Стефана I они составляют в кладах XIV в. замкнутую хронологическую группу, не встречающуюся в составе кладов XV в. Отмеченное обстоятельство позволяет предположить, что хождение этих монет прекратилось в начале XV в.

Самыми ранними молдавскими монетами, обнаруженными в Старом Орхее, являются монеты Александра I (1400—1432). Они составляют больше половины (около 57%) молдавских монет, найденных на территории городища. В период правления Александра I в Молдавии выпускались монеты трех достоинств: так называемый двойной молдавский грош (вес от 1,2 до 1,6 г, диаметр от 20 до 23 мм), грош (средний вес 0,92 г, диаметр 18—20 мм) и полугрош (вес от 0,3 до

0,6 г, диаметр 14—16 мм). Следует отметить, что, хотя в Молдавском княжестве была принята серебряная монометаллическая денежная система (основы которой заложили эмиссии Петра I Мушата), все три номинала чеканились как из серебра, так и из биллона и бронзы. В румынской литературе упоминаются также экземпляры, изготовленные из посеребренной латуни²⁴.

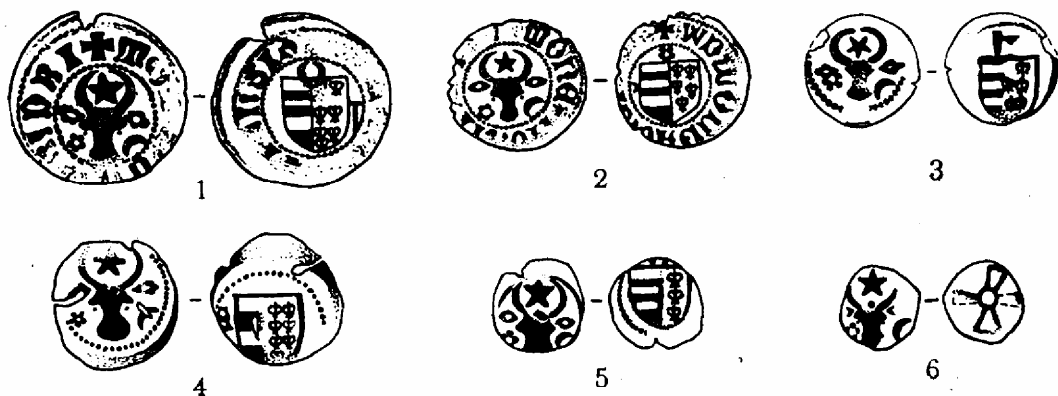
Параллельные выпуски одноименных номиналов из различного металла не могли не повлиять на реальную стоимость соответствующих эмиссий. Монеты из добротного серебра выпадали из сферы обращения, циркулировали менее полноценные экземпляры. По-видимому, эмиссии первых должны были предшествовать выпускам последних. В исторической литературе подобная практика параллельных эмиссий полноценных и неполноценных номиналов объясняется не только преднамеренной, но и вынужденной порчей монеты²⁵. Тем не менее следует иметь в виду, что монетная регалия являлась весьма прибыльной статьей и ее нужно рассматривать как источник дополнительных доходов эмитента, широко практиковавшийся во всех государствах.

Основываясь на ряде признаков оформления монет (геральдических, эпиграфических и стилистических), О. Илиеску подразделил монетные эмиссии Александра I на шесть серий²⁶. Условная схема классификации молдавских монет, разработанная им, послужила основой для распределения староорхейского собрания нумизматических находок.

К первой эмиссионной серии монет Александра I отнесены двойные гроши, гроши и полугроши, на лицевой стороне которых изображена голова тура с лилией в пасти, между рогами — пятилучевая звезда, справа — розетка, слева — полумесяц; на оборотной стороне помещен рассеченный щит, на первом поле которого — три

Рис. 54. Александр I (1400—1432):

1 — двойной грош (1415—1430); 2 — грош (1409—1415); 3—6 — полугроши

геральдические балки, на втором — две лилии; обычно над щитом и по его сторонам помещено также по одной лилии. По данным О. Илиеску, монеты достоинством в двойной грош и полугрош изготовлены только из серебра, в то время как экземпляры номиналом в грош чеканились также и из низкопробных сплавов, содержащих значительную примесь меди. Выпуск первой эмиссионной серии отнесен им к периоду между 1400 и 1408 гг.

Вторая серия состоит только из одного номинала — двойных грошей, выпуск которых О. Илиеску датирует 1408 г. Эта серия отличается от предшествующей тем, что на лицевой стороне монет тура изображен без лилии в пасти, а на реверсе на втором поле рассеченного щита — семь цветков, причем над геральдическим щитом помещено небольшое профильное изображение шлема, ориентированного вправо.

Третью серию составляют три номинала. На оборотной стороне монет вместо шлема над щитом помещена розетка. В то время как на реверсе монет достоинством в двойной грош и грош на втором поле рассеченного щита изображено по семь лилий, на

экземплярах номиналом в полугрош насчитывается только пять цветков. Выпуск третьей эмиссионной серии отнесен О. Илиеску к периоду между 1409 и 1415 гг.

Четвертая серия состоит также из трех номиналов и отличается от предшествующей тем, что на оборотной стороне вместо розетки над щитом помещено миниатюрное изображение головы тура, а на втором поле рассеченного щита насчитывается только пять лилий. Монеты изготовлены как из серебра, так и из низкопробных сплавов и бронзы. По количеству находок эта серия является наиболее многочисленной.

Среди вариантов и разновидностей монет четвертой эмиссионной серии встречаются экземпляры с изображением ключа, буквы или монограммы на оборотной стороне. Выпуск их отнесен предположительно к периоду между 1415 и 1430 гг.

Пятая серия состоит тоже из трех номиналов. Отличительным признаком этих монет является наличие над щитом на реверсе буквы (вместо изображения головы тура). По данным О. Илиеску, на монетах достоинством в двойной грош помещена буква К, на грошах — I, а на экземплярах номи-

налом в полугрош — *Н* и *Г*. На некоторых полугрошах буквы над щитом отсутствуют, но справа или слева от него помещена литера *А*, которая, возможно, является инициалом эмитента. Монеты пятой серии чеканены из серебра и бронзы, датируются 1430 г.

Шестую серию составляют три номинала. Лицевая сторона монет аналогична аверсам экземпляров второй, третьей, четвертой и пятой эмиссионных серий, а на реверсе, на втором поле рассеченного щита помещены семь лилий, причем над щитом изображена корона с тремя лилиями. На некоторых монетах на оборотной стороне встречаются отдельные буквы в монетном поле. Выпуск монет шестой эмиссионной серии датирован О. Илиеску 1431 г., все три номинала изготовлены из серебра. В отличие от монет достоинством в двойной грош и грош, всегда несущих на себе легенду, экземпляры номиналом в полугрош обычно анепиграфны. Этот признак характерен не только для всех эмиссионных серий Александра I, но и для всех прочих выпусков молдавских монет вообще. Отмеченное обстоятельство указывает на то, что попытка классификации молдавских полугрошей условна, так как отсутствуют какие-либо критерии их распределения по эмитентам.

Кроме перечисленных шести условных эмиссионных серий имеются также, по данным О. Илиеску, монеты достоинством в полугрош с изображением на лицевой стороне головы тура со всеми сопровождающими атрибутами (солнце, звезда, полумесяц), а на реверсе — прямого равносidedного креста. Все эти монеты анепиграфны. Известно несколько вариантов и разновидностей подобных монет как из серебра, так и из низкопробных сплавов и бронзы. По предположению О. Илиеску, эти монеты следует отнести к эмиссиям конца периода правления Александра I и датировать време-

нем между 1415 и 1431 гг. Вместе с тем не исключена возможность, что указанные монеты представляют какие-то локальные (городские) эмиссии. Они могли быть выпущены в Белгороде-Днестровском, поскольку принято считать, что там чеканили местную монету с изображением креста, но пока эти вопросы остаются невыясненными.

Таким образом, монеты Александра I могут быть отнесены ко всем шести эмиссионным сериям, выпущенным в период с 1400 по 1431 гг. Статистика находок показывает, что из 69 экземпляров монет Александра I, найденных в Старом Орхее, 10 (14,49%) могут быть отнесены к эмиссионному периоду 1400/1408 гг., 9 (13,04%) — к 1409/1415 гг., 40 (57,97%) — к 1415/1430 гг. и 10 (14,49%) — к 1431 г. Следовательно, 72,46% монет относятся к эмиссиям второй половины периода правления Александра I. По этим показателям можно предположить, что поступление монет Александра I в Старый Орхей достигло наибольшей интенсивности в указанный период. Однако в исторической литературе высказываются иные мнения.

Л. Л. Полевой справедливо указал, что решение вопроса о времени появления ремесленно-торгового поселка Орхей и начала складывания местного рынка затрудняется недостаточно разработанной историей денежного обращения Молдавии соответствующего периода. Отметив, что большую часть находок молдавских монет в Старом Орхее составляют экземпляры, чеканившиеся при Александре I, он тем не менее высказал мнение о том, что это обстоятельство не может служить достаточным указанием на появление поселка именно в первой трети XV в., поскольку монеты Александра I широко обращались до начала второй половины XV в., как свидетельствуют находки этих монет вкладах совместных с монетами последующих господа-

рей вплоть до Петра Арона (с 1451 по 1457 г., с перерывами)²⁷.

Для определения времени притока монет Александра I в Старый Орхей необходимо обратиться к рассмотрению находок таких монет в составе кладов. Из четырнадцати зарытых в XV в. монетных кладов, обнаруженных на территории Днестровско-Карпатского региона, десять содержали молдавские монеты, но только в пяти из них присутствовали монеты Александра I²⁸.

Так, в двух кладах — Яском и Сучава-I, зарытых не позднее начала второй трети XV в, имелись только бронзовые анэпиграфные полугроши Александра I, (соответственно 19 и 38 экземпляров). В составе клада Сучава-II, зарытого не позднее середины 30-х гг. XV в., содержались серебряные двойные гроши Александра I (22 экземпляра) и Ильяша I (51 экземпляр). Именно последние указывают на время, к которому относится этот клад, поскольку Ильяш I выпустил единственную серию серебряных двойных грошей в 1432 г. В Кугурештском кладе (зарыт на рубеже 20-х и 30-х гг. XV в.) хранился серебряный двойной грош Александра I, датированный Л. Л. Полевым вторым десятилетием XV в.²⁹ В составе самого позднего клада — Сучава-III, зарытого, по всей вероятности, не позднее конца 50-х гг. XV в., содержалось 39 экземпляров бронзовых анэпиграфных полугрошей Александра I и Петра III Арона.

Таким образом, монеты Александра I представлены двумя номиналами: серебряными двойными грошами и бронзовыми анэпиграфными полугрошами, причем первые содержались в двух, вторые — в трех кладах. Серебряные монеты не имелись в кладах, зарытых после середины 30-х гг. XV в., в то время как бронзовые анэпиграфные монеты встречены в соста-

ве клада периода правления Петра III Арона.

Если бронзовые анэпиграфные полугроши (идентификация их эмитентов вплоть до выпусков 1451/1452 гг. Петра Арона отнюдь не может считаться безусловно достоверной) имели действительно длительное хождение в периоды правления различных господарей³⁰, то серебряные монеты, как мы уже отмечали, выпадали из сферы обращения.

Отмеченные обстоятельства позволяют отнести время притока 22 экземпляров (31,88%) серебряных монет Александра I в Старый Орхей к периоду, не выходящему, по всей вероятности, за пределы середины 30-х гг. XV в. Наличие серебряного двойного гроша в составе Кугурештского клада может служить указанием на несомненное присутствие монетного серебра Александра I в денежном обращении на территории Днестровско-Прутского региона уже на рубеже 20-х и 30-х гг. XV в.

Необходимо оговориться, что признание середины 30-х гг. XV в. предполагаемым периодом притока монет Александра I в Старый Орхей отнюдь не тождественно утверждению о несомненном существовании там в это время торгово-ремесленного центра городского облика. Не исключена также вероятность хождения этих монет и в последующее время.

Археологические исследования городских сооружений Старого Орхея, как и первые письменные упоминания его пыркалабов, со всей определенностью указывают на то, что существование города не может быть отнесено ко времени ранее конца второй трети XV в. Однако не исключена возможность того, что не позднее середины 30-х гг. XV в. там существовало поселение, жители которого были приобщены в какой-то мере к товарно-денежным отношениям. Это подтверждается находками монет Алексан-

дра I. Дальнейшие комплексные исследования Старого Орхее позволят окончательно выяснить и уточнить затронутые вопросы.

Кроме монет Александра I в Старом Орхее обнаружена другая группа молдавских монет, состоящая из эмиссий его преемников — Ильяша I, Стефана II, а также периода их совместного правления. По классификации молдавских монет, разработанной О. Илиеску, известно, что Ильяш I выпустил три номинала. Формально-стилистическое сравнение их позволило выделить условно пять эмиссионных серий.

Первая серия состоит из одного монетного номинала — двойных грошей, повторяющих в общем тип монет шестой эмиссионной серии Александра I и отличающихся от них лишь легендой. Она выпущена в 1432 г., причем только из серебра. Это был единственный выпуск монет достоинством в двойной грош в эмиссионной деятельности Ильяша I.

Вторая серия также состоит из одного номинала — грошей, повторяющих в общем тип монет четвертой эмиссионной серии Александра I. По предположению О. Илиеску, вторая эмиссионная серия монет Ильяша I выпущена в 1432/1433 гг.

Третью серию также составляет один номинал — бронзовые гроши, отличительным признаком которых служит изображение на лицевой стороне короны между рогами тура. Предполагаемое О. Илиеску время выпуска подобных монет — 1435/1436 гг.

Четвертая серия состоит из двух номиналов — грошей и полугрошей, отличительным признаком которых является изображение на реверсе, напоминающее две подковы или перевернутую греческую букву «омега» (ω), над которой помещен прямой равно-сторонний крест. Среди вариантов и разновидностей монет этой серии встречаются экземпляры достоинством в грош с очертаниями на реверсе буквы или монограммы, и в полугрош — соответственно с изображением господарского жезла. Гроши этой серии изготовлены как из серебра, так и из бронзы, а полугроши — только из бронзы. Предполагаемое время выпуска монет четвертой эмиссионной серии — период между 1436 и 1442 гг.

Пятую серию составляют только гроши, отличительным признаком которых является примитивное изображение верхового рыцаря на лицевой стороне (вместо традиционной головы тура). Предполагаемое время эмиссии этой странной серии — 1434/1435 гг.

Если в Старом Орхее обнаружены монеты всех серий, выпущенных Ильяшем I, то монеты Стефана II, его брата, соправителя и соперника (1433—1435, 1443—1447) известны здесь лишь в единственном экземпляре: двойной серебряный грош, чеканенный в первый период его правления. По своему типу он сходен с аналогичным номиналом первой эмиссионной серии монет Ильяша I и отличается лишь легендой. К периоду совместного правления Ильяша I и Стефана II (1435—1442)

Рис. 55. Ильяш I (1432—1433):
1 — двойной грош; 2 — грош (1434 или 1435)

относятся также два экземпляра бронзового двойного гроша, найденных в Старом Орхее. Монета легко поддается определению благодаря легенде: на лицевой стороне указано имя первого, а на реверсе — второго эмитента-соправителя. По мнению О. Илиеску, выпуск подобных монет относится, вероятно, к началу периода их совместного правления, т. е. к 1435/1436 гг.

Малочисленность находок монет Стефана II, как и монет периода его совместного с Ильяшем I правления, можно объяснить, по-видимому, весьма ограниченным их тиражом. Их можно причислить в известном смысле к нумизматическим раритетам. На всей территории Днестровско-Карпатского региона монеты Стефана II найдены только в Старом Орхее и Сучаве и насчитывают едва ли более двух десятков. Что же касается монет периода совместного правления Ильяша I и Стефана II, то на территории указанного региона общее количество находок исчисляется всего лишь шестью экземплярами, половина которых происходит из Днестровско-Прутского междуречья³¹.

К группе малочисленных находок из Старого Орхее относится монета Александра II (1449, 1452—1454, 1455). В период его правления наряду с монетами общепринятого типа впервые в Молдавии была выпущена монета со славянской легендой и указанием ее номинального достоинства. На лицевой стороне ее — традиционное изображение герба Молдавии: голова тура, между рогами которого помещена пятилучевая звезда, справа — листок о трех углах, слева —

полумесяц, обращенный вправо, между двумя точечными ободками круговая легенда кириллицей: *ГРОШ АЛЕКСАНДРА*. На оборотной стороне — рассеченный щит французского типа, на первом поле которого изображены три геральдические балки, на втором — пять стилизованных лилий в форме корон, расположенных двумя вертикальными рядами, а также помещенная между двумя точечными ободками славянская легенда: *ВОЕВОДА*. В период правления Александра II чеканились монеты двух номиналов — грош и полугрош — из серебра и бронзы.

Малочисленность находок монет преемников Александра I свойственна не только Старому Орхею, это характерно для всего Карпато-Днестровского региона. Наиболее многочисленную группу монетных находок в Старом Орхее (после монет Александра I) составляют монеты Стефана III (1457—1504) — 18,18% молдавских монет и 28,2% молдавских монет XV в.

В последние годы правления Петр III Арон начал денежную реформу, которую успешно продолжил Стефан III³². Суть реформы состояла в том, что вместо выпускавшихся ранее неполноценных монет, приведших к обесцениванию молдавской монеты, стали чеканиться монеты из добротного серебра. Хотя вес и размер новых молдавских монет был несколько редуцирован, они обладали реальной стоимостью по сравнению с монетами дореформенного образца. Со второй половины 50-х гг. XV в. в Молдавии выпускалось два монетных номинала: грош, средним весом 0,6 г, диаметром 14—16 мм, и полугрош, средним весом 0,3 г, диаметром 12—13 мм. Оба чеканились только из серебра хорошего качества.

Молдавские монеты, выпущенные в период правления Стефана III и найденные в Старом Орхее, независимо от своего достоинства подразде-

Рис. 56. Стефан III (1457—1504):

1 — грош (1457/1476); 2 — грош (1480/1504)

ляются, в соответствии с классификацией О. Илиеску, на два типа, каждый из которых составляет отдельную хронологическую группу.

Монеты первого типа имеют на лицевой стороне традиционные элементы молдавского герба — голову тура, звезду, розетку, полумесяц, а на оборотной стороне — рассеченный щит, на первом поле которого помещен прямой равносторонний крест над розеткой, на втором поле — три геральдические балки. Тип состоит из двух эмиссионных серий, отличающихся друг от друга противоположным расположением на аверсе сопровождающих изображение тура атрибутов. Монеты этого типа выпускались в первой половине периода его правления — 1457/1476 гг.

Монеты второго типа имеют на лицевой стороне такое же изображение, как и монеты первого типа, а на оборотной — геральдический щит, в центре которого помещен двойной прямой крест. Этот тип состоит из четырех эмиссионных серий, относящихся, по-видимому, ко второй половине периода правления Стефана III, и также датируется широким хронологическим диапазоном — 1480/1504 гг.

Монеты каждой серии обоих типов встречаются в различных вариантах и разновидностях. Из 22 экземпляров староорхейских монет времени Стефана III 19 (86,36%) составляют гроши и 3 (13,63%) — полугроши обоих типов. К первому типу, чеканившемуся в 1457/1476 гг., относятся 14 экземпляров (63,63%), ко второму, выпускавшемуся в 1480/1504 гг., — 8 (36,36%).

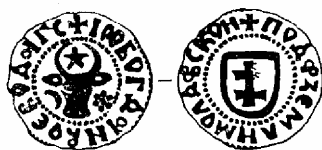
Приведенные данные позволяют составить некоторое представление о поступлении монет Стефана III в Старый Орхей. Судя по статистике находок, наибольшей интенсивности приток этих монет достиг в первой половине его правления. На это же время указывают находки монет Стефана III в Белгороде-Днестровском и на ос-

тальной территории Днестровско-Карпатского региона. Отсутствие на территории Молдавского княжества монетных кладов, которые содержали бы монеты Стефана III и были бы тезаврированы в почти полувековой период его правления, значительно затрудняет разработку вопроса о динамике обращения этих монет на денежном рынке страны в указанное время. Единственный клад с монетами Стефана III, обнаруженный в 1894 г. у с. Новоселица (Черновицкая область УССР), по сути дела, остался недоступным науке.

Что же касается вопроса о хронологическом диапазоне хождения монет Стефана III в Молдавии, то, судя по составу Леушенского клада, они продолжали циркулировать до конца XVI в. Во всяком случае их присутствие в составе Леушенского клада, зарытого не ранее конца XVI в., может служить подтверждением того, что к указанному времени они все еще котировались на денежном рынке.

Наблюдения над находками молдавских монет XV и XVI вв. в Старом Орхее указывают, что если во второй трети XV в. их количество по сравнению с предшествующим временем уменьшилось, то в период правления Стефана III оно возросло, а затем, в XVI в., сократилось. Так, если отнести условно монеты Стефана III к XV в., то из 121 экземпляра находок молдавских монет в Старом Орхее на указанное столетие придется 116 (95,87%), в то время как на XVI в. — всего 5 (4,13%); если же отнести монеты Стефана III, принадлежащие к эмиссиям 1480/1504 гг., к XVI в., то из указанного числа находок молдавских монет в Старом Орхее придется на XV в. 108 экземпляров (89,25%) и на XVI в. — 13 экземпляров (10,74%). Таким образом, наблюдениями над статистикой находок молдавских монет в Старом Орхее выявляется достаточно отчетливо резкое сокращение притока молдавской монеты в XVI в.

Рис. 57. Богдан III (1504—1517): грош

Рассмотрение статистики находок молдавских монет XV в. показывает, что если считать безусловно принадлежащими к XV в. только 14 экземпляров монет Стефана III, чеканенных в 1457/1476 гг., то общая картина распределения монетных находок по эмитентам получится следующей: 69 экземпляров (63,89%) составляют монеты Александра I; 9 (8,33%) приходится на долю молдавских господарей, правивших в период от Александра I до Стефана III; 14 (12,96%) принадлежат Стефану III; 16 фрагментов (14,82%) отнесены к неопределенным эмитентам первой половины XV в. Таким образом, статистика находок отражает (с определенной погрешностью) объективную картину притока молдавской монеты в Старый Орхей в XV в., позволяет уловить основные тенденции динамики ее поступления.

Обратимся к рассмотрению монет XVI в. Как уже упоминалось, находки молдавских монет XVI в., выпущенных в период после правления Стефана III, составляют 5 экземпляров, каждый из которых относится к эмиссиям различных господарей. Первой в этом хронологическом ряду следует назвать монету Богдана III (1504—1517). В начале своего правления Богдан III стал вновь чеканить неполноценные монеты из биллона и

бронзы. Таким образом, с самого начала XVI в. молдавская монетная система вступила в полосу упадка.

В период правления Богдана III в Молдавии чеканили два номинала: гроши, средним весом 0,8 г, и полу-гроши, средним весом 0,4 г. По своему типу они сходны с монетами Стефана III, у которых на реверсе изображен двойной крест. Легенда на монетах достоинством в грош славянская, круговая, с продолжением на реверсе: *БОГДАН ВОЕВОДА ГОСПОДАР ЗЕМЛИ МОЛДАВСКОЙ*. Полугрошовые номиналы, как обычно все монеты этого достоинства, анаэпиграфны.

На территории Днестровско-Прутского междуречья монеты Богдана III известны только в Старом Орхее и в составе Сесенского клада. Судя по малочисленности находок этих монет в Карпато-Днестровском регионе, их хождение на молдавском денежном рынке было весьма ограниченным. Недостаточная изученность монет Богдана III не позволяет отнести их к каким-либо определенным эмиссиям, поэтому они датируются обычно всем периодом правления эмитента. Наличие в составе Сесенского клада грошей Богдана III показывает, что проникновение монет этого господара в Старый Орхей может быть отнесено ко времени его правления.

Следующей находкой молдавской монеты XVI в. в Старом Орхее является грош Стефана IV, известного также под именем Штефаницэ (1517—1527). В период его правления в Молдавии также выпускались монеты двух номиналов — гроши и полу-гроши из серебра, биллона и бронзы. Они сходны по типу с монетами его предшественника Богдана III, отличаясь лишь наличием на лицевой стороне геральдического щита, в поле которого вписано изображение традиционных элементов молдавского герба. Легенда на грошовых но-

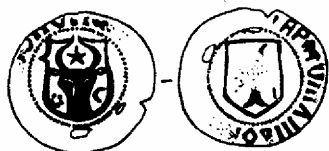

Рис. 58. Стефан IV (Штефаницэ) (1517—1527): грош

миналах славянская, с продолжением на реверсе; монеты достоинством в полугрош анэпиграфны. Малознученность монет Штефаницэ не позволяет распределить их по эмиссионным периодам, поэтому они относятся обычно ко всему времени правления этого господаря.

Монеты Стефана IV так же, как и монеты его предшественника, были выпущены в небольшом количестве и не сыграли существенной роли в денежном хозяйстве страны. Проникновение медного гроша Штефаницэ в Старый Орхей следует, вероятно, отнести к периоду его правления.

Как уже отмечалось, преемники Стефана III возобновили чеканку неполноценных монет. Возвращение к эмиссиям монет дореформенных образцов привело вскоре к полному обесцениванию молдавской монеты на денежном рынке страны. Отказ от выпуска монеты, обладавшей собственной реальной стоимостью, и переход к чекану металлических денежных знаков с принудительным курсом ознаменовали начало кризиса молдавской монетной системы.

Одной из причин, усугубивших кризис, явилось порабощение Молдавии Османской империей: установившаяся в начале второй трети XVI в. фактически полная зависимость Молдавского княжества от произвола Порты оказывала пагубное влияние на развитие экономики страны.

В условиях безраздельного господства на внутреннем денежном рынке страны иноземных монет выпуск неполноценной молдавской монеты становился бессмысленным, и со второй четверти XVI в. эмиссионная деятельность сучавского монетного двора прекратилась не менее чем на три десятилетия. Внутренний денежный рынок обслуживался в это время в основном иноземной монетой.

Предпринимавшиеся в XVI—XVII вв. отдельными молдавскими господами попытки укрепить пози-

ции молдавской монетной системы, приспособлявая ее то к одной, то к другой иноземным денежным системам, монеты которых имели широкое хождение на внутреннем рынке Молдавского княжества, не могли увенчаться успехом в условиях гнета Османской империи.

Первым попытался приспособить молдавскую монету к венгерской денежной системе господарь Александр IV Лэпушняну (1552—1561, 1564—1568). В 1558 г., после тридцатилетнего перерыва, была возобновлена чеканка молдавской монеты: был выпущен новый молдавский монетный номинал — денарий, изготовлявшийся из низкопробного серебра, средним весом 0,55 г, по образцу венгерских одноименных монет, имевших в те времена широкое хождение на денежном рынке Молдавии.

В Старом Орхее обнаружен экземпляр молдавской монеты, выпущенной в 1558 г. при Александре IV. По своему облику эта монета аналогична современному ей венгерскому прототипу и отличается от него лишь наличием на аверсе миниатюрного изображения головы тура и текстом легенды. На лицевой стороне молдавского денария Александра IV изображен, по сути дела, венгерский герб: четверочастный щит, на первом поле которого имеются три геральдические балки, на втором — прямой двойной крест, на третьем — три розетки, на четвертом — две лилии, одна из которых перевернута; в центр четверочастного щита вписан миниатюрный щиток с изображением основного элемента молдавского герба — головы тура. Между двумя линейными ободками имеется круговая легенда: *ALEXANDER D. G. W. MOL. 1558*. На оборотной стороне монеты помещено изображение божьей матери с младенцем и круговая легенда, расположенная между двумя линейными ободками: *PATRONA MOLDAVI*; сле-

ва и справа от изображения пречистой девы расположены буквы S и M.

На территории Днестровско-Прутского междуречья находки аналогичных монет известны в Белгороде и Сороках. Малочисленность находок таких монет указывает на то, что они имели, видимо, весьма ограниченное хождение в названном регионе. Это подтверждается их отсутствием в составе Леушенского клада.

Проникновение денария Александра Лэпушняну в Старый Орхей, как и в остальные указанные выше пункты, приходится на конец 50-х — начало 60-х гг. XVI в., когда по распоряжению этого господаря все крепостные сооружения Старого Орхея были снесены (с 1574 г. молдавские грамоты отмечают Орхей уже с эпитетом «Старый»).

Следующей молдавской монетой XVI в., найденной в Старом Орхее, является денарий, выпущенный в 1563 г. Яковом-Деспотом. Иоанн Гераклид, известный под именем Яков-Деспот (1561—1563), также предпринял попытку приспособить молдавскую монету к иноземным денежным системам, монеты которых были широко распространены в денежном обращении Молдавии. Так, в 1562 г. наряду с молдавскими денариями венгерского образца весом 0,43—0,48 г, диаметром около 16 мм, он выпустил по типу турецких мангыров одноименный молдавский номинал мелкой разменной бронзовой монеты весом 1,55—1,88 г, а также крупную серебряную монету, средним весом 28,5 г, диаметром около 40 мм, по образцу европейских талеров. В следующем, 1563 г., продолжая чеканить эти монеты, Яков-Деспот выпустил другой тип денария, а также

золотые дукаты, средним весом 3,55 г, диаметром около 23 мм, и серебряные орты, средним весом 8,1 г, диаметром около 27 мм. Однако, кроме денария и мангыра, эти номиналы фактически не имели хождения в денежном обращении страны: их выпустили в незначительном количестве для оплаты наемников господаря. По степени раритета эти монеты могут быть отнесены к уникамам.

Молдавские денарии Якова-Деспота, аналогичные староорхейскому экземпляру, были найдены на территории Днестровско-Прутского междуречья в составе Леушенского, Болотинского и Костуленского кладов, а также в числе единичных монет в Белгороде, Сороках и Криулянах. Судя по этим находкам, они имели хождение в указанном регионе до рубежа XVI и XVII вв.

Самой поздней молдавской монетой, найденной в Старом Орхее, является денарий, выпущенный в 1563 г. господарем Стефаном VII Томшей (1563—1564) по типу венгерских образцов, чеканившихся его предшественником. Аналогичные монеты были найдены в составе Костуленского и Леушенского кладов и в единичных экземплярах в Белгороде-Днестровском. Вместе со староорхейской находкой они свидетельствуют о том, что денарии Стефана Томши имели некоторое хождение на территории Днестровско-Прутского междуречья до конца XVI в.

В числе сомнительных находок, обнаруженных, по словам экскурсантов, в окрестностях городища и представленных на определение, — бронзовый акче Иоанна Лютого (1572—1574), чеканенный в 7081 г. (=1573 г.), а также серебряные трояки Стефана Рэзвана, выпущенные им в 1595 г., и Еремии Мовилэ (1595—1606, с перерывом), изготовленные по образцу современных им монет Речи Посполитой.

Таким образом, наиболее поздней молдавской монетой, найденной в Ста-

Рис. 59. Иоанн Гераклид (1561—1563): денарий (1563)

ром Орхее, следует считать достоверно лишь денарий Стефана Томши.

Находки молдавских монет в Старом Орхее свидетельствуют, что их приток и хождение на его территории не могут быть отнесены ко времени позднее начала XVII в. Дальнейшее рассмотрение монетных находок из староорхейского собрания позволит уточнить это.

Монеты Венгрии. Староорхейское собрание венгерских монет насчитывает 82 экземпляра, составляющих 23,56% монетных находок на городище, или 36,12% находок иноземных монет. По времени выпуска венгерские монеты относятся к периоду с начала 80-х гг. XV в. до 1703 г. включительно. Наиболее ранними венгерскими монетами, обнаруженными в Старом Орхее, являются денарии Матиаша Хуньяди (1458—1490). Они составляют 7,31% находок венгерских монет на территории городища.

Первые венгерские монеты — Карла Роберта (1308—1342), Людовика I (1342—1382), Марии (1382—1385) и Сигизмунда I (1387—1437) — проникали на территорию, расположенную к востоку от Карпат, в очень ограниченном количестве. Отдельные их экземпляры обнаружены в северной части Днестровско-Прутского междуречья, Байе, Сучевице, Сирете, Брэештах. Если золотые венгерские дукаты — флорины — ценились на денежном рынке высоко, то серебряные венгерские монеты неуклонно обесценивались еще с XII в. из-за непрекращающейся их порчи. По сути дела, до монетной реформы 1468 г. Матиаша Хуньяди венгерские денарии не играли значительной роли в денежном обращении Молдавского княжества.

В этой связи следует отметить, что встречающиеся в зарубежной историко-нумизматической литературе мнения о том, что начатая в 1456 г. Петром III Ароном денежная реформа яко-

Рис. 60. Стефан VII (1563—1564): денарий (1563)

бы преследовала цель приравнять молдавский грош нового образца к современному ему венгерскому денарию для облегчения торговли с трансильванскими купцами, необоснованы. С самого начала чеканки венгерского денария ухудшалось качество монетного металла, что привело к концу второй трети XV в. к почти полному его обесцениванию. Уже со времен правления Сигизмунда I венгерский денарий считался в Европе одной из наиболее неполноценных монет, а при его преемнике Альберте II (1437—1439) девальвировался еще на 20%; падение реальной стоимости этой монеты неуклонно продолжалось при Владиславе I (1440—1444) и Ласло V (1444—1457).

Положение изменилось лишь после монетной реформы 1468 г. Матиаша Хуньяди, когда венгерский денарий средним весом 0,6 г. стал изготавливаться из металла сравнительно лучшего качества (из марки Буды, равной 245,5377 г, чеканилось 400 денариев, каждый из которых содержал по 8 лотов серебра) и приниматься на денежном рынке по курсу 100 денариев за 1 золотой флорин. Впрочем, уже в 1521 г. венгерский денарий снова подвергся порче и содержал только 4 лота серебра.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что до монетной реформы Матиаша Хуньяди венгерские денарии практически не име-

Рис. 61. Матиаш Хуньяди (1458—1490): денарий

ли хождения на денежном рынке Карпато-Днестровского региона.

Монетная реформа молдавского гроша была проведена по меньшей мере за 11—12 лет до осуществления реформы венгерского денария Матиаша Хуньяди. Следовательно, несостоятельность и необоснованность утверждений о том, что монетная реформа Петра III Арона якобы преследовала цель уравнивать молдавский грош с венгерским денарием, совершенно очевидны.

К какому же времени следует отнести начало массового притока венгерских денариев на денежный рынок Молдавского княжества? Наиболее ранним кладом на территории Молдавского княжества, содержащим венгерские денарии, является Цифештский клад, зарытый в конце XV в. Отсутствие данных о распределении монет Матиаша Хуньяди из состава этого клада по эмиссионным периодам затрудняет разработку вопроса, позволяя лишь предполагать, что их приток не может быть отнесен ко времени ранее 70-х гг. XV столетия.

Найденные в Старом Орхее 6 экземпляров венгерских денариев Матиаша Хуньяди составляют две хронологические группы: к первой отнесены монеты с буквами $K \frac{V}{A}$, ко второй — с буквами $K-P$. Учитывая, что эмиссии первых датируются 1482/1488 гг., а вторых — 1489/1490 гг., проникновение их в Старый Орхей не может быть отнесено ко времени ранее 80-х гг. XV в.

Следующую группу находок венгерских монет в Старом Орхее составляют денарии Владислава II (1490—1516). Они составляют 8,53% находок

венгерских монет на территории городища. Из 7 экземпляров монет Владислава II 3 относятся к эмиссиям последнего десятилетия XV в., 2 датированы 1504 г.

Обращение венгерских денариев Матиаша Хуньяди и Владислава II на денежном рынке Молдавского княжества в последней четверти XV в. засвидетельствовано Цифештским кладом. На территории Днестровско-Прутского междуречья наиболее ранним кладом, содержащим эти монеты, является Сесенский клад. Он подтверждает их присутствие в денежном обращении указанного региона не позднее времени правления Богдана III.

Следует также указать, что денарии обоих венгерских эмитентов имели хождение на денежном рынке Молдавии на протяжении всего XVI в.: они встречаются в составе кладов, зарытых до 1600 г. (Болотинский и Комратский клады).

Небезынтересно, что в составе кладов, найденных на территории Днестровско-Прутского региона, венгерские денарии Владислава II встречаются обычно в сопровождении одноименных монет его предшественника. Так, из двенадцати кладов XVI столетия, содержащих венгерскую монету, совместные находки денариев Матиаша Хуньяди и Владислава II зафиксированы в шести кладах, причем в общем количестве находок экземпляры первого эмитента составляют 71,1%, а второго — 28,9%. Наблюдения над статистикой находок единичных экземпляров этих же монет показывают, что они составляют примерно равные доли (как и в Старом Орхее). В общем количестве находок тазаврированного венгерского монетного серебра в XVI в. на территории Днестровско-Прутского междуречья денарии Матиаша Хуньяди составляют 55,74%, а одноименные номиналы Владислава II — 22,65%. Приведенные данные указывают на то,

Рис. 62. Владислав II (1490—1516): денарий

что монеты этих эмитентов играли довольно существенную роль в денежном обращении Днестровско-Прутского региона в XVI в.

Совсем иную картину представляют находки монет Людовика II (1516—1526). В Старом Орхее найден всего лишь один денарий этого эмитента, датированный 1521 г. (1,29% находок венгерских монет на городище). Подобное соотношение прослеживается и при анализе кладового материала. Так, из двенадцати кладов на территории Днестровско-Прутского междуречья, содержащих венгерское монетное серебро, монеты Людовика II встречены только в двух, причем по отношению к общему количеству те-заврированных венгерских денариев двенадцати кладов они составляют 0,31%. Аналогичная ситуация наблюдается также при рассмотрении статистических данных о единичных находках монет Людовика II на территории Днестровско-Прутского междуречья: по отношению к общему количеству единичных находок венгерских монет в указанном регионе они составляют 1,63%.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что монеты Людовика II проникали в Старый Орхей, как и на всю остальную территорию Днестровско-Прутского междуречья, в весьма незначительном количестве и не играли существенной роли на местном денежном рынке.

Наибольшее количество находок венгерской серебряной монеты в Старом Орхее приходится на долю денариев Фердинанда I (1526—1564) — 30,48%. Более выразительная картина наблюдается при рассмотрении топографии единичных находок этих монет на территории Днестровско-Прутского региона: они составляют по отношению к общему количеству находок венгерских монет 50,81%. Что касается их встречаемости в составе кладов, обнаруженных на указанной тер-

Рис. 63. Фердинанд I (1526—1564): денарий (1536)

ритории, то из упомянутых двенадцати кладов, содержащих венгерскую монету, денарии Фердинанда I зарегистрированы в шести.

Таким образом, массовый приток венгерских денариев в Старый Орхей, как и на остальную территорию Днестровско-Прутского региона, наблюдается в период правления Фердинанда I.

Статистика монетных находок в Старом Орхее свидетельствует о том, что во время правления Максимилиана II (1564—1576) приток венгерских денариев, выпущенных им, по сравнению с монетами, чеканенными его предшественником, сократился. По отношению к общему числу находок венгерских монет на городище денарии Максимилиана II составляют 14,63%. На территории Днестровско-Прутского междуречья находки монет Максимилиана II составляют немногим более половины числа находок денариев Фердинанда I.

Наблюдения над находками единичных экземпляров монет Максимилиана II в Старом Орхее, а также на остальной территории Днестровско-Прутского региона указывают на то, что приток венгерских денариев на местный денежный рынок сократился в период его правления вдвое.

Сравнение данных о находках денариев Рудольфа II (1576—1608) и монет Максимилиана II в Старом Орхее, а также на территории всего Днестровско-Прутского междуречья свидетельствует о том, что интенсивность притока венгерского монетного серебра в период правления первого была почти на том же уровне, что и при его предшественнике. В староорхейском собрании венгерских монет

находки денариев Рудольфа II составляют 12,95% венгерских монет.

Совершенно иная картина прослеживается при рассмотрении статистических данных о находках монет его преемника. Если денарии Рудольфа II составляют без малого 13% находок венгерских монет на городище, то монеты Матиаша II (1608—1618) — всего лишь 3,65%. Отсутствие денариев Матиаша II в составе кладов, найденных на территории Днестровско-Прутского междуречья, и малое число находок этих монет на староорхейском городище отражают, видимо, значительное сокращение притока указанных монет на местный денежный рынок в период правления эмитента.

Некоторое оживление в поступлении венгерских денариев в Старый Орхей наблюдается в годы правления Фердинанда II (1618—1637). Находки денариев Фердинанда II превышают количество монет его предшественника более чем в 5 раз, составляя относительно общего числа находок венгерских монет на городище 19,51%. Однако, как показывает статистика, прилив этот был непродолжительным. Более того, приток венгерских денариев на городище полностью прекратился к концу периода правления Фердинанда II. При его преемниках венгерские серебряные монеты уже не проникали в Старый Орхей. Самая поздняя датированная венгерская монета, найденная здесь, относится к 1630 г.

Картину резкого сокращения притока венгерского денария на молдавский денежный рынок дают статистические данные о составе кладов на территории Карпато-Днестровского региона. Находки венгерских денариев последней трети XVII в. составляли 0,58% тезаврированной в Молдавии монетной массы³³.

Среди причин, обусловивших сокращение притока венгерского денария в денежное обращение Молдавского

княжества, следует указать не только значительное уменьшение экспорта молдавских товаров в Трансильванию, откуда в основном шла венгерская монета на местные денежные рынки Карпато-Днестровских земель, но и продолжавшееся обесценивание венгерского монетного серебра. Если в XVI в. золотой дукат был приравнен к 130 денариям, то в 1631—1640 гг. — к 250³⁴.

Таким образом, староорхейское собрание монетных находок указывает на то, что поступление венгерской монеты на городище окончательно прекратилось после периода правления Фердинанда II. Обнаружение здесь двух экземпляров медных денариев Леопольда I (1657—1705), датированных 1703 г., не может служить основанием для утверждений об их участии в денежном обращении Старого Орхей, поскольку они происходят из состава погребального инвентаря, т. е. выполняют в этом комплексе функцию обола мертвых.

Рассмотренные данные о находках венгерских монет в Старом Орхее позволяют считать, что первые венгерские денарии появились на территории городища около середины 80-х гг. XV в., их приток достиг максимальной интенсивности во второй трети XVI в., окончательно прекратилось их поступление в начале второй трети XVII в. Они сыграли значительную роль в истории денежного обращения средневековой Молдавии. Проникнув на внутренний денежный рынок Карпато-Днестровских земель, венгерские серебряные монеты натурализовались здесь, выполняя роль одной из основных монет при мелких денежных расчетах. Относительно курса венгерского монетного серебра известно, что до 80-х гг. XVI в. два венгерских денария приравнивались к одному турецкому акче, а к концу столетия в связи с падением стоимости последнего оба номинала стали равнозначными.

Монеты Польши и Литвы. Учитывая общность источников поступления на молдавский денежный рынок монет Польши и Литвы, а также унификацию польско-литовской монетной системы (осуществленную практически Стефаном Баторием), находки этих монет следует рассматривать совместно.

По количеству находок польско-литовские монеты занимают в староорхейском собрании третье место (после молдавских и венгерских), составляя 20,69% монетных находок на городище, или 31,71% находок иноземных монет. По эмиссионным периодам эта группа монет может быть отнесена к хронологическому диапазону с конца XIV в. до конца 60-х гг. XVII в.

Самыми ранними польскими монетами, обнаруженными в Старом Орхее, являются денарий и полугроши Владислава II Ягелло (1386—1434). Они составляют 5,55% находок польских монет на территории городища. Коронный денарий относится к выпускам с широкой датировкой — 1396/1434 гг., а полугроши — к 1394/1414 гг.

Судя по наиболее раннему молдавскому кладу, в составе которого встречены монеты на территории Карпато-Днестровских земель — Маморницкому, проникновение их в указанный регион относится ко времени правления Владислава II Ягелло, однако не ранее середины 90-х гг. XIV в. На присутствие этих полугрошей здесь в первой трети XV в. указывает также находка нелокализованного клада, содержавшего около 3 тыс. монет³⁵. Что касается единичных находок монет Владислава II, то кроме Старого Орхее они известны в Сучаве. На территории Днестровско-Прутского междуречья присутствие полугрошей Владислава II Ягелло достоверно подтверждается Кугурештским кладом, тезаврация которого датируется рубежом 20-х и 30-х гг. XV в.

Беднее представлены в староорхейском собрании монеты Казимира IV (1447—1492) — всего лишь 2,77% находок польских монет на территории городища. Кроме Старого Орхее, эти монеты встречены на территории Днестровско-Прутского междуречья в составе Микауцкого клада, а также среди единичных находок у с. Фрумушика Флорештского района. Малочисленность находок монет Казимира IV в Карпато-Днестровских землях указывает на то, что эти монеты проникали на территорию Молдавского княжества в незначительном количестве и не играли существенной роли во внутреннем денежном обращении страны.

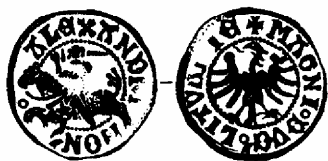
Чаще и в большем количестве обнаруживаются на территории Карпато-Днестровских земель находки монет Яна Ольбрахта (1492—1501). В староорхейском собрании они составляют 5,55% находок польских монет на территории городища. Интересно, что полугроши Яна Ольбрахта встречаются на территории Днестровско-Прутского междуречья вплоть до начала второй трети XVII в., в том числе в составе кладов, зарытых не ранее 1631 г., например, клада у с. Варваровка Флорештского района.

Судя по статистике находок монет Яна Ольбрахта на территории Карпато-Дунайского региона, с периода его правления наблюдается тенденция к росту поступления польских монет в Молдавское княжество и расширение их ареала.

Аналогичную картину дают статистические данные о находках монет Александра I (1501—1506). По отношению к общему количеству находок

Рис. 64. Ян Ольбрахт (1492—1501): полугрош

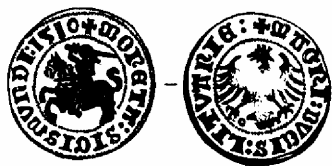
Рис. 65. Александр I (1501—1506):
полугрош

польских и литовских монет в Старом Орхее монеты Александра I занимают такое же место, как и монеты его предшественника — 5,55%. Однако в пределах Карпато-Днестровских земель география и количество находок этих монет указывают на тенденцию роста их притока и распространения на внутреннем денежном рынке Молдавского княжества в начале XVI в.

Монеты Александра I имеют еще более широкий хронологический диапазон хождения, чем монеты его предшественника. Их присутствие в денежном обращении на территории Днестровско-Прутского междуречья засвидетельствовано Микауцким кладом, зарытым не ранее 1535 г., Блештенским кладом — не ранее 1597 г., Варваровским кладом — не ранее 1602 г., Катериновским кладом — не ранее 1627 г., Кукурузенским кладом — не ранее 1640 г.

Приведенные данные позволяют отнести начало регулярного и значительного притока польско-литовских монет в денежное хозяйство Молдавского княжества к концу периода правления Александра I.

Еще более отчетливо прослеживается тенденция к увеличению притока и расширению ареала польских и литовских монет на внутреннем молдавском денежном рынке в период

Рис. 66. Сигизмунд I (1506—1548):
полугрошРис. 67. Сигизмунд II (1548—1572):
полугрош (1549)

правления Сигизмунда I (1506—1548). Эти монеты составляют 9,72% находок монет рассматриваемой группы на территории городища.

Судя по опубликованным в историко-нумизматической литературе данным, начало массового притока польских и литовских монет в Карпато-Днестровские земли относится ко времени правления Сигизмунда I. На это указывают и находки в Днестровско-Прутском междуречье. Монеты Сигизмунда I, как и монеты его предшественника, имели хождение и в значительно более позднее время. Так, на территории Днестровско-Прутского региона их участие в местном денежном обращении засвидетельствовано Кишиневским кладом, зарытым не ранее последней четверти XVII в.

Вслед за монетами Сигизмунда I значительное место в денежном хозяйстве Старого Орхее занимали монеты его преемника — Сигизмунда II (1548—1572). Монеты последнего составляют 11,11% находок польско-литовских монет на территории городища. Как и монеты его предшественника, монеты Сигизмунда II широко распространены в Карпато-Днестровских землях, встречаясь как в составе кладов, так и в единичных экземплярах. На территории Днестровско-Прутского региона эти монеты имели продолжительное хождение и в последующее время, вплоть до конца XVII столетия.

Говоря о монетах Сигизмунда II, найденных в Старом Орхее, следует упомянуть о том, что все они относятся к Великому княжеству Литовскому, так как собственно польские

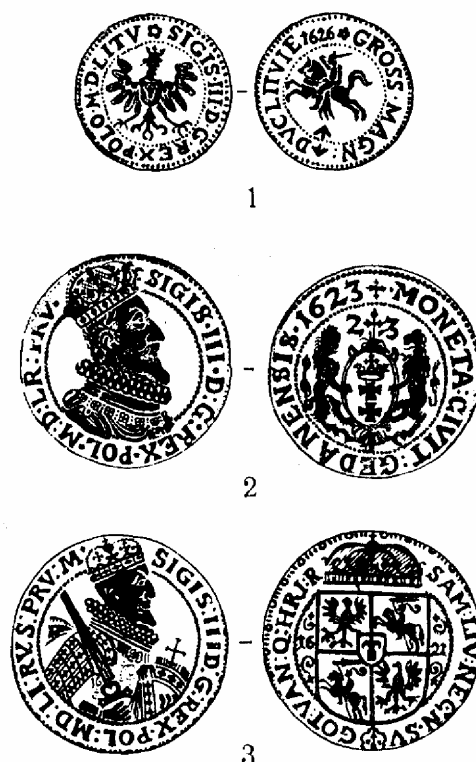
монеты в период его правления не чеканились. Даже выпущенные виленским двором для хождения в Польше монеты 1546—1548 и 1566—1568 гг. имеют герб и легенду, указывающие на их принадлежность Великому княжеству Литовскому. Резкое сокращение числа находок польских монет времени правления Сигизмунда II отмечено повсеместно, где распространялись монеты короны. По-видимому, это явление можно увязать с периодом, когда начинают сказываться последствия революции цен, обусловившей подобную монетную политику Сигизмунда II. В монетных эмиссиях наследников последнего Ягеллона можно отчетливо проследить побочные и сопутствующие процессу обесценивания денег явления: количественный рост неполноценных эмиссий, появление новых номиналов. Отчасти это наблюдается уже во времена правления Стефана Батория (1576—1586).

Монеты последнего составляют в староорхейском собрании сравнительно скромную величину — 4,76% находок монет Речи Посполитой, или 2,77% находок польско-литовских монет на территории городища. Они представлены новым денежным номиналом — трояком. Как на территории Карпато-Днестровского региона, так и в Днестровско-Прутском междуречье монеты Стефана Батория встречаются значительно реже, чем монеты его предшественников. Они зафиксированы и в составе кладов, и в единичных находках; не содержатся в составе кладов, зарытых позднее последней четверти XVII в.

Совершенно иную картину представляют находки монет Речи Посполитой периода правления Сигизмунда III (1586—1632). В староорхейском собрании они составляют 95,24% находок монет Речи Посполитой, или 55,55% находок польско-литовских монет на городище. Большое количество монет Сигизмунда III, обнаруженных

Рис. 68. Сигизмунд III (1586—1632):

1 — грош (1636); 2 — орт (1621); 3 — орт (1623)

на территории всего Молдавского княжества, убедительно свидетельствует о бурном притоке польско-литовских монет на молдавские рынки в последней четверти XVI — первой трети XVII в. Находки монет Сигизмунда III в Старом Орхее — красноречивое тому подтверждение.

Вместе с тем при рассмотрении вопроса о притоке монет Речи Посполитой на молдавские денежные рынки необходимо дифференцированно подходить к анализу количественного и качественного состава монетных эмиссий Сигизмунда III в последнем десятилетии XVI в. (когда процесс обесценивания польско-литовских монет шел сравнительно медленно) и в первой трети XVII в. (когда эти монеты стали испытывать стремительное

падение реальной стоимости). Низкопробные монеты массовых эмиссий в первой трети XVII в. буквально захлестнули денежные рынки Речи Посполитой, подрывая тем самым курс одноименных полноценных номиналов, начинавших в этой связи исчезать из обращения. В 1627 г. сейм был вынужден принять решение о прекращении эмиссий мелких, разменных монет, оговорив, однако, право на хождение всех ранее выпущенных монет. С указанного времени монетные дворы Речи Посполитой прекратили, по сути дела, производство, выпуская лишь чрезвычайно ограниченное количество крупных номиналов — талерной и золотой монеты.

Таким образом, денежные рынки Карпато-Днестровского региона в период правления Сигизмунда III наводнились огромной массой низкопробной и обесцененной монеты. Следует отметить, что аналогичный процесс ускоренного обесценивания происходил в это время во всей Центральной Европе³⁶.

Статистика находок польско-литовских монет как в Старом Орхее, так и на всей территории Карпато-Днестровского региона убедительно свидетельствует о том, что с начала 30-х гг. XVII в. приток этих монет прекратился. Встречающиеся в изобилии в составе кладов, зарытых на территории Молдавского княжества, монеты эмиссий Сигизмунда III подтверждают, что «старые запасы» продолжали хождение на местных денежных рынках и в последующее время (в начале XVIII столетия). Изучение находок польско-литовских монет в Старом Орхее и на всей территории Днестровско-Прутского региона показывает, что в период, последовавший за временем правления Сигизмунда III (до Иоанна II Казимира), монеты Речи Посполитой здесь не встречаются.

Отсутствие находок монет времени правления Владислава IV (1632—

1648) отнюдь не следует интерпретировать как полное прекращение хождения польско-литовских монет на молдавских денежных рынках. Как уже упоминалось, в соответствии с диетой 1627 г. производство ординарной монеты в Речи Посполитой было приостановлено и только монетные дворы Гданьска и Бигдоша продолжали выпускать крайне незначительное количество талерной и золотой монеты. Отсутствие находок монет послесигизмундовской эпохи объясняется указанным выше обстоятельством и не может рассматриваться как угасание циркуляции польско-литовской монеты в Карпато-Днестровском регионе. В последовавшее после периода правления Сигизмунда III время на территории Молдавского княжества продолжалось обращение (и, по всей вероятности, в какой-то мере поступление) значительного количества монет прежних выпусков.

Возобновление притока монет Речи Посполитой на молдавские земли наблюдается во время правления Иоанна II Казимира (1649—1668). Принятое в 1650 г. сеймом решение о возобновлении чеканки мелких монетных номиналов положило начало новой волне польско-литовской монеты в денежном обращении Молдавского княжества. Свидетельством тому является нахождение этих монет в составе кладов и в единичных экземплярах во всем указанном регионе. Находки монет Иоанна II Казимира на территории староорхейского городища подтверждают отмеченное явление. Статистика находок этих монет показывает, что они составляют 14,28% находок монет Речи Посполитой на городище. Наиболее поздний (идентифицированный) экземпляр датирован 1666 г.

Отсутствие в Старом Орхее находок более поздних монет Речи Посполитой указывает, по-видимому, на то,

что поступление польско-литовских монет на территорию городища прекратилось.

Представляется возможным заключить, что начало проникновения польско-литовских монет в Старый Орхей относится ко времени не ранее второго десятилетия XV в., а их хождение на местном рынке не заходит дальше начала 70-х гг. XVII в. Началом более или менее регулярного поступления польско-литовской монеты на староорхейский денежный рынок, по-видимому, следует считать период конца правления Александра I и массовых эмиссий Сигизмунда I. Наивысшего уровня и максимальной интенсивности притока в Старый Орхей эти монеты достигли в конце 80-х гг. XVI в. — первой трети XVII в.

Судя по статистике находок иностранных монет на территории городища, польско-литовские монеты сыграли значительную роль на денежном рынке Старого Орхья в XVI — второй трети XVII в., выполнив функцию средства внутреннего денежного обращения.

Монеты Османской империи. Среди находок иностранных монет в Старом Орхее монеты Османской империи составляют 11,78%, занимая третье место после венгерских и польско-литовских монет. Они делятся на три хронологические подгруппы: к первой отнесены монеты второй половины XV — первой четверти XVI в., ко второй — монеты последней четверти XVII в. и к третьей — монеты первой трети XVIII в.

Первая подгруппа (наиболее многочисленная) насчитывает 27 экземпляров монет, относящихся ко времени от правления Мухаммеда II Фатиха (1451—1481) до правления Сулеймана II Кануни (1520—1566). Вторая подгруппа состоит из 5 экземпляров, из них две монеты относятся к чекану Сулеймана III (1687—1691), а остальные три (плохой сохранности) — к эмиссиям неопределенного эмитента

Рис. 69. Баязид II (1481—1512): акче (886 г. х.)

XVII в. Последняя подгруппа насчитывает всего 2 экземпляра, один из них датируется временем правления Ахмеда III (1703—1730), другой — Махмуда I (1730—1754). Первая и вторая подгруппы представлены мелким номиналом — акче, третья — ирми-ликом и курушем.

Изучение находок турецких монет в Карпато-Днестровских землях позволяет отнести начало проникновения турецкого акче на внутренний денежный рынок Молдавского княжества ко времени не ранее начала второй трети XV в. На это указывает присутствие аспра Мурада II, выпущенного в Аяшлыке (Эфесе) в 834 г. х. (1430/1431), в составе Кырпицкогоклада, тезаврированного не позднее середины 60-х гг. XV в.³⁷

Следует отметить, что значительная масса турецких акче Баязида II (1481—1512), несомненно, имела активное хождение на молдавских денежных рынках в последней четверти XV в. Участие османской монеты во внутреннем обращении Карпато-Днестровских земель засвидетельствовано молдавскими письменными источниками начала 70-х гг. XV в. Наличие трех турецких акче Мухаммеда II среди монетных находок в Старом Орхее позволяет, по нашему мнению, отнести их проникновение на городище ко времени не позднее начала последней трети XV в.

Рассмотрение находок турецких монет на городище показывает, что периодом сравнительно активного участия турецкого аспра в денежном обращении Старого Орхья следует считать время с конца второй трети XV в. до середины XVI в. В период, следовавший за временем правления Сулеймана II, приток османских монет

сюда прервался по меньшей мере более чем на столетие. Появившееся в XVII в. на староорхейском рынке ограниченное число турецких монет уже не могло играть сколько-нибудь значительной роли в денежном хозяйстве этого населенного пункта из-за катастрофического обесценивания османского аспра³⁸.

Что касается третьей хронологической подгруппы турецких монет, то нет веских аргументов, свидетельствующих об их участии в староорхейском денежном обращении. По всей вероятности, следует согласиться с мнением Л. Л. Полевого о том, что «к этому времени на территории бывшего города уже не существует даже и поселения, уничтоженного татарами в 40-х гг. XVII в.» и что «немногочисленные находки монет связаны с существованием в непосредственной близости к городищу ряда сел»³⁹.

Монеты Крымского ханства. Эти монеты составляют всего лишь 0,86% монетных находок на территории изучаемого памятника. Здесь обнаружено только три экземпляра. Один относится ко времени правления Хаджи-Гирея (1440—1466), а два — к неопределенному эмитенту XV в.

Незначительное число находок и неудовлетворительная степень их сохранности не позволяют выдвигать достаточно обоснованные утверждения. Почти аналогичная ситуация с этими монетами наблюдается при рассмотрении состава денежного хозяйства во всех Карпато-Днестровских землях. Видимо, подобное положение отражает незначительность роли монет Крымского ханства в экономической жизни Молдавского княжества.

Анализ топографии находок этих монет на территории Молдавского феодального государства свидетельствует о том, что они имели весьма ограниченный ареал, располагаясь главным образом на восточной пери-

ферии княжества. Такие монеты были зарегистрированы в составе кладов, обнаруженных у Белгорода-Днестровского, Сарата-Албэ, Трубаевки, Кырпиць и Котул Морий.

Статистика находок монет Крымского ханства также убеждает в том, что масса их на территории Молдавского княжества была довольно незначительной, рисуя в то же время ограниченность их хождения на местных рынках. Судя по имеющимся материалам, хронологический диапазон участия этих монет во внутреннем денежном обращении Днестровско-Карпатских земель едва ли выходит за пределы середины XV — третьей четверти XVI в. Что касается староорхейских находок, то они, по-видимому, не противоречат этому.

Монеты Венеции. Роль золотых иноземных монет в экономической жизни средневековой Молдавии хорошо известна. Выполняя функцию международной валюты, они являлись также средством платежа на внутреннем денежном рынке Молдавского княжества на протяжении многих столетий. Золотая монета превратилась со временем в определенное счетное понятие, фигурировавшее в молдавских средневековых документах под различными наименованиями. Малочисленность находок золотых монет может быть объяснена прежде всего малой долей вероятности утери их (в отличие от массовой мелкой монеты).

Хотя найденный в Старом Орхее экземпляр именуется венецианской монетой, он представляет собой одну из разновидностей генуэзских имитаций, повторявших типы монет с венецианскими дожами. Золотой «венецианский» дукат с именем дожа Микеле Стено (1400—1414) вместо обычного весового и пробирного стандартов (3,55 г, 24 карата), сохранившихся почти неизменными на протяжении более пяти столетий, весит 2,5 г, соответствуя по своему качеству 14-

каратной пробе. Подобные редуцированные экземпляры выпускались в значительных тиражах и имели широкий ареал. Только на территории Карпато-Днестровских земель известно несколько случаев находок имитаций золотых венецианских дукатов. Такие фальсификаты обнаружены в составе Брэештского и Кырпицкого кладов, а также в числе единичных находок у с. Влэдишень и близ с. Бороля.

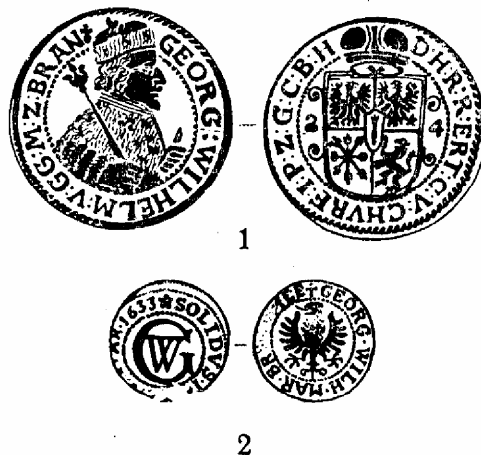
По мнению ряда исследователей, под упоминающимися столь часто в письменных молдавских источниках так называемыми татарскими злотами следует подразумевать золотые венецианские монеты (и их имитации?).

Находка такого «татарского злота» в Старом Орхее — примечательное явление, которое представляет значительный научный интерес.

Монеты Пруссии. Несмотря на то, что находки этих монет в Старом Орхее в процентном отношении совпадают с находками монет Крымского ханства, роль первых во внутреннем денежном обращении Молдавского княжества была намного больше. Они широко распространены на всем ареале Карпато-Днестровских земель, встречаясь в значительной массе как в составе кладов, так и в единичных экземплярах. В составе кладов они обычно сопровождают польско-литовские монеты. Общность каналов их притока во внутреннее денежное обращение Молдавии не вызывает сомнений. Вместе с тем не исключена возможность их появления вследствие прямых торговых контактов.

Создание в 1618 г. ПруССко-Бранденбургской унии привело к интенсификации монетных эмиссий образованного государства. Поскольку Пруссия находилась в ленной зависимости от Речи Посполитой, продукция кенигсбергского и кёльнского монетных дворов вливалась в денежное обращение Речи Посполитой и смежных с

Рис. 70. Георг Вильгельм (1619—1640):
1 — орт (1624); 2 — солид (шиллинг) (1630)

нею земель. Оттуда по множеству каналов эти монеты (обычно совместно с польско-литовскими) поступали на молдавские денежные рынки. Старый Орхей, несомненно, связанный торгово-экономическими узами с другими городскими центрами Молдавского княжества, питался этими ручейками монетного притока. По всей вероятности, свертывание производства мелких монетных номиналов в Речи Посполитой также немало способствовало приливу прусско-бранденбургской монеты во внутреннее денежное обращение Карпато-Днестровских земель.

Несмотря на скромный объем находок прусско-бранденбургской монеты, она сыграла немаловажную роль в староорхейском монетном обращении во второй трети XVII столетия.

Монеты Швеции (Прибалтийских владений). Шведские монеты и их подражания составляют около 5% монетных находок на территории староорхейского городища. Учитывая непродолжительность периода их хождения на местном рынке, это довольно значительная величина.

Появление шведской монеты на территории Карпато-Днестровского ре-

Рис. 71. Густав II Адольф (1611—1632):
солид (1630)

гиона относится, по всей вероятности, к концу 20-х гг. XVII в. Захватив Ливонию (с Ригой, в которой действовало два монетных двора) и город Эльблонг (Ельбинг), Швеция выплеснула на сопредельные прибалтийские владения огромную массу монетного биллона. Став таким образом непосредственным соседом Речи Посполитой, испытывавшей острую потребность в разменной монете, производство которой полностью свернулось после диеты 1627 г., Швеция буквально наводнила соседние денежные рынки монетным биллоном. Отсюда нахлынувшая масса стала распространяться по многочисленным каналам и на земли Карпато-Днестровья, имевшие давние торговые связи со странами Балтийского бассейна.

Известно, что молдавский господарь Дабижа-водэ (1661—1665) наладил в сучавском дворце тайное массовое производство биллонной и субэратной иноземной монеты (шведской, немецкой и польской). Являясь одним из источников дополнительных доходов господаря и принося ему огромные прибыли, эти неполноценные монеты оказывали пагубное воздействие на экономику тех стран, денежные рынки которых буквально захлебывались от подобной «примеси».

Одновременно с вывозом этой «поганой монеты» (как именуют ее молдавские письменные источники) огромные массы ее были выплеснуты на внутренний денежный рынок. Староорхейские находки таких сучавских имитаций — красноречивое тому подтверждение. По-видимому, эта группа находок относится к наиболее поздним монетам, имевшим хождение

на местном рынке в конце третьей четверти XVII в., и завершает картину угасающего вконец денежного обращения.

Монеты Германской (Священной Римской) империи. Огромное количество разнообразных монет этой категории принимало активное участие в денежном обращении Молдавского княжества на протяжении длительного времени. Находки таких монет широко распространены в Днестровско-Карпатском регионе, встречаясь в изобилии как в составе кладов, так и в единичных экземплярах.

Староорхейская находка представляет собой тройной грош, выпущенный Бриксенским епископством в 1615 г., в период правления Карла Австрийского (1613—1624). Эта монета проникла на местный рынок в общем монетном потоке во второй половине первой четверти XVII в.

В молдавских документах XVII в. монета достоинством в три гроша (обычно Речи Посполитой) встречается под термином «потроник». Судя по номиналу, представляется правоммерным отнести к таковым и упомянутую находку, составлявшую во втором десятилетии XVII в. (по отношению к золотому дукату) одну пятую часть галбена.

Наблюдения над монетными находками на территории изучаемого памятника отчетливо выявляют контуры «безмонетного» периода — промежуток времени, отделявший золотоордынский «Новый город» от молдавского Старого Орхей.

Монеты, обнаруженные на территории городища, объективно отражают основные черты денежного обращения в Старом Орхее соответствующего времени и указывают на то, что хронологический диапазон монетного обращения, по всей вероятности, не выходит за пределы рубежа 20—30-х гг. XV в. и конца 70-х гг. XVII в.

Рассмотрение хронологического ряда монетных находок представляет определенный интерес при изучении различных этапов истории этого памятника средневековой Молдавии. Вместе с тем нумизматический материал сам по себе не позволяет уловить четкие хронологические рамки, отделяющие город от сельского населенного пункта. Среди причин, затрудняющих выявление урбанистического этапа истории Старого Орхее, прежде всего следует указать на отсутствие аналогичных разработок по истории других городских центров Молдавии соответствующего периода, которые позволили бы подойти к изучению затронутого вопроса в историко-сравнительном плане. Не меньшую трудность в изучении экономической истории этого памятника составляют отсутствие разработок по истории денежного обращения Молдавского княжества, в частности его восточной периферии — Днестровско-Прутского региона.

Имеющийся в распоряжении исследователей материал о монетных находках в Старом Орхее свидетельствует о том, что в XV в. на местном рынке доминировала молдавская монета, а с начала XVI в. здесь (как и на остальной территории княжества) установилось безраздельное господство иноземной монеты, выполнявшей функции средства внутреннего денежного обращения.

Находки иноземных монет в Старом Орхее, отражая состав и характер денежного обращения локального значения, не могут непосредственно указывать на места и пути их поступления, они являются органической частью молдавского денежного рынка.

Известно, что около 1499 г., а затем в 1510 и 1538—1539 гг. Орхей подвергался разорительным набегам крымских татар и османских полчищ, вследствие чего он перестал существовать как город. В литературе при-

водятся различные даты полного прекращения жизни в Старом Орхее. По данным Г. Д. Смирнова, в конце 30-х гг. XVI в. Орхей был окончательно разрушен и перестал существовать как город и крепость, а в начале 60-х гг. — в период правления Александра Лэпушняну — были уничтожены все крепостные сооружения, после чего Орхей (как город и крепость) уже больше не поднялся⁴⁰. В молдавских грамотах 1574, 1603, 1633 гг. Орхей именуется Старым Орхеем, но не как город, а как место, где был город.

Распределение находок монет по времени чекана⁴¹

1400/1408 (10)*	1550 (2)	1602
1409/1415 (9)*	1551 (2)	1604
1415/1430 (40)*	1552 (3)	1605
1431 (10)*	1556 (2)	1607
1432*	1558	1609 (3)
1433/1435 (3)*	1559	1613
1435/1436 (3)*	1563 (4)	1615
1436/1442*	1564 (2)	1616
1452/1455*	1566 (2)	1617
1457/1476 (14)*	1567	1621
1480/1504 (8)*	1571 (2)	1622
1504 (2)	1573	1623
1504/1516*	1575 (3)	1624 (4)
1508 (3)	1576 (2)	1625 (3)
1512	1577	1626
1517/1527*	1586 (2)	1627 (3)
1521 (2)	1587	1629
1527	1588	1630 (4)
1528	1594	1631 (3)
1536	1596	1633
1542	1597 (2)	1661
1543	1599 (3)	1663
1547	159...	1666
1549	1600 (2)	1669 (2)
		1703 (2)

В период правления Еремии Мовилэ (1600—1606) было предпринято восстановление крепостных сооружений Старого Орхее. Г. Д. Смирнов установил, что третий земляной вал был насыпан в начале XVII в. и что, судя по раскопкам южных ворот, цитадель Орхее была восстановлена. Город стал возрождаться, но под наименованием Пештере, здесь (после длительного перерыва, с 1533 г.) снова появились пыркалабы. Однако около

1633 г. жизнь в городе окончательно замирает и Пештере становится обычным молдавским поселением сельского типа. В 40-х гг. XVII в. село было сметено с лица земли крымскими и буджакскими татарами, нашествие которых превзошло в этот раз по своим разрушительным действиям все их прошлые набеги⁴².

Л. Л. Полевой отнес время окончательного уничтожения поселения, существовавшего на месте бывшего города, примерно к 70-м гг. XVII столетия⁴³. Вместе с тем он высказал предположение о том, что немногочисленные находки монет первой половины XVIII в. не относятся к Старому Орхею, а связаны с существованием в непосредственной близости к городищу ряда сел.

Определенное представление о денежном обращении в Старом Орхее дает таблица распределения находок монет по времени чекана.

Эти данные свидетельствуют о том, что, несмотря на все разрушения, приток монет в Орхей продолжался в течение всего XVI в. (кроме отдельных лет, за которые находки монет отсутствуют). Не исключена вероятность некоторого запоздания в поступлении монет на староорхейский рынок, но сравнительная регулярность их притока убеждает в непрерывности местного денежного обращения (даже если допустить синхронный прилив монет, выпущенных в разные годы).

Наиболее поздними монетными находками изучаемого периода являются два акче Сулеймана III, датируемые второй половиной 80-х гг. XVII столетия. Они могут служить указанием на то, что жизнь на территории городища в те годы продолжалась. Если такое предположение верно, то оно позволяет перенести время окончательного прекращения жизни на городище с 70-х гг. на вторую половину 80-х гг. XVII в.

Эти наблюдения ни в коей мере не претендуют на категоричность и исчерпывающую полноту.

Автор рассматривает свой труд лишь как один из шагов в указанном направлении. Он осознает, что многие вопросы истории монетного обращения в Старом Орхее остались незатронутыми, а те, которых он коснулся, ждут дальнейшего изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 60-х гг. XIV в.
расположенный в излучине Реута между селами Требужены и Бутучены
золотоордынский город Шехр ал-Джедид («Новый город»)
прекратил свое существование¹.

Около полустолетия пролежал он в развалинах. Примерно
в 20-х гг. XV в. на развалинах Шехр ал-Джедида
появилось небольшое молдавское поселение. Жители его
сооружали жилища, используя остатки каменных построек
золотоордынского города.

Самые ранние молдавские сооружения обнаружены главным образом в центральной части поселения, в районе «караван-сараев»; они располагались рядом с ними или примыкали к их стенам. Молдавские постройки прослежены и далее к северу, вплоть до берега Реута. В этой части городища находилась наиболее древняя часть молдавского поселения на территории Орхея, относящаяся к первой половине и середине XV в. Отметим, что здесь найдены монеты первой половины XV в. — молдавские времени правления Александра I (1400—1432), Ильяша I (1432—1433, 1435—1442) и польские времени правления Владислава II Ягелло (1386—1434). Это поселение имело в длину около 600 м и в ширину около 250 м, занимало площадь около 15 га.

Во второй половине XV в. участились нападения татар на Молдавское княжество. Появилась острая необходимость укрепления восточных рубежей страны. Используя естественную защищенность поселения (оно было окружено с трех сторон рекой и обрывистыми берегами), господарь Стефан III укрепил его с запада двумя рядами оборонительных деревянно-земляных сооружений. На западной окраине поселения на высоком берегу Реута был воздвигнут каменный дворец, обнесенный мощной каменной стеной с укрепленными башнями. Это была, видимо, резиденция первого военачальника крепости и округа пыркалаба Гангура. Вместе с пыркалабом появился и военный гарнизон. Заметно изменился количественный и социальный состав населения Орхея: к проживавшим здесь ранее крестьянам прибавились военно-служилые люди, военачальники с семьями и слугами, ремесленники, работавшие на укреплении поселения: каменщики, строители, кузнецы и др.

Изменения, происшедшие в общем облике поселения и его социальном составе, свидетельствуют о том, что основной функцией этого укрепленного пункта была военная защита среднего Поднестровья от вторжения татар. Таким образом, начиная с 70-х гг. XV в. Орхей стал одним из национальных центров обороны.

Это было поселение городского типа, но не ремесленно-торговый центр, а центр обороны страны, по своему облику и социальному составу значительно

отличающийся от поселения первой половины века. Процесс превращения его в город в полном смысле этого слова шел особенно бурно в последней четверти XV в.

За этот сравнительно короткий период город достиг значительного расцвета. Дальнейшее развитие получили такие ремесла, как строительное, камнерезное, обжиг извести, кузнечное, косторезное, деревоотделочное и др. Развитие керамического производства шло по линии специализации: из него выделились изготовление изразцов и керамических труб. Рост производства сопровождался развитием торговли с Польшей и Трансильванией, откуда привозились высококачественные керамические изделия, металлические орудия труда, бытовые предметы и др.

Территория города значительно увеличилась. Он занимал северо-восточную и центральную часть мыса Пештере размерами 1200×600 м, достигая площади около 72 га.

Здесь строились не только земляночные и полуземляночные жилища, но и наземные двухкамерные дома из камня и дерева, с подсобными помещениями, большими погребями, отдельными кладовыми и т. д.

Однако процесс быстрого экономического развития Орхей, превращения его в центр городского ремесла и торговли был прерван в конце XV в. (1499 г.) страшным разгромом. В 1510 г. он вновь подвергся нападению татар Бети-Гирея, которые, по словам летописца, вторгались с трех направлений, грабили страну «...от Орхей до Дорохоя и по Пруту вверх»².

После этих нападений Орхей уже не смог восстановиться.

Он еще был упомянут в 1531 г. среди других молдавских городов секретарем венгерского короля Дж. Рейхерсдорфом³, но доживал тогда последние дни.

Более поздние молдавские грамоты 1574, 1603, 1633 гг.⁴ и другие называют его «Старым», или «Ветхим», Орхеем в отличие от появившегося нового Орхей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхей. — КСИИМК, № 56, 1954, с. 24—39.

² Смирнов Г. Д. Из истории Старого Орхей. — Изв. МФ АН СССР, 1960, № 4 (70), с. 77—87.

³ Смирнов Г. Д. Декоративные кирпичи молдавского города Старый Орхей. — Там же, 1956, № 4 (31), с. 70—71.

⁴ Смирнов Г. Д. Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхей. — Там же, с. 78—87.

⁵ Смирнов Г. Д., Полевой Л. Л., Рафалович И. А. Надгробие XV в. из Старого Орхей со славяно-молдавской надписью. — Лимба ши литература молдовеняскэ, 1962, № 4, с. 45—50.

⁶ Смирнов Г. Д., Рафалович И. А. Раннеславянские находки VI—VII вв. из Старого Орхей. — Изв. АН МССР, 1965, № 12, с. 74—76.

⁷ Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв. Кишинев, 1979, с. 69—70.

⁸ Бырня П. П. Краткие итоги археологических раскопок в Старом Орхее в 1969 году. — АИМ в 1968—1969 гг., 1972, с. 183—200.

⁹ Бырня П. П., Щербакова Т. А. Краткие итоги археологических исследований в Старом Орхее в 1971 г. — АИМ в 1970—1971 гг., 1973, с. 199—216.

¹⁰ Абызова Е. Н., Бырня П. П. Археологические работы в Старом Орхее в 1974—1976 гг. — АИМ (1974—1976 гг.), 1981, с. 170—174.

¹¹ Характеристика материальной культуры золотоордынского времени дана в работе Е. Н. Абызовой, П. П. Бырни и А. А. Нудельмана «Древности Старого Орхей (Золотоордынский период)» (Кишинев, 1981).

1

¹ Бырня П. П. Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв. Кишинев, 1969, с. 113—129.

² SCIV, 1953, N 1—2, p. 47—48.

³ Diaconi Gh. Observații cu privire la urmele vechiului târg al Sucevei în vremea marilor asedii otomane și polone din veacul al XV-lea. — In: Studii și materiale de istorie medie, t. I. Buc., 1956, p. 267.

⁴ Ibidem, p. 274.

⁵ МСА, VI, 1959, p. 680—681, 685—687; VII, 1961, p. 610—612; VIII, 1962, p. 744—747, 752—756.

⁶ Чеботаренко Г. Ф. Археологические раскопки на территории МССР. — Изв. МФ АН СССР, 1956, № 4 (31), с. 184.

⁷ Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974, с. 186—187.

⁸ Бырня П. П. Указ. соч., с. 128.

⁹ МСА, VI, p. 622—693, fig. 8, 9.

¹⁰ Чеботаренко Г. Ф., Бырня П. П. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г. — Изв. МФ АН СССР, 1960, № 4 (70), с. 45—55.

2

¹ Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхей. — КСИИМК, № 56, 1954, с. 36—37.

² Смирнов Г. Д. Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхей. — Изв. МФ АН СССР, 1956, № 4 (31), с. 75—87.

³ Смирнов Г. Д. Из истории Старого Орхей. — Там же, 1960, № 4 (70), с. 85.

⁴ Бырня П. П. Краткие итоги археологических раскопок в Старом Орхее в 1969 году. — АИМ в 1968—1969 гг., 1972, с. 187—190.

⁵ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

⁶ Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А. Древности Старого Орхей (Золотоордынский период). Кишинев, 1981, с. 51—80.

⁷ Бырня П. П. Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв. Кишинев, 1969, с. 91.

- ⁸ Нудельман А. А. Монеты из раскопок и сборов 1971—1972 гг.—АИМ в 1972 г., 1974, с. 221.
- ⁹ См. третий раздел данной работы, с. 72.
- ¹⁰ Там же, с. 83.
- ¹¹ Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхей, с. 38.
- ¹² Смирнов Г. Д. Заселение романизованных племенами Пруто-Днестровского междуречья в свете археологических материалов.—МИАЮЗ СССР и РНР, 1960, с. 309—315.
- ¹³ Diaconu Gh. și Constantinescu N. Cetatea Șcheia. Buc., 1960, p. 89.
- ¹⁴ Busuioc E. Ceramica de uz comun nesmălțuită din Moldova. Buc., 1975, p. 13—48.
- ¹⁵ Авторы выражают искреннюю благодарность доктору исторических наук А. А. Бобринскому за определение технологии конструирования посуды, а также состава формочной массы.
- ¹⁶ Об основных этапах развития функций гончарного круга см.: Бобринский А. А. Указ. соч., с. 27.
- ¹⁷ Там же, с. 99—108.
- ¹⁸ Diaconu Gh. și Constantinescu N. Op. cit., p. 80, fig. 41/2, 7.
- ¹⁹ Ibidem, fig. 40/14.
- ²⁰ Ibidem, p. 72, fig. 35/2.
- ²¹ Spinei V. și Monah D. Șantierul arheologic Brășăuți. — MCA, X, 1973, p. 271, fig. 6/6.
- ²² Busuioc E. Op. cit., fig. 56/1, 5.
- ²³ Matei M. D. Contribuții arheologice la istoria orașului Suceava. Buc., 1963, p. 53, fig. 14/1; p. 57, fig. 16; Busuioc E. Op. cit., fig. 38/1,2; 56/7.
- ²⁴ Martinovici T. Contribuții la cunoașterea ceramicii din a doua jumătate a secolului al XV-lea de pe teritoriul Sucevei.—MCA, IV, 1957, p. 366, fig. 2; Busuioc E. Op. cit., fig. 50/1; 52/3.
- ²⁵ Busuioc E. Op. cit., fig. 35/11.
- ²⁶ Matei M. D. Contribuții arheologice..., p. 134—135.
- ²⁷ Matei M. D. Die graue Keramik von Suceava und einige archäologische Probleme des 14 und 15 Jh. in der Moldau.—Dacia, NS, VI, 1962, p. 357—386; Matei M. D. Contribuții arheologice..., p. 41.
- ²⁸ Rădulescu A. Die Keramik von Siret (14Jh). Zur archäologischen Erforschung der moldauischen mittelalterlichen Stadt.—Dacia, NS, XVI, 1972, p. 226—231; Teodor D. și Zaharia Em.
- Noi date arheologice referitoare la Tirgul Baia.—MCA, IX, 1970, p. 356, fig. 2/7; Chișescu L. Ceramica șampilată de la Roman și unele probleme în legătură cu purtătorii ei în Moldova.—SCIV, 1964, N 3, p. 418.
- ²⁹ Popovici-Baltă R. Cercetări arheologice în așezarea din secolele XIV—XV de la Băiceni (jud. Iași). — AM, VIII, 1975, p. 304, fig. 10/2.
- ³⁰ Ibidem, p. 299, fig. 5/8.
- ³¹ Busuioc E. Op. cit., p. 42, fig. 20—23.
- ³² Ibidem, p. 62.
- ³³ Смирнов Г. Д. Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхей.—Изв. МФ АН СССР, 1956, № 4 (31), с. 78.
- ³⁴ Там же, с. 78, 81—87.
- ³⁵ Там же, с. 78, 79, рис. 2, 3.
- ³⁶ Там же, с. 78.
- ³⁷ Gardawski Aleksander, Kruppé Ierzy. Późnośredniowieczne naczynia kuchenne i stolowe.—In: Szkice Staromiejskie. Warszawa, 1955, s. 137, tabl. 15.
- ³⁸ Смирнов Г. Д. Производство красноглиняных печных изразцов..., с. 79, рис. 3/4,5.
- ³⁹ Там же, рис. 3/3,6.
- ⁴⁰ Там же, рис. 3/2.
- ⁴¹ Świechowska Aleksandra. Kafle warszawskie.—In: Szkice Staromiejskie, s. 165, tabl. 1F.
- ⁴² Смирнов Г. Д. Производство красноглиняных печных изразцов..., с. 79, рис. 2/6; 3/7.
- ⁴³ Świechowska Aleksandra. Op. cit., s. 165, tabl. 1E.
- ⁴⁴ Busuioc E. Op. cit., p. 6, fig. 55/1.
- ⁴⁵ Kruppé Ierzy. Studia nad ceramica XIV wieku Starego Miasta w Warszawie. Warszawa, 1961, s. 93, 34, rys. 13; s. 199, rys. 75.
- ⁴⁶ Busuioc E. Op. cit., p. 13—48; Diaconu Gh. și Constantinescu N. Op. cit., p. 70—80.
- ⁴⁷ Бобринский А. А. Указ. соч., с. 26—27, 33.

¹ Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А. Древности Старого Орхей (Золотоордынский период). Кишинев, 1981, с. 81—88.

² Полевой Л. Л. К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии.—Изв. МФ АН СССР, 1955, № 5 (25), с. 85—93; Он же. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII—XV в. — Там же, 1956, № 4 (31), с. 91—103; Он же. Нумизматические данные к истории молдавского средневе-

кового города Старого Орхей.—КСИИМК, № 66, 1956, с. 78—82; *Он же*. Монеты из раскопок Старого Орхей (1947—1956 гг.).—МИАЮЗ СССР и РНР, 1960, с. 317—352; *Он же*. Монеты из раскопок 1968—1969 гг.—АИМ в 1968—1969 гг., 1972, с. 238—240; *Он же*. Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв. Кишинев, 1979.

³ В скобках указано количество экземпляров.

⁴ Год хиджры.

⁵ *Сиверс А. А.* Топография кладов с пражскими грошами. — В кн.: Труды нумизматической комиссии Российской Академии материальной культуры, т. II. Пг., 1922.

⁶ *Соболева Н. А.* К проблеме обращения пражских грошей в русских землях в XIV—XV вв.—Вестник МГУ. История, сер. IX, 1967, № 2, с. 49—61; *Она же*. Экономические связи Южной и Западной Руси с Чехией в XIV—XV вв. (по данным нумизматики). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967.

⁷ *Рябцевич В. Н.* Топография монетных кладов на территории Белоруссии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965; *Он же*. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV—XV вв.—НисС, т. 2, 1965, с. 121—134; *Он же*. О чем рассказывают монеты. Минск, 1977.

⁸ *Котляр Н. Ф.* Грошовый рынок Галицкой Руси другой половины XIV—первой четверти XV ст. — В кн.: Історичні джерела та їх використання, т. II. Київ, 1966, с. 179—193; *Он же*. Левантійська торгівля Львова XIV—XV вв. по нумизматическим данным.—НЗ, т. VI, 1966, с. 135—148; *Он же*. Денежное хозяйство и монетное дело Червонной Руси 40-х гг. XIV—1-ой четверти XV в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1967; *Он же*. Галицкая Русь у другой половині XIV — першої чверті XV ст. Історико-нумізматичне дослідження. Київ, 1968. *Он же*. Українсько-чеські торговельні зв'язки XIV—XV вв. по нумизматическим данным. — В кн.: Советское славяноведение. Минск, 1969, с. 561—567; *Он же*. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971; *Он же*. Монетное обращение и денежный счет на территории Украины эпохи феодализма (VIII—XVIII вв.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1972; *Он же*. Торговля на Україні в XIV—XV ст. — Український історичний журнал, 1975, № 1 (166), с. 38—47; *Он же*. Нариси історії обігу й лічби монет на Україні XIV—XVIII ст. Київ, 1981.

⁹ *Полевой Л. Л.* К истории...; *Он же*. К топографии...; *Он же*. Монеты из раскопок Старого Орхей; *Он же*. Очерки исторической географии Молдавии...

¹⁰ *Нудельман А. А.* К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV — начале XVI вв.— В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 94—124; *Он же*. Топография кладов и находок единичных монет.— В кн.: Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 8. Кишинев, 1976.

¹¹ *Сиверс А. А.* Указ. соч., с. 6.

¹² *Соболева Н. А.* К проблеме..., с. 51 и сл.

¹³ *Рябцевич В. Н.* К вопросу..., с. 126, 122.

¹⁴ *Котляр Н. Ф.* Украинско-чешские торговые связи..., с. 565.

¹⁵ *Нудельман А. А.* К вопросу..., с. 98 и сл.

¹⁶ *Полевой Л. Л.* К топографии..., с. 94; *Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981, с. 134.

¹⁷ *Соболева Н. А.* Пражские гроши в музеях Украины.—НисС, т. 1, 1963, с. 133; *Котляр Н. Ф.* Галицкая Русь..., с. 81, 133.

¹⁸ *Котляр Н. Ф.* Галицкая Русь...; *Он же*. Грошовий обіг...

¹⁹ *Котляр Н. Ф.* Галицкая Русь..., с. 58.

²⁰ *Котляр Н. Ф.* Грошовый рынок..., с. 183; *Он же*. Галицкая Русь..., с. 76.

²¹ *Котляр Н. Ф.* Грошовый рынок..., с. 183.

²² *Полевой Л. Л.* К истории...; *Он же*. К топографии...; *Он же*. Монеты из раскопок Старого Орхей; *Он же*. Очерки исторической географии Молдавии...

²³ *Полевой Л. Л.* Зарождение денежного хозяйства Молдавского феодального государства.— В кн.: Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев, 1972, с. 9.

²⁴ *Buzdugan G., Luchian O., Oprescu C.* Monede și bancnote românești. Buc., 1977, p. 58.

²⁵ *Полевой Л. Л.* Зарождение денежного хозяйства..., с. 16, 17, 24; *Он же*. Очерки исторической географии Молдавии..., с. 144, 145; История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев, 1976, с. 127.

²⁶ *Piiescu O.* Moneda în România. Buc., 1970, p. 27—28.

²⁷ *Полевой Л. Л.* Очерки исторической географии Молдавии..., с. 70.

²⁸ *Нудельман А. А.* К вопросу..., с. 100 и сл.

²⁹ *Маркевич В. И., Полевой Л. Л., Фин Ш. Р.* Кугурештский монетно-вещевой клад XV в.— В кн.: Труды Государственного историко-краеведческого музея Молдавской ССР, вып. 1. Кишинев, 1961, с. 79.

³⁰ *Buzdugan G., Luchian O., Oprescu C.* Op. cit., p. 39, 58.

- ³¹ Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии..., табл. 16.
- ³² Kirişescu C. Sistemul bănesc al leului și precursorii lui. Buc., 1964, p. 92.
- ³³ История народного хозяйства Молдавской ССР, с. 256.
- ³⁴ Там же, с. 260.
- ³⁵ Котляр Н. Ф. Галицка Русь..., с. 136.
- ³⁶ История народного хозяйства Молдавской ССР, с. 259 и сл.
- ³⁷ Нудельман А. А. К вопросу..., с. 102, 119.
- ³⁸ История народного хозяйства Молдавской ССР, с. 260, 261.
- ³⁹ Полевой Л. Л. Монеты из раскопок Старого Орхея, с. 319.
- ⁴⁰ Смирнов Г. Д. Из истории Старого Орхея. — Изв. МФ АН СССР, 1960, № 4 (70), с. 87; Полевой Л. Л. Монеты из раскопок Старого Орхея, с. 319.
- ⁴¹ Звездочкой отмечены находки монет, на которых год выпуска не указан, датирующиеся по эмиссионным периодам по ряду условных критериев. При подсчетах опущены фрагменты 16 экземпляров неопределенных монет, отнесенных к эмиссиям XV в.
- ⁴² Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхея. — КСИИМК, № 56, 1954; с. 38; Он же. Из истории Старого Орхея, с. 87.
- ⁴³ Полевой Л. Л. Монеты из раскопок Старого Орхея, с. 319.

Заключение

¹ Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А. Древности Старого Орхея (Золотоордынский период). Кишинев, 1981, с. 90.

² Ureche Gr. Letopisețul Țării Moldovei. Buc., 1956, p. 131.

³ Călători străini despre Țările Române, I. Buc., 1968, p. 199.

⁴ Sava A. D. Documente privitoare la târgul și ținutul Orheiului. Buc., 1944, p. 18, 21, 25—27.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ

Археологические исследования в Молдавии (Кишинев)

КСИИМК

Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (Москва)

МИАЮЗ СССР и РНР

Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев)

НПС

Нумизматика и сфрагистика (Киев)

НЭ

Нумизматика и эпиграфика (Москва)

АМ

Arheologia Moldovei (București)

МСА

Materiale și cercetări arheologice (București)

SCIV

Studii și cercetări de istorie veche (București)

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА АБЫЗОВА,
ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БЫРНЯ,
АВРААМ АРОНОВИЧ НУДЕЛЬМАН

ДРЕВНОСТИ
СТАРОГО
ОРХЕЯ

●
Молдавский
период
●

Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом
АН Молдавской ССР

Редактор *М. Н. Карамиля*
Художник *В. М. Шишко*
Художественный редактор *В. А. Хохлов*
Технический редактор *А. Я. Гольденберг*
Корректоры *Н. И. Корчимарь, Л. Г. Руссу*

ИБ № 1890

Сдано в набор 14.09.82.
Подписано к печати 24.11.82.
АБ06557.

Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага типографская № 1.
Литературная гарнитура.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 8,06.
Усл. кр.-отт. 7,6.
Уч.-изд. л. 7,85.
Тираж 940.
Заказ 340.
Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Штиинца».
277028. Кишинев,
ул. академика Я. С. Гросула, 3

Типография издательства «Штиинца».
277004. Кишинев, ул. Берзарина, 8